

ПОДДАЙСЯ ИСКУШЕНИЮ

ИСКУШЕНИЕ

18+

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ТРЕЙСИ ВУЛЬФ

Жажда

Трейси Вульф

Искушение

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Вульф Т.

Искушение / Т. Вульф — «Эксмо», 2020 — (Жажда)

ISBN 978-5-04-155294-7

Моя жизнь изменилась навсегда. Да, я вернулась в академию Кэтмир, но моя память по-прежнему подводит меня. Что со мной произошло, почему я ничего не помню? Как раз в тот момент, когда я наконец начинаю чувствовать себя в безопасности, Хадсон дает о себе знать. Он знает правду, и она разрушит мои отношения с Джексоном. Но пока никто из них не готов раскрыть всех карт, а тем временем зло подбирается к нам все ближе. И теперь я должна бороться не только за себя, но и за других учеников. И их спасение, я уверена в этом как никогда, потребует новых жертв.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-155294-7

© Вульф Т., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1. Я такой проснулась	6
Глава 2. Итак... чего мне не хватало?	10
Глава 3. По сравнению со мной спящая красавица отдыхает	12
Глава 4. Оказывается, шестое чувство – это человеческая жертва	15
Глава 5. Горгульи сейчас в тренде	17
Глава 6. Без крови вампирская рулетка уже не та	20
Глава 7. То, чего я не знаю, сможет мне навредить... как и всем остальным	23
Глава 8. Подари мне немного любви	25
Глава 9. Глюк, порожденный надеждой	27
Глава 10. Заноза в заднице	29
Глава 11. Просто считай, что у меня каменное сердце	32
Глава 12. #Бойцовский_клуб	36
Глава 13. Вмажь мне еще раз	38
Глава 14. Фигли-мигли	42
Глава 15. Начнем, пожалуй	46
Глава 16. Подумаешь, рога	49
Глава 17. Туннельное зрение	51
Глава 18. По-моему, у меня была амнезия раз... или два	55
Глава 19. С поличным	58
Глава 20. Карма – кузина ведьмы[2]	60
Глава 21. Держи своих врагов близко, если только у них не идет кровь	62
Глава 22. Мое любимое слово на букву «с» – это «семья»	65
Глава 23. К такому мультики меня не готовили	68
Глава 24. Пожги немного благовоний	71
Глава 25. Провал за провалом	74
Глава 26. Владеешь, значит, имеешь	78
Глава 27. Когда зло, таящееся внутри, должно убратся вон, вон, вон	80
Глава 28. Иногда девушки просто хотят взять дело в свои руки[8]	83
Глава 29. Я слишком сексуальна для моей куртки... и все остальные тоже[10]	86
Глава 30. Ужин кровопускательницы	90
Глава 31. Добро пожаловать в ледниковый период	93
Глава 32. Что для одного реальность, для другого взрыв мозга	96
Глава 33. Трудно выбирать сражения, когда они выбирают тебя	98
Глава 34. Здесь нет места для нас обоих	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Трейси Вульф Искушение

Tracy Wolff
Crush

© 2020 by Tracy Deebz

© Татищева Е. С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящаю Элизабет Пеллетье и Эмили Сильван Ким, двум самым крутым женщинам в нашем деле. Ни с кем я не хочу пройти этот путь больше, чем с вами.

Глава 1. Я такой проснулась

Быть единственным человеком в школе, полной сверхъестественных существ, – это рискованно даже в лучшие времена. В худшие времена это немного похоже на положение резиновой игрушки в комнате, где полно бешеных собак. А в обычные времена... пожалуй, в обычные времена это довольно клево.

Жаль, что сегодняшний день никак нельзя назвать обычным. Я не знаю почему, но все кажется мне каким-то не таким, когда я иду по коридору, направляясь на урок английской литературы и так крепко сжимая в руке лямку школьного рюкзака, будто это спасательный трос. Возможно, все дело в том, что я ужасно замерзла – мое тело дрожит от холода, пробирающего меня до костей. А может быть, в том, что моя рука, стискивающая лямку рюкзака, превратилась в сплошной синяк, как будто я ввязалась в бой с каменной стеной – и проиграла его. А может, в том, что все вокруг – абсолютно *все* – пожирают меня глазами и притом делают это далеко не так, как в лучшие времена.

Но, с другой стороны, разве когда-то было иначе? Я могла бы уже привыкнуть к тому, что все здесь пожирают меня глазами, поскольку это обычное дело, если ты – девушка принца вампиров; но не тут-то было. Невозможно чувствовать себя в своей тарелке, когда каждый вампир, каждая ведьма или ведьмак, каждый человековолк в Кэтмире останавливаются, чтобы уставиться на тебя, широко раскрыв глаза и еще шире разинув рот – как сейчас. По правде говоря, это придает им не самый привлекательный вид.

Да ладно, в этом уравнении в замешательстве положено пребывать мне – а вовсе не им. Они же всегда знали, что на свете есть и обыкновенные люди. Прошла всего неделя с тех пор, как я обнаружила, что монстры существуют, что они реальны. Они тут везде – и в моей комнате в общежитии, и на уроках... а иногда и в моих объятиях. Так разве не я сейчас должна ходить по школе, изумленно разинув рот и пялясь на *них*?

– Грейс?

Я узнаю этот голос и, обернувшись, вижу перед собой Мекая, который тоже глазеет на меня, кожа на его лице, обыкновенно теплого коричневого оттенка, сейчас кажется восковой.

– А, вот ты где. – Я смотрю на него с широкой улыбкой. – А я уже думала, что сегодня мне придется читать «Гамлета» без тебя.

– «Гамлета»? – Его голос звучит хрипло, а руки, которыми он вытаскивает из кармана телефон, заметно дрожат.

– Ну да, «Гамлета». Ту самую пьесу, которую мы читаем на уроках литературы с тех пор, как я здесь нахожусь. – Я переминаюсь с ноги на ногу, вдруг почувствовав себя неловко, поскольку он продолжает смотреть на меня так, будто увидел призрака... или что-то похуже. Это не похоже на обычное поведение Мекая, каким я его знаю. – Сегодня мы с тобой должны сыграть сцену, или ты забыл?

– Мы не... – Он обрывает свой ответ на полуслове и лихорадочно тычет в клавиатуру большими пальцами с таким видом, будто пишет самое важное сообщение в своей жизни.

– С тобой все в порядке? – уточняю я, подходя к нему поближе. – Выглядишь ты не очень.

– Это *я-то* выгляжу не очень? – Он раздражается смехом и дрожащей рукой ерошит свои длинные темные волосы. – Грейс, ты же...

– Мисс Фостер?

Мекай замолкает, услышав этот голос – незнакомый мне и такой громовой, что он заполняет собой весь коридор.

– Вы в порядке?

Я устремляю на Мекай недоуменный взгляд, и, повернувшись, мы видим, что по коридору к нам, широко шагая, спешит мистер Бадар, преподаватель лунной астрономии.

– Да, все хорошо, – отвечаю я, невольно делая шаг назад. – Я просто пытаюсь попасть на урок до того, как прозвонит звонок. – Он останавливается прямо перед нами, и я, моргая, смотрю на него. Вид у Бадара куда более потрясенный, чем можно было ожидать при таком вот обмене репликами, проходящем рано утром в школьном коридоре. Я ведь всего лишь болтала с моим другом, когда он подошел.

– Нам надо разыскать вашего дядю, – говорит он, взяв меня за локоть и пытаясь увлечь в ту сторону, откуда я только что пришла.

В его тоне есть нечто, не дотягивающее до полноценной тревоги, но звучащее более настоятельно, чем обыкновенная просьба, и это нечто заставляет меня безропотно последовать за ним под стрельчатыми сводами коридора. Это и еще поспешность, с которой Мекай, всегда такой невозмутимый, отходит в сторону.

С каждым шагом ощущение, что что-то здесь не так, становится все острее. Все, кто попадает на пути, останавливаются как вкопанные, нервозность мистера Бадара от этого только возрастает.

– Не могли бы вы объяснить мне, в чем дело? – спрашиваю я, когда толпа перед нами расступается. Я наблюдаю это явление не впервые – ведь я как-никак встречаюсь с Джексонем Вегой, – но сейчас это происходит, когда моего парня нет рядом, и прежде такого не бывало никогда. Чертовски странно.

Мистер Бадар смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова, затем спрашивает:

– А вы не понимаете?

Напряжение и изумление, которые я слышу в его раскатистом низком голосе, только усиливают мое смятение. Тем более что это напоминает мне о том, как выглядело лицо Мекай, когда пару минут назад он извлекал из кармана свой телефон.

Точно такое же выражение появляется на лице Кэма, когда мы проходим мимо открытого кабинета химии, в котором он стоит. И лицо Гвен. И лицо Флинта.

– Грейс! – кричит Флинт, выбежав из класса и пристроившись к нам с мистером Бадаром. – Боже мой, Грейс! Ты вернулась!

– Не сейчас, мистер Монтгомери, – рявкает учитель, щелкая зубами после каждого слова.

Стало быть, он человековолк... во всяком случае, такой вывод можно сделать, оценив размер клыков, которые выглядывают из-под его верхней губы. Впрочем, мне следовало догадаться об этом раньше, раз уж он преподает такой предмет – кого лунная астрономия может интересовать больше, чем тех, кому время от времени хочется повить на луну?

И мне впервые приходит в голову, что, быть может, этим утром случилось нечто такое, о чем я еще не знаю. Неужели Джексон и Коул, этот вожак человековолков, сцепились опять? Или Джексон подрался с каким-то другим человековолком – к примеру, Марком или Куинном? Это кажется мне маловероятным, ведь в последнее время все они обходят нас десятой дорогой. А если дело не в этом, то с какой стати этот учитель-человековолк, с которым я даже незнакома, охвачен сейчас такой паникой и почему он так упорно стремится отвести меня к моему дяде?

– Подожди, Грейс... – Флинт тянется ко мне, но мистер Бадар не дает ему дотронуться до меня.

– Я же сказал – не сейчас, Флинт! Идите на урок! – Голос, которым мистер Бадар произносит эти слова, больше похож на рычание.

Флинт, похоже, хочет возразить, его собственные острые зубы тоже обнажаются, блестя в мягком свете люстр, однако, видимо, решает, что ситуация того не стоит – потому что в итоге ничего не отвечает. Он просто останавливается как вкопанный и смотрит, как мы идем мимо... как и все в этом коридоре.

Несколько человек хотят подойти – например, подруга Мэйси, Гвен, но учитель лунной астрономии опять предостерегающе рычит, чуть ли не конвоируя меня, и все они остаются на своих местах.

– Держитесь, Грейс. Мы уже почти пришли.

– Почти пришли куда? – говорю я и слышу, что мой голос звучит сипло.

– В кабинет вашего дяди, куда же еще? Он давно вас ждет.

Чушь какая-то. Я же видела дядю Финна только вчера.

Мне становится не по себе, по рукам и спине бегут мурашки. Что-то здесь не так. Здорово не так.

Когда мы заворачиваем за угол и оказываемся в другом коридоре, том, который увешан гобеленами и в который выходит дверь кабинета дяди Финна, я тоже решаю достать из кармана свой телефон. Надо поговорить с Джексоном. Уж *он-то* скажет мне, что происходит.

Не может же все это быть из-за Коула, ведь так? Или из-за Лии? Или из-за... Я вскрикиваю, когда мои мысли вдруг с размаху натыкаются на гигантскую стену, усеянную огромными металлическими шипами, которые вонзаются прямо мне в голову.

Хотя эта стена неосязаема и ее нельзя потрогать, мысленно натолкнувшись на нее, я испытываю ошеломительную душевную боль. И застываю, ошарашенная. Придя в себя от охватившего меня изумления – и боли, – я опять силюсь преодолеть препятствие в попытке собраться с мыслями. Нужно направить их по тому пути, который вдруг оказался полностью перегорожен, наглухо закрыт.

И тут до меня доходит, что я не помню, как я сегодня утром проснулась. Не помню, как завтракала. Как одевалась. Как говорила с Мэйси. Я вообще не помню сегодняшний день.

– Какого черта тут происходит?

Я даже не осознаю, что произнесла эти слова вслух, пока учитель не отвечает, причем довольно мрачно:

– Полагаю, Фостер надеялся, что это ему расскажете вы.

Не такого ответа я ожидала, и я снова пытаюсь достать из кармана телефон – уж на этот раз я не стану отвлекаться ни на что, пока не выну его. Мне нужен Джексон.

Вот только моего телефона нет ни в том кармане, где я обычно держу его, ни в остальных. Как такое возможно? Я никогда нигде не забываю телефон.

Мое смутное беспокойство превращается в страх, который сменяется паникой, вопросы сыплются один за другим. Я пытаюсь выглядеть спокойной, пытаюсь не показать двум десяткам человек, которые сейчас смотрят на меня, как я на самом деле напугана. Но трудно сохранять невозмутимый фасад, когда ты не имеешь ни малейшего представления о том, что произошло.

Мистер Бадар слегка подталкивает мой локоть, чтобы я сдвинулась с места, и я следую за ним как на автопилоте. Мы делаем еще один поворот и, в конце концов, оказываемся перед дверью кабинета директора Кэтмира, моего дяди Финна. Я ожидаю, что мистер Бадар постучит, но он просто распахивает дверь и проводит меня в приемную, где за столом сидит помощница дяди Финна, миссис Хейвершем, сосредоточенно печатая что-то на своем ноутбуке.

– Я сейчас, – говорит она. – Мне нужно только...

Она отрывает глаза от экрана, глядит поверх своих полукруглых фиолетовых очков и, увидев меня, замолкает на середине фразы. Вскочив со стула, который отлетает назад и со стуком ударяется о стену, она зовет моего дядю:

– Финн, скорее сюда! – Выбежав из-за стола, она порывисто обнимает меня. – Грейс, как я рада тебя видеть! Как чудесно, что ты здесь!

Я понятия не имею, что она хочет этим сказать и почему она вдруг бросилась обнимать меня. То есть миссис Хейвершем, конечно, весьма приятная дама, но я понятия не имею, когда наши с ней отношения успели проделать весь путь от официальных приветствий до таких вот импульсивных и восторженных объятий.

Однако я обнимаю ее в ответ. И даже похлопываю по спине – правда, с некоторой опаской, но ведь это не считается, главное – внимание. От ее белых кудрей приятно пахнет жимолостью.

– Я тоже рада вас видеть, – говорю я, начиная отстраняться и надеясь, что в этой и без того странной ситуации достаточно будет пяти секунд объятий.

Но, похоже, миссис Хейвершем настроена обнимать меня долго, ее руки обвили меня так крепко, что мне становится трудно дышать. Не говоря уже о том, что я чувствую себя неловко.

– Финн! – кричит она опять, не обращая внимания на тот факт, что ее губы, накрашенные ярко-красной помадой, почти касаются моего уха. – Финн! Это...

Дверь кабинета моего дяди распахивается.

– Глэдис, у нас же есть интерком... – Он тоже замолкает, не закончив фразу, и его глаза широко раскрываются, когда он видит мое лицо.

– Привет, дядя Финн. – Я улыбаюсь ему, когда миссис Хейвершем наконец ослабляет хватку, и я перестаю ощущать аромат жимолости, исходящий от ее волос. – Извини, что побеспокоила тебя.

Мой дядя не отвечает. Вместо этого он просто не сводит с меня глаз, открывая и закрывая рот, но не произнося ни звука.

И у меня обрывается сердце.

Пусть я не знаю, что я ела сегодня на завтрак, но одно я знаю точно... Что-то тут не так, очень, очень не так.

Глава 2. Итак... чего мне не хватало?

Я пытаюсь собраться с духом, чтобы спросить дядю Финна, в чем же дело – до этого он мне никогда не лгал (во всяком случае, если я задавала ему прямые вопросы), – но прежде, чем я успеваю извлечь звуки из своего напрочь пересохшего горла, он кричит:

– Грейс! – После чего бросается ко мне через всю приемную. – Грейс! О боже, Грейс! Ты вернулась.

Вернулась? Почему люди повторяют это слово? Куда же я уезжала? И почему они не ожидали, что я вернусь?

Я опять начинаю рыться в своей памяти и *опять* натываюсь на гигантскую стену. На сей раз это уже не так больно – наверное, потому, что первое потрясение прошло, – но я все равно чувствую некоторый дискомфорт.

Как и миссис Хейвершем, дядя Финн, оказавшись рядом, тут же обнимает меня, его руки медвежьей хваткой сжимают мою спину, и меня обволакивает исходящий от него запах леса, такой знакомый, такой родной. Его объятия успокаивают – куда больше, чем я ожидала, – и я припадаю к его груди и немного расслабляюсь, но по-прежнему не могу понять, что же произошло. Почему мне не удается вспомнить ничего, что могло вызвать подобную реакцию у моего дяди... да и у всех остальных?

Я же просто шла по коридору, направляясь на урок, как и любая другая ученица или ученик.

Наконец дядя Финн отстраняется, но всего лишь для того, чтобы посмотреть на мое лицо.

– Грейс, я все никак не могу поверить, что ты вернулась к нам. Нам так тебя не хватало.

– Не хватало? – повторяю я, сделав два шага назад, полная решимости добиться от него ответов. – В каком смысле? И почему все вокруг ведут себя так, будто увидели привидение?

На секунду во взгляде дяди Финна, который он бросает на учителя, приведшего меня сюда, мелькает паника, такая же, как та, которую я стараюсь подавить в себе, но затем его лицо разглаживается, глаза становятся пустыми (что теперь не пугает меня), и он, обвив рукой мои плечи, говорит:

– Давай пойдем в мой кабинет и обсудим все это, хорошо, Грейс? – Он снова переводит глаза на мистера Бадара. – Спасибо, Радж. Я благодарен тебе за то, что ты привел Грейс ко мне.

Мистер Бадар молча кивает, затем его взгляд ненадолго задерживается на мне, и он выходит в коридор.

Дядя Финн мягко подталкивает меня к двери своего кабинета – что это с ними всеми, почему им так нужно куда-то двигать меня? – и при этом, не переставая, дает указания миссис Хейвершем:

– Пожалуйста, отправь сообщение Джексону Веге и попроси его прибыть ко мне как можно скорее. И посмотри, в какое время у моей дочери... – он смотрит на меня, затем опять на свою помощницу, – заканчивается *внутрисеместровый экзамен*.

Миссис Хейвершем кивает, но в это мгновение дверь, которую закрыл за собой мистер Бадар, распаивается с такой силой, что ее круглая ручка с грохотом ударяется о каменную стену у меня за спиной.

Мои нервные окончания приходят в боевую готовность, каждый волосок на теле встает дыбом, потому что, даже не оборачиваясь, я точно знаю, знаю каждой клеточкой моего тела, кто сейчас вошел в дверь.

Джексон.

Всего один быстрый взгляд, брошенный через плечо на его лицо, позволяет узнать все, что мне нужно знать. В том числе и то, что сейчас он поднимет шум. Причем отнюдь не в хорошем смысле этого слова.

– Грейс. – Его голос едва слышен, однако земля под моими ногами начинает качаться, когда я встречаюсь с ним взглядом.

– Все в порядке, Джексон. Я в порядке, – успокаиваю я его, но, похоже, мои уверения не имеют значения, потому что не проходит и секунды, как он оказывается рядом и, вырвав меня из объятий дяди Финна, сжимает своими мускулистыми руками.

Я никак не ожидала такого – не ожидала, что он будет так явно демонстрировать свои чувства перед моим дядей, – но едва наши тела соприкасаются, мне становится все равно. Внутреннее напряжение уходит без следа, как только я ощущаю прикосновение его кожи к моей. У меня такое чувство, будто я впервые задышала свободно после того, как Мекай позвал меня в коридоре. А может быть, свободно я не дышала куда дальше.

«Вот чего мне не хватало, – понимаю я, прильнув к его груди. – Вот что я искала, сама не осознавая, до того самого момента, когда меня обвинили его руки».

Должно быть, Джексон чувствует сейчас то же, что и я, потому что он прижимает меня к себе еще теснее, одновременно делая долгий, медленный выдох. Он содрогается, и, хотя земля и перестала ходить ходуном, по ней все еще пробегает еле заметная дрожь.

Я стискиваю Джексона крепче.

– Со мной все в порядке, – уверяю я его опять, хотя мне и непонятно, почему он так взволнован. И почему дядя Финн был так потрясен, когда увидел меня. Но моя растерянность уже уступает место возрастающей панике, которую я так и не сумела подавить.

– Я не понимаю, – бормочу я, отстранившись, чтобы посмотреть Джексону в глаза. – Что не так?

– Все будет хорошо. – Его слова звучат четко, ясно, взгляд темных глаз – пронзительный, разящий – ни на миг не отрывается от моих.

Я и так напряжена после всего того, что происходило утром, и внезапно чувствую, что это уже чересчур. Я отвожу от него глаза и смотрю в сторону, пока мое дыхание не восстанавливается. Однако это не помогает, так что, в конце концов, я вновь утыкаюсь лицом в его твердую грудь и просто вдыхаю его запах.

Его сердце бьется гулко и быстро – слишком быстро – под моей щекой, но он по-прежнему так близок мне и кажется таким родным. И запах у него родной – от него пахнет апельсинами, снегом и нагретой корицей. Да, он родной. Сексуальный.

И мой.

Я вздыхаю, прижимаюсь к нему теснее. Мне этого не хватало, но я не понимаю почему. Ведь с тех пор, как я оставила лазарет, мы с ним были практически неразлучны.

С тех пор как он сказал мне, что любит меня.

– Грейс. – Он шепчет мое имя так, словно это молитва, необъяснимо перекликающаяся с моими собственными мыслями. – Моя Грейс.

– Да, твоя, – соглашаюсь я шепотом, надеясь, что меня не слышит мой дядя Финн, и стискиваю талию Джексона.

И вдруг внутри меня что-то оживает – что-то могучее, всепоглощающее, страстное. Это как взрыв, сотрясающий меня до самых глубин души.

Остановись!

Нельзя!

Не с ним.

Глава 3. По сравнению со мной спящая красавица отдыхает

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, я отталкиваю Джексона и, спотыкаясь, делаю несколько шагов назад.

Он издает какой-то утробный звук, но не пытается остановить. Он просто смотрит на меня, и в его взгляде читается такое же потрясение, какое испытываю сейчас и я сама.

– Что это было? – шепчу я.

– О чем ты? – отвечает он, пристально глядя на меня. И тут я понимаю, что он этого не услышал, не *ощутил*.

– Не знаю. Прости, – эти слова вырываются у меня безотчетно. – Я не хотела...

Он качает головой, тоже сделав шаг назад.

– Не бери в голову, Грейс. Все в порядке. Ведь тебе пришлось столько всего пережить.

Он имеет в виду то, что случилось с Лией, говорю я себе. Но ведь тогда и ему пришлось много чего пережить. И по нему это заметно, я понимаю это, когда окидываю его взглядом с головы до ног. Сколько я его помню, он никогда не был таким худым, так что теперь его умопомрачительные скулы и волевой подбородок кажутся еще рельефнее. Его темные волосы стали чуть длиннее и выглядят непокорнее, чем обычно, они почти полностью закрывают его шрам, а фиолетовые круги под глазами так темны, что похожи на синяки. Он по-прежнему прекрасен, но теперь его красота подобна открытой ране, от вида которой у меня щемит сердце.

Чем дольше я смотрю на него, тем больше меня одолевает паника. Такие изменения не могли произойти за одну ночь. Волосы у людей заметно не отрастают за день или два, и они не худеют так быстро. Что-то произошло, что-то существенное, но я почему-то не помню что.

– В чем дело, Джексон? – Когда он не отвечает, я поворачиваюсь к дяде, чувствуя вдруг вспыхнувший гнев. Как же мне надоело, что меня все время держат в неведении.

– Скажи мне ты, дядя Финн. Я знаю – что-то не так. Я это чувствую. К тому же у меня что-то с памятью, и...

– У тебя что-то с памятью? – повторяет дядя Финн, впервые подойдя ко мне близко с тех пор, как сюда вошел Джексон. – Что именно ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что не могу вспомнить, что я ела сегодня на завтрак. Или о чем мы с Мэйси говорили вчера перед тем, как лечь спать.

Джексон и дядя Финн обмениваются долгими взглядами.

– Прекратите, – говорю я им. – Не пытайтесь вести себя так, будто меня тут нет.

– Мы и не пытаемся, – заверяет меня дядя Финн, примирительно приподняв руку ладонью вверх. – Мы, как и ты, пытаемся понять, что к чему. Давайте пройдем в мой кабинет и поговорим. – Он поворачивается к миссис Хейвершем. – Не могла бы ты вызвать сюда Мэриз? Скажи ей, что здесь Грейс, и попроси прийти как можно скорее.

Она кивает.

– Само собой. Я дам ей знать, что это срочно.

– А зачем нам Мэриз? – Я чувствую, как мышцы живота напрягаются при мысли о том, что меня опять будет осматривать наша школьная фельдшер, по совместительству являющаяся вампиром. После последних двух осмотров мне пришлось проваляться в кровати куда дольше, чем хотелось. – Я же не больна.

Но тут я во второй раз за сегодняшний день опускаю взгляд на свои руки, и ко мне наконец приходит осознание того, что они окровавлены и все в синяках.

– Вид у тебя, прямо скажем, неважный, – нарочито спокойным тоном говорит мой дядя, когда мы входим в его кабинет и он закрывает за нами дверь. – Я просто хочу, чтобы тебя осмотрел медик, чтобы убедиться, что все в порядке.

У меня накопилась куча вопросов, и я твердо настроена получить ответы на них. Но, когда я усаживаюсь на один из стульев, стоящих напротив письменного стола дяди Финна из вишневого дерева, сам он пристраивается на угол столешницы и начинает задавать мне собственные вопросы:

– Я понимаю, что это может показаться тебе странным, Грейс, но не могла бы ты сказать мне, какой сейчас месяц?

– Какой *месяц*? – У меня падает сердце, сжимается горло, и я с трудом выдавливаю из себя: – Ноябрь.

Когда Джексон и дядя Финн переглядываются опять, до меня доходит, что с моим ответом что-то здорово не так. По спине моей бегут мурашки, я пытаюсь сделать глубокий вдох, но на мою грудь словно давит тяжелый груз, и у меня ничего не выходит. В висках стучит кровь, я чувствую себя все хуже, но отказываюсь сдаться на милость тому, что обещает стать полномасштабной панической атакой. Вместо этого я хватаюсь за края стула, чтобы дать себе точку опоры, и трачу следующую минуту на то, чтобы мысленно перечислить несколько предметов в комнате, как меня учила мать Хезер после того, как погибли мои родители.

Письменный стол. Часы. Комнатное растение. Волшебная палочка. Ноутбук. Книга. Ручка. Папки. Еще одна книга. Линейка. К тому времени, когда я дохожу до конца перечня, мой сердечный ритм становится почти нормальным и мое дыхание тоже. Вместе с этим я обретаю абсолютную уверенность в том, что случилось нечто ужасное.

– Какой *месяц*? – тихо повторяю я, повернувшись к Джексону. С первого моего дня в Кэтмире он был со мной так честен, как только мог, и именно это мне нужно теперь. Я беру его руку, обхватываю ее обеими ладонями. – Пожалуйста, Джексон, скажи мне, чего я не знаю?

Джексон нехотя кивает.

– Тебя не было почти четыре месяца.

– Четыре месяца? – На меня обрушивается шок. – *Четыре месяца*? Не может быть!

– Я понимаю, что тебе это кажется странным, – пытается успокоить меня дядя Финн. – Но сейчас март, Грейс.

– Март, – повторяю я, потому что, похоже, только на это – повторять за другими – я сейчас и способна. – А какое число?

– Пятое марта, – голос Джексона звучит угрюмо.

– Пятое марта. – Это даже не паника: меня захлестывает ужас – дикий, чудовищный ужас. На меня наваливается неопишное ощущение болезненной незащищенности и пустоты. Четыре месяца моей жизни – последнего моего года в школе – просто исчезли, и я не помню о них ничего, ничего. – Я не понимаю. Как я могла...

– Все хорошо, Грейс, ничего страшного. – Джексон, по-прежнему, не отрываясь, смотрит мне в глаза, его взгляд тверд, пожатие руки тоже. – Мы с этим разберемся.

– Ничего страшного? Я же потеряла четыре месяца, Джексон! – Когда я произношу его имя, мой голос срывается, я судорожно хватаю ртом воздух и пытаюсь еще раз. – Что со мной произошло?

Дядя сжимает мое плечо.

– Сделай еще один глубокий вдох, Грейс. Хорошо. – Он ободряюще улыбается. – Умница. А теперь сделай еще один такой вдох и медленный выдох.

Я делаю, как он сказал, замечая, что, пока я выдыхаю, его губы продолжают шевелиться. *Успокаивающее заклинание?* – думаю я, когда еще раз вдыхаю и медленно выдыхаю, досчитав про себя до десяти. Если это и впрямь заклинание, нельзя сказать, что оно так уж эффективно.

– Теперь, когда будешь готова, скажи мне, что последнее ты помнишь? – Он тоже смотрит мне в глаза, и его взгляд полон теплоты.

Последнее, что я помню.

Последнее, что я помню.

Этот вопрос кажется простым, но для меня он совсем не прост. Отчасти из-за зияющего черного провала в моей памяти, отчасти из-за того, что столь многое из того, что я помню, плохо различимо, туманно. Как будто мои воспоминания находятся глубоко-глубоко под водой и я вижу только их тень. Тень былого.

– Я помню все о том, что случилось из-за Лии, – говорю я наконец, потому что так оно и есть. – Помню, как лежала в лазарете. Помню... как мы лепили снеговика.

Это воспоминание согревает мою душу, и я улыбаюсь Джексону, а он улыбается мне в ответ – во всяком случае, губами. В глазах же его читается все та же тревога.

– Я помню, как Флинт извинился передо мной за то, что пытался меня убить. Помню... – Я осекаюсь и прижимаю ладонь к моей вдруг жарко вспыхнувшей щеке, когда вспоминаю, как по чувствительной коже моих шеи и плеча скользили клыки, прежде чем погрузиться в плоть. – Джексона. Я помню Джексона.

Мой дядя прочищает горло с таким видом, будто он тоже изрядно смущен. Но вопрос его звучит коротко:

– Может, что-нибудь еще?

– Не знаю. Это так... – Я опять осекаюсь, когда в мозгу пронесется новое воспоминание – ясное, четкое. Я поворачиваюсь к Джексону, ища подтверждения. – Мы шли по коридору. Ты начал рассказывать мне что-то забавное. Это была шутка про... – Ясность начинает размываться, сменяться туманной мглой, которая теперь заволакивает большую часть моих воспоминаний. Я пытаюсь прорваться сквозь нее, цепляясь за одну-единственную отчетливую мысль. – Нет, дело было не так. Я спросила тебя, какая у твоей шутки концовка. У той, про пирата.

Я застываю, когда ясной становится еще одна часть этого воспоминания, та, от которой у меня холодеет кровь.

– О боже! Хадсон! У Лии получилось. Она вернула его. Он был здесь.

Я смотрю то на Джексона, то на дядю Финна, ища у них подтверждения, пока этот образ затапливает все мое существо. Тянет меня в глубину. – Он жив? – спрашиваю я, и мой голос дрожит, как натянутая струна под тяжестью всего, что Джексон рассказал мне о своем брате. – Он в Кэтмире?

Лицо Дяди Финна мрачнеет.

– Как раз об этом мы и хотели тебя спросить.

Глава 4. Оказывается, шестое чувство – это человеческая жертва

– Меня? Но откуда мне это знать? – Однако, когда я задаю этот вопрос, на меня обрушивается еще одно воспоминание. Я смотрю на Джексона, которого теперь явно обуял ужас. – Я встала между ним и тобой.

– Да. – Его кадык конвульсивно дергается, а глаза, всегда темные, как беззвездное ночное небо, кажутся еще темнее и мрачнее.

– У него был нож.

– Вообще-то это был меч, – вставляет мой дядя.

– Точно. – Я закрываю глаза и вспоминаю все.

Мы шли по коридору.

Я краем глаза увидела Хадсона с занесенным мечом. И встала между ним и Джексоном, потому что Джексон мой – и я должна любить его и защищать.

Меч опустился.

А затем... ничего. Это все, что я помню.

– О боже. – Меня опять захлестывает ужас, когда в голову приходит новая чудовищная мысль. – О боже.

– Все в порядке, Грейс. – Мой дядя похлопывает меня по плечу, но я уже начинаю подниматься.

– О БОЖЕ! – Я отпихиваю свой стул назад, вскакиваю на ноги. – Значит, я умерла? Поэтому я больше и не могу ничего вспомнить? Поэтому все так пялились на меня в коридоре? Значит, вот оно что, да? Я умерла.

Я принимаюсь ходить взад и вперед, мысли у меня разбегаются.

– Но я все еще тут, с вами. И люди видят меня. Я что, призрак?

Я тшусь уложить эту мысль в голове, но тут мне на ум приходит другая, еще хуже. Я резко поворачиваюсь и впиваюсь глазами в Джексона.

– Скажи мне, что я призрак. Скажи, что ты не делал того же, что и Лия. Что ты не заточил какого-то беднягу в той жуткой, мерзкой темнице и не использовал его, чтобы вернуть меня. Скажи, что ты этого не делал, Джексон. Скажи, что я хожу по земле не потому, что ты проделал какой-то ритуал с человеческим жертвоприношением, который...

– Притормози! – Джексон стремительно огибает мой стул и берет меня за плечи. – Грейс...

– Я серьезно. Надеюсь, ты не последовал примеру доктора Франкенштейна, чтобы вернуть меня. – Я иду вразнос, понимаю это, но ничего не могу поделать с ужасом и отвращением, бушующими во мне, превращающимися в темную, ядовитую смесь, над которой я не властна. – Надеюсь, там не было крови. Или заклинаний. Или...

Он качает головой, и его отросшие волосы скользят по плечам.

– Я ничего не делал!

– Стало быть, я все-таки призрак? – Я поднимаю руки и смотрю на свежую кровь, краснеющую на кончиках пальцев. – Но если я умерла, как у меня может идти кровь? Как я могу...

Джексон мягко сжимает мои плечи и поворачивает лицом к себе.

Потом делает глубокий вдох.

– Ты не призрак, Грейс. Ты не умерла. И я уж точно не совершал жертвоприношений – ни человеческих, ни каких-то еще – чтобы вернуть тебя.

Проходит несколько секунд, но его слова и серьезный тон наконец доходят до меня.

– Не совершал?

– Нет. – Он усмехается. – Нет, я не говорю, что не был готов это сделать. За эти четыре месяца я куда лучше понял, каково было Лии. Но у меня не было такой нужды.

Я взвешиваю его слова, ищу в ответе какие-то увертки, сопоставляя его со вдруг ставшим отчетливым воспоминанием о том, как меч Хадсона опустился на мою шею.

– Тебе не пришлось это делать, потому что есть другой путь воскресить человека из мертвых? Или потому что...

– Потому что ты не умерла, Грейс. Ты не погибла, когда Хадсон рубанул тебя тем мечом.

– Ах, вот оно что. – Это вообще не приходило мне в голову. Но теперь, когда я слышала такой логичный, хотя и чертовски невероятный ответ, я понятия не имею, что мне сказать. Разве что... – Выходит... я была в коме?

– Нет, Грейс. – На сей раз мне отвечает мой дядя. – Ты не была в коме.

– Тогда что же произошло? Потому что, хотя в памяти у меня и зияют дыры, последнее, что я помню – это как твой брат-психопат попытался убить тебя и...

– И ты встала между нами, чтобы принять удар на себя, – рычит Джексон, и я в который раз убеждаюсь, насколько обострены его чувства. Просто до этого момента я не знала, что среди этих чувств есть гнев. Что и понятно, но...

– Ты бы сделал то же самое, – тихо говорю я. – И не пытайся это отрицать.

– Я и не пытаюсь. Но для *меня* это было бы естественно. Ведь я...

– Мужчина? – перебиваю его я тоном, в котором звучит предостережение.

Но он только закатывает глаза.

– Вампир. Как-никак я *вампир*.

– Ну и что? Ты что, станешь утверждать, что тот меч не мог тебя убить? Потому что я ясно видела, что Хадсон *на самом деле* был намерен тебя убить.

– Да, этот меч мог меня убить. – Он делает это признание с явной неохотой.

– Так я и подумала. Тогда в чем же фишка? Ах да, конечно. Ты же *мужчина*. – Произнося это слово, я вкладываю в него как можно больше яда. Но это длится недолго, поскольку прилив адреналина, поддерживавший меня последние несколько минут, сходит на нет. – Но тогда где же я была эти четыре месяца?

– Три месяца двадцать один день и примерно три часа, если быть точным, – отвечает Джексон, и, хотя его голос тверд, а лицо бесстрастно, я слышу муку в его словах. Слышу все то, чего он не говорит, и мне становится больно. За него. За себя. За нас обоих.

Его кулаки сжаты, зубы стиснуты, шрам на щеке натянулся – вид у него сейчас такой, будто он хочет ринуться в бой, если только поймет, кого или что ему надо винить.

Я успокаивающе глажу его по плечам, затем поворачиваюсь к дяде. Если я потеряла почти четыре месяца своей жизни, я желаю знать почему. И как.

И может ли нечто подобное случиться снова.

Глава 5. Горгульи сейчас в тренде

– Последнее, что я помню – это как я приготовилась к удару меча Хадсона. – Я смотрю то на дядю, то на Джексона, которые сжали зубы с таким видом, будто им очень не хочется мне что-то говорить. – Так что же было потом? Он ранил меня?

– Не совсем, – отвечает мой дядя. – То есть меч коснулся тебя, да. Но он не нанес тебе ущерба, поскольку ты уже обратилась в камень.

Я проигрываю эти слова в голове снова и снова, но сколько бы я их ни повторяла, в них отсутствует смысл.

– Что-что? Ты сказал, что я обратилась...

– В камень. Ты обратилась в камень, Грейс, прямо у меня на глазах, – говорит Джексон. – И оставалась камнем последние сто одиннадцать дней.

– Что именно ты имеешь в виду, говоря «камень»? – спрашиваю я опять, пытаюсь каким-то образом понять то, что кажется невозможным.

– Я хочу сказать, что все твое тело представляло собой сплошной камень, – уточняет мой дядя.

– Как если бы я превратилась в *статую*? Ты об этом?

– Нет, не в статую, – спешит успокоить меня дядя Финн, настороженно глядя на меня, будто пытается решить, какое количество информации я способна воспринять. Какая-то часть меня понимает его мотивы, хотя это чертовски раздражает.

– Пожалуйста, скажите мне, – говорю наконец я. – Поверьте, куда хуже вариться в собственном соку, пытаюсь разобраться, что к чему, чем просто знать. Итак, если я была не статуей, то... чем же? – Я силюсь подыскать хоть какое-то объяснение, но мне на ум не приходит ничего.

И мой дядя продолжает мяться, заставляя меня думать, что каким бы ни был ответ на мой вопрос, он окажется очень скверным.

– Горгульей, Грейс. – Правду мне открывает Джексон, как и всегда. – Ты горгулья.

– Горгулья? – Неверие явственно звучит в моем голосе.

Мой дядя бросает на Джексона взгляд, полный досады, но наконец нехотя кивает.

– Да, горгулья.

– Горгулья? – Не могут же они говорить серьезно. Не могут, не могут, это наверняка не всерьез. – Вроде тех штук на стенах церквей?

– Да. – Теперь Джексон чуть заметно ухмыляется, как будто понимает, как нелепо это звучит. – Ты гор...

Я вскидываю ладонь, делая ему знак замолчать.

– Пожалуйста, не повторяй это слово. С меня хватит и двух предыдущих раз. Просто помолчи.

Я поворачиваюсь и иду к противоположной стене кабинета дяди Финна.

– Мне нужна минута, – говорю я им обоим. – Всего минута, чтобы... – Чтобы это уразуметь? Чтобы это отрицать? Чтобы заплакать? *Закричать?*

Да, закричать было бы неплохо, но это наверняка еще больше сорвет крышу у Джексона и дяди Финна, так что... Я дышу. Да, мне сейчас надо просто дышать. Потому что я без понятия, что теперь делать, что говорить.

Какой-то части меня хочется сказать им, что я разгадала их шутку – ха-ха, как смешно; но другая, большая часть моего сознания понимает – они не разыгрывают меня. Я знаю это отчасти потому, что ни мой дядя, ни Джексон никогда не пошли бы на такое, а отчасти потому, что глубоко внутри меня есть нечто маленькое, испуганное и съезжившееся, и это нечто... освобо-

дилось, едва они произнесли это слово. Как будто оно знало это всегда и просто дождалось, когда я замечу.

Когда я это пойму.

Когда я в это *поверю*.

Итак. Горгулья. Ладно. Это ведь не слишком скверно, да? Могло быть и хуже. По моему телу пробегает дрожь. Ведь тот меч мог отрубить мне голову.

Я делаю глубокий вдох, прижимаюсь лбом к прохладной серой стене кабинета моего дяди и мысленно повторяю слово «горгулья» снова и снова просто затем, чтобы понять, какие чувства я испытываю после того, что узнала.

Горгулья. Вроде тех громадных каменных существ с крыльями, клыками и... рогами? Я провожу ладонью по голове – а вдруг у меня выросли рога, а я и не в курсе?

Нет, рогов у меня все-таки нет. Я нащупываю только кудрявые темно-русые волосы. Такие же длинные, такие же непокорные и такие же надоедливые, как всегда, и определенно никаких рогов. Или клыков, понимаю я, проведя языком по своим передним зубам. Собственно говоря, все во мне кажется точно таким же, как и прежде. Слава богу.

– Эй, Грейс. – Джексон подходит ко мне сзади и кладет руку на спину. – Ты же понимаешь, что все будет хорошо, не так ли?

Ну, да. Само собой. Ничего страшного. Ведь горгульи – это высший класс, что, разве не так? Почему-то мне кажется, что он не оценит мой сарказм, а потому я сдерживаюсь и просто киваю.

– Я серьезно, – продолжает он. – Мы во всем разберемся. К тому же горгульи – это нереально круто.

Ну да, конечно. Огромные, нескладные куски камня. Нереально круто. *Щас*.

– Я понимаю, – шепчу я.

– Правда понимаешь? – Он наклоняется ко мне, и его лицо оказывается совсем близко к моему. – Потому что вид у тебя сейчас такой, будто ты этого не поняла. И голос тоже.

Он стоит так близко. Я чувствую на щеке его дыхание, и на несколько драгоценных секунд закрываю глаза и мысленно притворяюсь, что я перенеслась на четыре месяца назад в то время, когда мы с Джексоном были одни в его спальне, строили планы, целовались и воображали, что уж теперь-то у нас наконец все под контролем.

Смех, да и только. Я еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько беспомощной – такого не было даже в первые дни после гибели моих родителей. Ведь в то время я хотя бы была обыкновенным человеком... во всяком случае, я так думала. Теперь же я горгулья, и я совершенно не представляю себе, что это значит, не говоря уже о том, как это произошло. И как я ухитрилась потерять почти четыре месяца жизни, будучи заключена в камень.

И вообще, почему? То есть я могу понять, почему я обратилась в камень – полагаю, какой-то подспудный, спрятанный в глубине моего существа инстинкт вдруг проявился, чтобы не дать мне умереть. Так ли это невероятно, если учесть мое недавнее открытие, что мой отец был ведьмаком? Непонятно другое: почему я оставалась камнем так долго? Почему не вернулась к Джексону при первом же удобном случае?

Я ломаю голову, пытаюсь найти ответ, но на том месте, где должны быть мои воспоминания, по-прежнему зияет пропасть, пустота.

Я сжимаю руки в кулаки, и мои окровавленные пальцы пронзает боль. Я гляжу на них, гадая, как я могла так пораниться. Впечатление такое, словно я продиралась сквозь камень, чтобы попасть сюда. А может, так оно и было. Или же дело обстояло еще хуже, но как, как? Я не знаю. В этом-то и загвоздка. Я просто не знаю. Вообще ничего.

Я не знаю, что делала последние четыре месяца. Не знаю, ни каким образом мне удалось превратиться в горгулью, ни как мне удалось опять стать человеком.

И тут я осознаю основную причину своей паники: я не знаю ответа на самый главный вопрос.

Я резко разворачиваюсь и устремляю взор на дядю:

– Что случилось с Хадсоном?

Глава 6. Без крови вампирская рулетка уже не та

Дядя Финн словно стареет прямо у меня на глазах – его глаза тускнеют, плечи опускаются.

– Это нам неизвестно, – говорит он. – Хадсон попытался убить Джексона, а потом вдруг...

– Он пропал. И ты тоже. – Рука Джексона рефлексивно стискивает мою.

– Она никуда не пропала, – поправляет его дядя Финн. – Просто на какое-то время она оказалась недоступна.

Похоже, Джексон не в восторге от такого толкования событий, но он не спорит, а просто смотрит на меня и спрашивает:

– Ты действительно ничего не помнишь?

Я пожимаю плечами.

– Вообще ничего.

– Это так странно. – Мой дядя качает головой. – Мы привлекли всех экспертов по горгульям, которых только смогли отыскать. У каждого было свое, отличное от остальных мнение, и они все давали разные советы, но ни один ни словом не обмолвился о том, что, вернувшись, ты не будешь помнить, где ты была. И что с тобой происходило. – Голос моего дяди звучит не очень громко, и он наверняка старается придать ему успокаивающие нотки, но с каждым словом я нервничаю все больше и больше.

– Ты думаешь, теперь со мной что-то не так? – резко спрашиваю я, глядя то на него, то на Джексона.

– С тобой все в порядке, – рычит Джексон, и это в такой же мере предостережение, адресованное дяде Финну, как и уверение, адресованное мне.

– Само собой, – подтверждает дядя Финн. – Не сомневайся. Я просто огорчен, что мы были не вполне готовы тебе помочь. Мы не ожидали... такого.

– Это не ваша вина. Просто мне хотелось бы... – Я осекаюсь, снова наткнувшись на эту чертову стену. Я упираюсь в нее, толкаю, но не могу ее сломать.

– Не принуждай себя, – говорит Джексон и ласково обхватывает рукой мои плечи.

Это так здорово – здорово, что *он* рядом, – и я позволяю себе припасть к нему, несмотря на одолевающие меня страх и ощущение бессилия. – Я *должна* что-то делать, – говорю я ему. – Иначе как же мы пойдем, где теперь Хадсон?

В кабинете работает отопление, но я все равно мерзну – надо полагать, этого следовало ожидать после четырех месяцев в обличье камня – и принимаюсь растирать руки, пытаюсь хоть сколько-нибудь их согреть.

Дядя Финн несколько секунд смотрит на меня, затем вполголоса что-то бормочет и взмахивает рукой. И нас с Джексоном тут же окутывает теплое одеяло.

– Лучше? – осведомляется дядя.

– И еще как. Спасибо. – Я запахируюсь плотнее.

Он прислоняется к углу стола.

– Честно говоря, Грейс, мы оба очень боялись, что он находится рядом с тобой. А также боялись, что его там нет.

Его слова повисают в воздухе и давят на меня.

– Возможно, он и впрямь был со мной. – От одной мысли о том, что я оказалась где-то заперта вместе с Хадсоном, в горле образуется ком. Я замолкаю, заставляю себя проглотить его, затем спрашиваю: – Если он был там, со мной, вы думаете... Не вернула ли я сюда и его? Он может быть здесь?

Я смотрю то на моего дядю, то на Джексона, а они оба пристально глядят на меня с напускной невозмутимостью. От этого зрелища моя кровь, мое сердце, *самая моя душа* обра-

щаются в лед. Потому что пока Хадсон разгуливает на свободе, Джексон в опасности. Как и все остальные.

Я ломаю голову над этим вопросом, и меня начинает подташнивать. *Не может быть. Пожалуйста, скажите мне, что этого не может быть.* Неужели я в самом деле впустила Хадсона в наш мир, где он сможет терроризировать всех и собрать вокруг себя армию из рожденных вампиров и их сторонников?

– Ты бы не стала этого делать, – говорит наконец Джексон. – Я знаю тебя, Грейс. Ты бы ни за что не вернулась, если бы считала, что Хадсон по-прежнему опасен.

– Согласен, – помолчав, подтверждает дядя Финн. А когда продолжает, я цепляюсь за эти его слова, пытаюсь не обращать внимания на паузу, которая предшествовала им. – Так что давайте пока что исходить именно из этого. Из предположения о том, что ты вернулась потому, что это было безопасно. А раз так, то Хадсон, скорее всего, мертв, и нам нечего опасаться.

Однако на его лице все равно написано опасение. Еще бы. Ведь как бы нам всем ни хотелось верить, что Хадсон мертв, в их рассуждениях имеется один крупный изъян – они оба говорят о моем возвращении так, будто я *решила* вернуться.

Но что, если я ничего не решала? Если я не принимала осознанного решения превратиться в горгулью четыре месяца назад, то я также не принимала осознанного решения снова стать человеком. А раз так, то где же Хадсон?

Он мертв?

Заклучен в камне в какой-то альтернативной реальности?

Или же прячется в Кэтмире, ожидая случая отомстить Джексону?

Мне не нравится ни одна из этих альтернатив, но последняя определенно является худшей. В конце концов, я решаю о ней не думать, потому что от паники никакой пользы не будет.

Но с чего-то же нужно начать, и я решаю согласиться с предположением дяди Финна – в основном потому, что мне оно нравится больше, чем остальные варианты.

– Ну хорошо. Давайте предположим, что, если бы я могла контролировать его, я бы не выпустила его на волю. Но что теперь?

– Теперь мы немного расслабимся. Перестанем беспокоиться о Хадсоне и начнем беспокоиться о тебе. – Мой дядя смотрит на меня с ободряющей улыбкой. – Мэриз придет с минуты на минуту, и если, осмотрев тебя, она решит, что ты здорова, то думается, нам можно будет просто оставить все как есть и на какое-то время отпустить ситуацию. А после того как ты поешь, отдохнешь, войдешь в привычную колею и пройдет несколько дней, мы посмотрим, что еще ты смогла вспомнить.

– Оставить все как есть? – повторяет Джексон, и голос его полон такого же изумления, такого же недоумения, какие испытываю сейчас и я сама.

– Да. – В тоне моего дяди впервые слышатся стальные нотки. – Сейчас Грейс нужно прежде всего вернуться к нормальной жизни.

Думаю, он забыл о том, что вампир-психопат угрожает мне не впервые – за мной уже охотилась вампирша-психопатка Лия, которая охотилась на меня с тех самых пор, как я приехала в эту школу. И тот факт, что теперь место Лии, похоже, занял Хадсон, в общем-то, не должен меня удивлять. Это, мягко говоря, угнетает, но что есть, то есть.

Честное слово, если бы я читала эту историю, я бы сказала, что сюжетные повороты становятся все нелепее и нелепее. Но я ее не читаю, я в ней живу, и это *куда хуже*.

– Что действительно нужно Грейс, – поправляет его Джексон, – так это чувствовать себя в безопасности. А этому не бывать, пока мы не убедимся, что от Хадсона не исходит угрозы.

– Нет, Грейс нужен привычный уклад, – гнет свое дядя. – Чувство безопасности появляется, когда знаешь, что должно произойти и когда это должно произойти. Ей будет лучше...

– Грейс будет лучше, – перебиваю его я, чувствуя, что мое раздражение вырывается наружу, – если ее дядя и ее бойфренд начнут говорить *с* ней, а не *о* ней. И не будут считать, будто мой мозг функционирует только наполовину и за меня все должен решать кто-то другой.

Надо отдать им должное, судя по их виду, от этого выговора обоим становится стыдно. Пусть я не вампир и не ведьма, но это вовсе не значит, что я покорно уступлю и позволю «мужчинам» принимать все решения за меня. Тем более что они считают, что надо «обернуть Грейс ватой и оберегать ее». Ну нет, со мной этот номер не пройдет.

– Ты права, – соглашается дядя, сбавляя обороты. – Так чего хочешь *ты*, Грейс?

Я на минуту задумываюсь.

– Я хочу, чтобы все было нормально – по крайней мере, настолько нормально, насколько это возможно для девушки, живущей в одной комнате с ведьмой и которая встречается с вампиром. Но я также хочу выяснить, что случилось с Хадсоном. Мы должны отыскать его, только так мы сможем защитить *всех*.

– Я не беспокоюсь о том, чтобы защитить всех, – рычит Джексон. – Я беспокоюсь только о том, чтобы защитить *тебя*.

Это хороший ответ, и, услышав его, я немного таю. Внутри. Но снаружи я остаюсь непреклонной, потому что кто-то должен разобраться во всей этой каше, и, поскольку место в первом ряду тут было только у меня – хотя я и не помню, что именно я наблюдала с этого места, – этим кем-то придется стать именно мне.

Охваченная бессильной досадой, я сжимаю кулаки, не обращая внимания на боль, пронзающую мои израненные пальцы. Это важно, очень важно. Мне необходимо вспомнить, что случилось с Хадсоном.

Может быть, я посадила его где-то на цепь, и теперь он никому не сможет причинить зла?

Может быть, он сбежал, и поэтому у меня и разбиты руки – потому что я пыталась его остановить? Или – и от этой мысли мне становится тошно – он использовал свой дар убеждения, чтобы уговорить меня отпустить его? И если так, то не из-за этого ли в моей памяти образовался провал?

Неизвестность убивает меня, неизвестность и страх, что я всех подвела.

Джексон насмерть бился за то, чтобы избавиться от Хадсона тогда, в первый раз. Он пожертвовал всем, включая ту любовь, которую к нему питала его мать, чтобы уничтожить брата – и помешать Хадсону уничтожить весь мир.

Как мне жить, если окажется, что я просто дала ему уйти? Дала ему еще одну возможность погрузить и Кэтмир, и мир в хаос? Еще одну возможность причинить вред парню, которого я люблю?

От этой мысли мой страх растет, и я хрипло выдавливаю:

– Мы должны найти его. Должны выяснить, куда он делся, и удостовериться, что он больше никому не сможет причинить вреда.

А также выяснить, почему я уверена в том, что забыла что-то очень важное, происходившее в эти четыре месяца.

Пока еще не поздно.

Глава 7. То, чего я не знаю, сможет мне навредить... как и всем остальным

После того как Мэриз провела осмотр – мне кажется, что на это ушло несколько часов, – дядя Финн наконец разрешает Джексону увести меня. Из беспокойства, явственно читавшегося на лицах всех троих, следовало, что никто из них не был готов принять на веру, что с моим здоровьем и впрямь все в порядке, что было довольно приятно. Мэриз даже проверила меня на предмет наличия черепно-мозговой травмы – из-за моей амнезии. Но я оказалась на удивление здоровой, если не считать кое-каких царапин и синяков на кистях рук, так что фельдшер признала меня готовой к продолжению учебы в Кэтмире. Похоже, жизнь в камне в течение четырех месяцев станет теперь для фанатов здорового образа жизни новой модной фишкой.

Пока мы с Джексонем идем в мою комнату, мой мозг невольно проигрывает ту часть беседы с Мэриз, в которой она извинялась передо мной за то, что ей ничего не известно о физиологии горгулий.

«Ты первая горгулья за последнюю тысячу лет».

Фантастика. Потому что кому же захочется стать первой подопытной морской свинкой в деле изучения основ физиологии биологического вида, к которому ты принадлежишь? Правильно, никому.

Честно говоря, я понятия не имею, как мне относиться к информации о том, что в нынешние времена я единственная представительница своего вида, а потому решаю засунуть ее в папку под названием: «Дерьмо, которое необязательно разгребать сейчас». А также в другую, озаглавленную: «Мама и папа, большое спасибо за наводку».

Тут до меня доходит, что Джексон ведет меня не в *мою* комнату, а в собственные апартаменты в башне. Я дергаю его за руку, чтобы привлечь его внимание.

– Послушай, мы не можем сейчас идти к тебе. Мне надо зайти в мою комнату, потом я хочу принять душ и съесть батончик мюсли, прежде чем отправлюсь на урок.

– На урок? – Он явно ошарашен. – Разве тебе не хочется отдохнуть?

– Я уверена, что последние четыре месяца только и делала, что «отдыхала». Так что теперь мне хочется заняться учебой и наверстать все то, что я пропустила. Через два с половиной месяца я должна закончить школу, и я не хочу даже думать о том, сколько у меня накопилось невыученного материала и невыполненных заданий.

– Мы всегда знали, что ты вернешься, Грейс. – Он улыбается и сжимает мою руку. – Так что у твоего дяди и учителей уже подготовлен план. Тебе надо будет только договориться о встречах с ними, чтобы все обсудить.

– Класс. – Я крепко обнимаю его. – Спасибо за помощь.

Он обнимает меня в ответ.

– Тебе незачем меня благодарить. Для этого я и нужен. – Он разворачивается, и мы, изменив направление, идем в мою комнату. – Надо думать, миссис Хейвершем уже отправила тебе письмо с твоим расписанием. В начале этого семестра оно изменилось, хотя... – Он замолкает.

– Хотя меня тут и не было, чтобы поменяться вместе с ним, – заканчиваю я фразу за него, поскольку уже решила, что осторожничать в последние месяцы учебного года я не стану и встречу новую реальность лицом к лицу. Она такая, какая есть, и чем быстрее мы научимся с ней жить, тем быстрее все придет в норму. Включая меня саму.

У меня имеется длинный список вопросов о горгульях, которые я собираюсь задать Джексону и Мэйси. А затем, получив ответы, попытаюсь понять, как мне жить со всем этим достойно. Я начну завтра. Слава богу, что у меня все-таки нет рогов.

Джексон пристально смотрит на меня, и я ожидаю, что сейчас он меня поцелует – мне не терпелось поцеловать его с того самого момента, когда он вошел в приемную моего дяди, – но когда я тянусь к нему, он чуть заметно качает головой. Это немного обижает меня, но тут я вспоминаю, как много народу пялилось на меня, когда я сегодня шла по коридорам.

Это было больше часа назад. И теперь, когда слух о том, что горгулья снова приняла человеческое обличье, уже распространился по всей школе, я не могу даже вообразить, сколько учеников и учителей будут глазеть на нас – несмотря на то, что сейчас время урока.

И действительно, когда мы поворачиваем в один из боковых коридоров, тут полно народу – и все они смотрят на нас. Не успеваем мы сделать и двух шагов, как ощущаю напряжение. Правда, когда мимо зевак проходит Джексон, они все же опускают глаза.

Джексон обвивает рукой мои плечи и наклоняет голову, так что его губы почти касаются моего уха.

– Не бери в голову, – шепчет он. – Когда они рассмотрят тебя, все устаканится.

Я знаю, что он прав – через два-три дня после моего первого приезда сюда обитатели Кэтмира перестали обращать на меня внимание, кроме тех случаев, когда рядом был Джексон. И нет оснований полагать, что теперь будет иначе. Чему я весьма рада. Скандальная известность – это не мое.

Вместо обычных десяти минут мы преодолеваем расстояние до моей комнаты за пять или шесть, но для меня и это слишком долго. Потому что рядом со мной находится Джексон, и его рука обнимает меня за плечи, а его длинное, стройное тело прижимается к моему. Мне нужно, чтобы он был еще ближе, нужно ощутить его объятия и прикосновение его губ к моим.

Должно быть, он чувствует то же, что и я, потому что, когда мы доходим до верхней лестничной площадки, он с быстрого шага переходит почти на бег. А к тому моменту, когда мы добираемся до моей двери, руки у меня уже дрожат, а сердце бьется слишком быстро.

Слава богу, что Мэйси не заперла дверь, иначе Джексон вполне мог бы, недолго думая, сорвать ее с петель. Теперь же он толкает ее и проводит меня внутрь, только слегка зашипев, когда волшебный занавес Мэйси задевает его обнаженное предплечье.

– Твоя рука не пострадала? – спрашиваю я, когда дверь закрывается за нами обоими. Но он слишком занят, подталкивая и прижимая меня к ней.

– Мне тебя не хватало, – рычит он, приблизив свои губы к моим.

– А мне те... – Только это я и успеваю произнести, прежде чем его губы обрушиваются на мои.

Глава 8. Подари мне немного любви

Я не понимала.

Не понимала, как мне этого не хватало, как мне не хватало Джексона, пока не настал этот момент.

Его тело прижато к моему.

Его ладони обхватили мое лицо, пальцы зарылись в волосы.

Его рот пожирает мой – его губы, зубы и язык воспаляют меня всю изнутри. Заставляя меня желать. Заставляя *жаждать*.

Джексон. Всегда Джексон.

Я отчаянно прикипаю к нему, все теснее, теснее, и из его горла вырывается утробный рык. Я чувствую, как напряжено его тело, чувствую, что им владеет такая же неудержимая жажда, как та, что сжигает меня. Но, несмотря на все это, его объятия остаются нежными, пальцы продолжают гладить мои волосы, вместо того чтобы тянуть их, он бережно прижимает меня к себе, вместо того чтобы просто вторгнуться в мое пространство.

– Мой, – шепчу я, прильнув к его губам, и по его телу проходит дрожь, когда он прерывает наш поцелуй.

Я издаю какой-то звук, пытаюсь заставить его поцеловать меня опять, но его сотрясает дрожь, и он утыкается лицом в изгиб между моими шеей и плечом. А потом начинает просто дышать – медленно, глубоко, – будто пытаюсь втянуть в себя мой запах.

Мне хорошо знакомо это чувство.

Мои руки скользят, пока не доходят до его талии, и я понимаю, что он и впрямь здорово похудел, пока меня... не было.

– Прости меня, – шепчу я ему в ухо, но он только качает головой и притягивает меня еще ближе.

– Не надо. – Он покрывает мое горло поцелуями. – Никогда не извиняйся передо мной за то, что тебе пришлось пережить. Это моя вина, что я не смог тебя защитить.

– В этом нет ничьей вины, – возражаю я, запрокидывая голову, чтобы ему удобнее было меня целовать. – Просто так получилось.

Мои глаза вдруг обжигают слезы. Я смаргиваю их, но Джексон знает, что они здесь. Его руки становятся еще нежнее, они гладят мою руку, плечо, щеку.

– Все будет хорошо, Грейс, я тебе обещаю.

– Все уже хорошо. – Я проглатываю вдруг вставший в горле ком. – Ведь мы же здесь, разве не так?

– Так. – Он целует чувствительное местечко за моим ухом. – Наконец-то так.

У меня подгибаются колени, тело охватывает жар, сердце в груди начинает трепетать. Джексон не дает мне упасть – как же иначе? – и шепчет:

– Я люблю тебя, – одновременно легко царапая зубами мою ключицу.

И вдруг ни с того ни с сего все внутри меня обращается в лед. Мое сердце, моя кровь, даже неуемная жажда, которая жгла меня с тех самых пор, как он вошел в приемную моего дяди. Все это... исчезает. Ни с того ни с сего.

Должно быть, Джексон чувствует это, потому что сразу же замирает. И, когда он поднимает голову, его взгляд становится цепким, настороженным. Я понимаю – я сделала что-то не так.

– Грейс? – говорит он, немного отстранившись, чтобы не теснить меня. – Ты в порядке?

– Да, да, все хорошо. Я просто... – Я умолкаю, поскольку не знаю, что ему сказать. Потому что я хочу его, правда. Я просто не знаю, что мне делать с этим странным неловким чувством, которое вдруг начинает во мне нарастать.

– Ты просто...? – Джексон ждет ответа. Не агрессивно, а тревожно, как будто ему в самом деле нужно только одно – убедиться, что со мной все в порядке.

Но оттого, что я это понимаю, странное чувство внутри меня только усиливается, напряжение нарастает, как будто я превратилась в ракету, которая вот-вот взлетит.

– Я не... Я хочу... Мне кажется... – Получается глупо, как будто я какая-то дура, неспособная подобрать слова, но тут у меня урчит в животе – притом громко, – и тревога на лице Джексона сменяется пониманием.

– Мне следовало придержать лошадей, пока ты не поешь, – говорит он, сделав еще два шага назад. – Прости меня.

– Не извиняйся. Мне было необходимо поцеловать тебя. – Я стискиваю его руку, радуясь тому, что у меня наконец есть объяснение этому загадочному чувству. Моя мать всегда говорила, что низкий уровень сахара в крови толкает человека на странные поступки, а уж как сейчас низок мой сахар, если учесть, что я почти четыре месяца ничего не ела. – Я просто слопаю батончик мюсли из запасов Мэйси и побегу на урок. Ведь и тебе надо идти, да?

– Конечно, – отвечает он, но я вижу, что свет в его глазах потух.

Я знаю – это моя вина. Он такой же, как всегда, странно веду себя я, я сама. Но... не знаю. Просто я чувствую себя не в своей тарелке и понятия не имею, как это можно исправить.

Возможно, мне сейчас следует податься вперед, чтобы мои волосы накрыли его пальцы и он понял, что все хорошо. Или хотя бы прижаться к его груди для объятий. Но, по правде говоря, мне не хочется ни того, ни другого, и я не делаю ничего. А просто улыбаюсь и говорю:

– Ну что, до скорого?

– Да. – Он улыбается мне в ответ. – Само собой.

– Да, вот еще что: я каким-то образом потеряла телефон. Встретимся здесь?

Он кивает, машет мне рукой и, выйдя из моей комнаты, идет к лестнице. Я смотрю ему вслед, любуясь его уверенной, целеустремленной походкой и исходящей от него дерзкой, вызывающей беззаботностью, которая не должна бы меня возбуждать, однако возбуждает, да еще как! Вид его аппетитного зада, совершенно преображающего эти скучные черные форменные брюки, очень меня волнует.

Когда он начинает заворачивать за угол, я делаю шаг назад, в комнату, затем останавливаюсь, увидев, как он повернулся, чтобы посмотреть на меня через весь коридор. На его лице сейчас играет широкая улыбка, и она ему идет. Как и морщинки в уголках глаз и непринужденная веселость, освещающая все его лицо.

Эта улыбка чуть-чуть тускнеет, когда он встречается со мной взглядом – как будто он смущен из-за того, что я увидела его таким счастливым – но уже поздно. Я уже разглядела, как выглядит Джексон Вега, когда он излучает счастье, и мне это нравится. Очень и очень.

Смутное чувство тревоги рассеивается так же быстро, как пришло, и мне вдруг становится легче легкого послать ему воздушный поцелуй, хотя до этого что-то мешало принять его ласку. Его глаза широко раскрываются, и он подмигивает мне.

Я смеюсь и, закрыв за собой дверь, иду в душ. Как мне не смеяться, когда тот Джексон Вега, которого могу видеть я, в тысячу раз очаровательнее и милее того, которого знают все остальные? Но когда я включаю воду, меня пробирает дрожь. Потому что если окажется, что я позволила Хадсону вырваться на волю, если окажется, что я и впрямь привела его с собой, то я буду виновата в том, что Джексон пострадает и его счастьем придет конец.

Я ни за что этого не допущу. Никогда. Больше никогда.

Глава 9. Глюк, порожденный надеждой

Три раза промыв волосы шампунем и дважды потеряв мочалкой все тело, я наконец чувствую себя новым человеком. Таким, который чуть что, не превратится в нескладное каменное чудище. Я заворачиваю себя в полотенце, другим полотенцем оборачиваю волосы (оба, разумеется, ярко-розовые – спасибо тебе, Мэйси) и ищу свой телефон, чтобы посмотреть, который час.

Но из этого ничего не выходит, потому что *телефона у меня нет*. Черт.

И, поскольку в комнате нет часов, а мой телефон куда-то пропал, я чувствую себя здорово не в духе, когда накладываю на лицо увлажняющий крем и начинаю сушить волосы.

Это печально, но обходиться без телефона я не могу, так что мне надо поскорее найти ему замену – отчасти потому, что в этом телефоне находится вся моя жизнь, а отчасти потому, что мне очень, очень надо отправить сообщение Хезер. Я даже представить себе не могу, что моя лучшая подруга думает теперь – очень может быть, что она решила, будто я бросила ее, притом безо всяких причин.

К счастью, кроме гаджета у меня ничего не пропало. Похоже, мой рюкзак все время оставался со мной, а моя школьная форма находится там же, где я оставила ее, – то есть в моем стенном шкафу. Я заново перевязываю испаранные пальцы, затем достаю из шкафа черную юбку и фиолетовую тенниску, натягиваю черные лосины и школьные ботинки, наношу блеск для губ и подкрашиваю ресницы, после чего беру рюкзак и иду к двери.

Я точно не знаю, который сейчас час, но Джексон ушел где-то около полудня. А раз так, у меня достаточно времени, чтобы успеть на начинающийся в час урок по новому предмету – мистической архитектуре.

Я понятия не имею, что это такое, но название вызывает у меня немалый интерес. Часть меня гадает сейчас, не потому ли я записана на него, что сама являю собой живой пример этой самой мистической архитектуры.

Решив не заикливаться на мысли о том, что меня можно рассматривать как наглядное пособие, я открываю дверь и иду по длинному коридору общежития с его украшениями на дверях и черными светильниками на стенах, выполненными в виде драконов. И, как всегда, хихикаю, проходя мимо двери, на которой красуются стикеры с изображениями летучих мышей. В первый мой день в Кэтмире я предположила, что в этой комнате живет какой-то фанат Бэтмена, и решила, что дверь с летучими мышами самая клевая из всех. Теперь же я знаю, что это просто вампирская шутка в духе Мекая, лучшего друга Джексона, и потому эта дверь нравится мне еще больше. Тем более что тут появилась парочка новых стикеров с фигурками этих тварей.

Я бегу по лестнице вниз, перескакивая через одну ступеньку и скользя рукой по затейливым резным перилам. Я так спешу на урок, что не замечаю, что часть перил исчезла – и часть лестницы тоже, – и потому едва не падаю в провал. В последний момент я ухитряюсь остановиться и приглядываюсь к его краям. Они обугленные, черные – тут определенно полыхал пожар. Кто-то явно вышел из себя... или утратил контроль за своей магической силой.

Дракон или ведьма? – гадаю я, поворачивая в северный коридор, в который выходит дверь класса, где должно проходить мое занятие по мистической архитектуре. Только они способны зажечь такой сильный огонь. Это круто, но и немного страшновато.

Может, я смотрю на всю эту историю с превращением в горгулью не под тем углом? По крайней мере, становясь громадной каменной статуей, я могу не беспокоиться о том, как бы не сжечь школу дотла.

Звучит мелодия песни «Роллинг Стоунз» «Сочувствие дьяволу» – это здешний звонок и слабость дяди Финна, – и я вхожу в дверь класса. Мне надо сориентироваться и найти сво-

бодный стол, но не успеваю я даже вздохнуть, как, вздрогнув, обнаруживаю, что вслед за мной сюда ввалился Флинт.

Он кладет руку мне на плечо и расплывается в улыбке.

– Новенькая! Ты вернулась!

– Ты это уже знал. – Я картинно закатываю глаза. – Ты ведь меня видел.

– Ну, тогда я был не уверен, что ты не глюк, порожденный моей надеждой на твое возвращение. – Он заключает меня в медвежьи объятия и отрывает мои ноги от пола. – А теперь я точно знаю, что ты настоящая.

– Это почему? – осведомляюсь я, когда он наконец отпускает меня. Он такой теплый, а мне все по-прежнему так холодно, что я подумываю обнять его еще раз. Но ведь это тот самый малый, который не так давно пытался убить меня. Разумеется, у него было целых четыре месяца на то, чтобы забыть о прошлом и оставить его позади, но сама я чувствую себя так, будто все это произошло всего несколько дней назад, включая его попытку задушить меня в том подземелье под школой.

Но Флинт только подмигивает и говорит:

– Потому что на этот предмет не ходит никто, кроме тех, кому это необходимо.

Глава 10. Заноза в заднице

– Фантастика. – Я приклеиваю к лицу самую лучшую из арсенала своих фальшивых улыбок. – Ну, совсем не навевает жуть.

– Я просто стараюсь быть реалистом. – Он придвигается ближе. – Хочешь, я дам тебе еще одну наводку?

– Еще одну? А разве первая уже была?

На сей раз он обнажает в улыбке острые белые зубы, грозно поблескивающие на фоне его коричневой кожи, и я удивляюсь тому, как я не замечала их столько дней.

Все в этом парне буквально кричит о том, что он дракон, от манеры двигаться до взгляда, следящего за каждым моим шагом, каждым жестом. И это, даже не считая крупного перстня на безымянном пальце его правой руки, которое он на моей памяти никогда не снимал – во всяком случае, когда был в человеческом обличье. В прихотливую серебряную оправу этого перстня вделан ярко-зеленый камень, на котором вырезан дракон.

– Я не стану обращать внимания на отсутствие у тебя должного энтузиазма, Новенькая, и все же скажу. Потому что такой уж я добряк.

– Это точно. Ты такой душка, – соглашаюсь я, цокнув языком, хотя смотрю на него с юмором, поскольку не могу иначе. Мне начинает казаться, что долго злиться на Флинта просто невозможно. – Ох, извини, я хотела сказать – душегуб. – Я театрально округляю глаза. – Вечно я путаю эти два слова.

Его щеки слегка розовеют, а на лице отражается смесь смущения и восхищения. Наклонившись ко мне, он шепчет:

– Я тоже.

Я смотрю ему в глаза.

– Я помню.

– Да, я знаю. – У него делается расстроенный вид, но он не спорит. Не пытается вести себя так, будто я не вправе относиться к нему настороженно. Вместо этого он кивает в сторону столов и говорит: – Лучше тебе занять место в заднем ряду.

– Это почему?

Он просто качает головой и опять улыбается своей фирменной широкой улыбкой. Затем примирительным жестом протягивает ко мне руки, словно говоря: «Ну, как знаешь».

– Хочешь – посиди разок впереди. И ты сама все поймешь.

Я хочу задать ему еще пару вопросов, но тут звенит последний звонок, и все поспешно рассаживаются – стараюсь при этом очутиться как можно дальше от первых рядов.

Выходит, это в самом деле была полезная наводка, а не подколка. Жаль, что я не сообщила сразу, поскольку теперь почти все места в задней части класса уже заняты.

Решив, что сидеть впереди вряд ли *так уж* скверно, я направляюсь к свободному месту за вторым столом у стены, которое кажется мне не хуже других.

Я уже готова усесться, когда замечаю украшенную энергетическими браслетами из кристаллов тонкую руку, которая делает мне знак остановиться.

– О боже, Грейс! – одна из подруг Мэйси, Гвен, манит меня занять место рядом с ней.

– С возвращением, – практически кричит мне она, когда я сажусь за стол, стоящий перед ней. – Ты уже видела Мэйси? Она с ума сойдет, это точно!

Говоря, она заправляет за ухо длинную прядь блестящих черных волос, а когда на лицо ей падает еще одна прядь, раздраженно хмыкает и достает из рюкзака антикварную заколку – также с энергетическими кристаллами.

– Я ее еще не видела. Мой дядя сказал мне, что она сдает внутрисеместровый экзамен после того, как я... – Я смущенно осекаюсь, не зная, как закончить фразу.

После того, как я вернулась?

После того, как я снова стала человеком?

После того, как я перестала быть горгульей?

Вот черт.

Гвен сочувственно улыбается, затем шепчет мне что-то по-китайски. Судя по выражению ее лица, это что-то важное, но я понятия не имею, что именно: заклинание, благословение или нечто среднее между тем и другим.

– Что это значит? – шепчу я в ответ, а в класс тем временем неуклюже вваливается преподаватель мистической архитектуры, которого, как сказано в моем расписании, зовут мистер Дэймасен. Он огромен – роста в нем по меньшей мере футов семь, его длинные рыжие волосы стянуты на затылке в конский хвост, а древние золотистые глаза, кажется, видят все.

Я инстинктивно сажусь немного прямее и замечаю, что точно так же поступают и все остальные ученики – за исключением Флинта, который продолжает сидеть, положив длинные ноги на стол, как будто он развалился на шезлонге где-то на Багамах.

Мистер Дэймасен впивается в него взглядом, при этом глаза его странно вращаются, что наводит на меня жуть. Но Флинт продолжает улыбаться своей ленивой драконьей улыбкой и даже приветственно машет рукой.

Сперва мне кажется, что сейчас учитель оторвет ему голову – может быть, даже буквально, – но он не произносит ни слова, только качает головой, после чего окидывает взглядом остальных.

– Это китайская поговорка, которую моя мать повторяла мне все время, пока я росла, осваивала свою магическую силу и старалась понять свое место в мире ведьм и ведьмаков. «Если небеса создали человека, то земля найдет ему применение». Ее браслеты стучат, ударяясь друг о друга в удивительно успокаивающем ритме, когда она подается вперед и похлопывает меня по руке. – Не суди себя строго. Ты разберешься. Просто дай себе время.

Ее слова попадают в точку. Они настолько своевременны, что это меня немного пугает. Мне совсем не нравится, что о моем смятении знает вся школа. Я полагала, что могу скрывать свои эмоции, но теперь я в этом сомневаюсь, ведь до этого разговора я беседовала с Гвен всего один раз.

– Как ты узнала?

Она улыбается.

– Я эмпат и целительница, так что мне ли не знать – ведь именно в этом я и сильна. Вполне естественно, что тебе сейчас страшно. Просто постарайся дышать, пока ты снова не обретешь уверенность в себе.

– Иными словами, играй роль, пока она не станет второй кожей, да? – шучу я, потому что для меня эта поговорка была своего рода мантрой с тех самых пор, как я явилась в Кэтмир.

– Да, что-то вроде того, – тихо смеясь, отвечает она.

– Мисс Чжоу. – Голос мистера Дэймасена оглушает, как близкий гром, от него все дребезжит, и он здорово действует на нервы. – Вы собираетесь последовать примеру остальных учеников и сдать весь комплект выполненных итоговых заданий для внутрисеместрового экзамена?

– Конечно, мистер Дэймасен. – Гвен поднимает со стола ярко-оранжевую папку. – Все здесь.

– Извини, – шепчу я, но она только подмигивает мне, после чего встает и кладет папку на стопку других папок на учительском столе.

– Что касается вас, мисс Фостер, то я рад, что вы вернулись. – Я вздрагиваю, голос мистера Дэймасена гремит так оглушительно, что у меня едва не закладывает уши. Он прошел по проходу и теперь стоит прямо передо мной, держа в руке учебник. – Вот книга, которая понадобится вам на моих уроках.

Я с опаской беру ее и пытаюсь отклониться как можно дальше на тот случай, если он опять захочет что-то сказать. Теперь понятно, о чем предупреждал меня Флинт. Жаль, что я не могу сбежать в ближайшую аптеку и купить беруши.

И хорошо, что я отклонилась, отодвинув свои уши подальше, поскольку, едва я беру книгу в руки, он продолжает:

– Но для своего возвращения вы выбрали именно тот день, когда мы проводим внутрисеместровый письменный экзамен – сдать который вам, разумеется, не под силу. Поэтому после того, как все начнут писать, подойдите к моему столу вместе с мистером Монтомгери. У меня есть работа для вас двоих.

– С Флинтом? – Его имя вырывается у меня непроизвольно. – А разве ему не надо сдавать экзамен?

– Не-а. – Флинт делает вид, будто полирует свои ботинки тканью рубашки, затем дует на них. – Ученик, имеющий по предмету наивысшую оценку в классе, освобождается от внутрисеместрового экзамена. Так что я могу помочь тебе со всем тем, что тебе может понадобиться. – Последнее слово он произносит с лукавой ухмылкой.

Мне совершенно не хочется спорить с учителем на моем первом уроке по новому предмету, поэтому я жду, пока мистер Дэймасен раздаст всем остальным по толстой пачке экзаменационных заданий. И только после того, как он отвечает на все возникшие вопросы, которых немало, я наконец подхожу к его столу, Флинт следует за мной по пятам. Все пялятся на нас – вернее, пялятся на меня, – и я чувствую, как у меня вспыхивают щеки. Но я ни за что не подам виду, что это меня достает, а потому просто продолжаю смотреть прямо перед собой и вести себя так, будто Флинт не стоит так близко, что я чувствую его дыхание на затылке.

Увидев нас, мистер Дэймасен хмыкает и, сунув руку в верхний ящик своего стола, достает оттуда желтый конверт. Затем, понизив голос до того, что он, надо полагать, считает шепотом – но что куда больше похоже на крик, – говорит:

– Мне нужно, чтобы вы двое обошли всю школу, сделали фотографии всего, что есть в этом списке, и сдали их мне в течение двух недель. Они понадобятся мне для статьи, которую я пишу для майского выпуска журнала *«Приключения великанов»*. – Он смотрит то на Флинта, то на меня. – Ваш дядя сказал, что с этим не будет проблем.

Это так похоже на дядю Финна – пытаться все уладить.

– Да, мистер Дэймасен, никаких проблем, – говорю я, в основном, потому, что не знаю, что еще можно сказать.

Он вручает мне конверт, затем не без раздражения ждет, когда я открою его.

– У вас есть вопросы? – спрашивает он громовым голосом, как только я начинаю просматривать список.

У меня куча вопросов, но они не касаются того, что я должна буду сфотографировать – все они о том, каким образом я могу провести следующие полтора часа в компании парня, который не так давно хотел меня убить.

Глава 11. Просто считай, что у меня каменное сердце

– Ты не против? – спрашивает Флинт после того, как мы выходим в коридор. И сейчас он в кои-то веки не шутит – вид у него абсолютно серьезный.

По правде говоря, я и сама не понимаю, как я к этому отношусь, против я или нет. Я знаю, что Флинт больше не станет причинять мне вред – ведь теперь, когда Лия мертва, у него уже нет причин желать моей смерти, чтобы помешать использовать меня для воскрешения вампиров. Но и особого желания идти вместе с ним в перечисленные в списке весьма и весьма уединенные места у меня нет. Как сказано в той поговорке: обманешь меня однажды – позор тебе, обманешь меня дважды – позор мне.

Однако школьное задание есть школьное задание. К тому же если его выполнение в конечном итоге избавит меня от необходимости сдавать внутрисеместровый экзамен, то я обеими руками «за».

– Нет, не против, – отвечаю я после нескольких секунд неловкого молчания. – Давай просто примемся за дело.

– Да, конечно. – Он кивком указывает на список в моей руке. – С чего ты хочешь начать? Я отдаю пачку листков ему.

– Ты знаешь эту школу лучше меня. Так что выбирай сам.

– С удовольствием. – Ничего больше не говоря, он начинает изучать список – вот и хорошо, ведь мне совершенно не хочется, чтобы он возомнил, будто мы с ним снова хорошие друзья. Но в то же время мне не нравится и мое нынешнее ощущение.

Не нравится расстояние, разделяющее нас. Не нравится этот новый серьезный Флинт, не сыплющий шутками и не пытающийся меня поддразнить. И совсем уж не нравится, что с каждой минутой, которую мы проводим в этом коридоре, неловкость между нами только возрастает.

Мне не хватает друга, который жарил для меня маршмеллоу в библиотеке, который из ничего сотворил для меня цветок, который предложил, чтобы я проехала вверх по лестнице, сидя у него на закорках.

Но тут я вспоминаю, что друг, делавший все это, на самом деле никогда не существовал, что все это время он думал о том, как бы прикончить меня, и мне становится еще хуже.

Флинт то и дело поднимает глаза от списка мистера Дэймасена и поглядывает на меня, но по-прежнему ничего не говорит. И от этого я только еще больше чувствую себя не в своей тарелке, молчание, висящее между нами, становится напряженным, как туго натянутый канат, по которому идет акробат. Чем дольше оно длится, тем тягостнее мне становится, и, когда Флинт наконец дочитывает список, я уже сама не своя.

И я знаю, что он чувствует то же самое, потому что сейчас передо мной стоит совсем не тот парень, который поддразнивал меня, когда я только вошла в класс. Его голос стал тише, манера держаться – куда более неуверенной. Изменилась даже его осанка – он кажется ниже ростом. Наконец он говорит:

– В этом списке есть и туннели.

Эти слова повисают в воздухе между нами.

– Я знаю.

– Если хочешь, я могу сфотографировать их сам. – Он прочищает горло, переминается с ноги на ногу и смотрит куда угодно, только не на меня. – Ты можешь пофотографировать другие места из этого списка, а я тем временем быстренько сбегаю в туннели и пощелкаю там.

– Я не могу делать фотки сама. Я потеряла свой телефон во всей этой... – Вместо того, чтобы произнести это вслух, я машу рукой, надеясь, что он понимает, что я имею в виду, – *во всей этой дурацкой истории с моим превращением в горгулью.*

– А, ну, да. – Он прочищает горло – наверное, уже в четвертый раз за минуту. – Я хочу сказать, что могу спуститься в туннели и один, без тебя. А ты можешь подождать меня здесь, а потом мы сможем обойти остальную часть замка вдвоем.

Я качаю головой.

– Я не стану заставлять тебя это делать.

– Ты меня не *заставляешь*, Грейс. Я предложил это сам.

– Да, конечно. Но я не просила тебя предлагать. Ведь оценку за это поставят не тебе, а мне.

– Да, верно, но ведь это я вел себя как последний мудака, так что если теперь тебе влом идти со мной в эти чертовы туннели, то я тебя вполне понимаю.

Я вздрагиваю от его слов, несколько удивленная этой внезапной покаянной речью, но также немного разозленная тем, что его тон небрежен, как будто мое желание побережусь свидетельствует о том, что со мной что-то не так. Хотя я и понимаю, что, по его мнению, у него не было выбора – и что он, вероятно, не смог бы убить Лию, не развязав войны между драконами и вампирами – в моих глазах это не оправдывает его.

– Знаешь, что? Ты в самом деле вел себя как последний мудака. И даже хуже. Это у меня на руках остались шрамы от твоих когтей, так какого же черта *ты* напускаешь на себя оскорбленный вид? Это ты оказался паршивым другом, а вовсе не я.

Он хмурит брови.

– Ты думаешь, я этого не знаю? Думаешь, все эти четыре месяца я каждый день не корил себя за то, как паскудно я с тобой поступил?

– Честно говоря, мне неизвестно, что ты делал эти четыре месяца. Все это время я пробыла чертовой статуей, если ты вдруг забыл.

Он вдруг утрачивает весь свой пыл, и его плечи опускаются.

– Я не забыл. И это жесть.

– Да, жесть. Вся эта история – сплошная жесть. Я думала, что ты мой друг. Думала, что...

– Я и был твоим другом. Я и сейчас твой друг, если ты позволишь мне им быть. Я знаю, я уже извинялся перед тобой, и знаю, что ничем не могу загладить свою вину, сколько бы наказаний Фостер ни наложил на меня. Но я клянусь тебе, Грейс, я никогда больше не сделаю такого. Клянусь, что я никогда больше не причиню тебе зла.

Не сами его слова убеждают меня дать ему еще один шанс, хотя они и убедительны. Все дело в том, как он это говорит – так, будто наша дружба и впрямь много для него значит. Будто ему не хватает меня так же сильно, как и мне его.

И именно потому, что мне его и правда не хватает и я не хочу верить, что все те моменты, которые что-то значили для меня, ничего не значили для него, я делаю то, что может стать моей худшей ошибкой. Вместо того чтобы сказать ему убираться к черту, вместо того чтобы сказать, что поезд ушел и я больше не дам ему шанса, я говорю:

– Надеюсь, что так оно и будет, потому что если ты опять выкинешь нечто подобное, то тебе не придется ломать голову над тем, как убить меня. Потому что обещаю: я доберусь до тебя первой.

Его лицо расплывается в умопомрачительной улыбке, которой я никогда не могла противостоять.

– Лады. Если я опять попытаюсь тебя убить, то ты можешь попытаться убить меня.

– Тогда речь пойдет отнюдь не о какой-то там *попытке*. – Я устремляю на него притворно сердитый взгляд. – А только о гибели. *Твоей*.

Он прикладывает руку к сердцу и изображает на лице ужас.

– Знаешь что? Ты сказала это так убедительно, что я вижу – ты говоришь всерьез. – Однако его улыбка становится только шире.

– Да, всерьез. Хочешь проверить?

– Нет уж. Я был в том коридоре, когда ты обратилась в камень. И видел, что стало с Хадсоном. Ты стала крута, Грейс.

– Извини, но я *всегда* была крутой. Просто ты был слишком занят попытками убить меня, чтобы это заметить. – Довольно трудно смотреть сверху вниз на того, кто выше тебя ростом, но сейчас, с Флинтсом, мне это удастся, чем я горжусь.

– Я замечаю это теперь. – Он шевелит бровями. – И мне это определенно нравится.

Я вздыхаю.

– Только не раскатывай губу. Это, – я машу рукой, показывая сначала на него, потом на себя, – пока что твой испытательный срок. Так что смотри, не оплошай.

– Не оплошаю, – говорит он, и его тон на удивление серьезен.

Я с минуту пристально смотрю ему в глаза, затем киваю и наконец позволяю себе улыбку, которую подавляла с тех самых пор, как увидела его опять.

– Хорошо. А теперь не могли бы мы вернуться к нашему заданию? Или мы так и будем торчать здесь весь день, болтая о наших чувствах?

– Ничего себе. – Он в притворном удивлении округляет глаза. – Стоит девушке превратиться в горгулью, как сердце у нее становится каменным.

– Ничего себе. – Я тоже округляю глаза. – Стоит парню превратиться в дракона, как он вдруг становится дураком.

– Это не из-за моего дракона, золотце. Я бываю дураком, когда я человек.

Я невольно улыбаюсь несурзанности этого разговора. Хорошо, что я снова могу с ним шутить.

– Не хочу тебя расстраивать, *золотце*, но, по-моему, таким ты бываешь всегда.

Флинт закатывает глаза, делая вид, будто млеет, и я пользуюсь этим случаем, чтобы выдернуть у него из рук список мест, которые мы должны сфотографировать. Мне хватает ума, чтобы понять: если я в ближайшее время не займу парня делом, то нам никогда не закончить этот разговор. А поскольку мне нужно заработать как можно больше баллов, пора бы начать.

Вот только когда я читаю список опять – на сей раз уже с более ясной головой, до меня доходит, что у нас есть колоссальная проблема: некоторые из тех вещей, которые мистер Дэймасен поручил нам сфотографировать, находятся очень высоко. У нас никак не получится сделать качественные фотографии этих частей замка, чтобы можно было использовать их в научной статье.

Но Флинт только подмигивает мне, во всей красе демонстрируя свою лукавую ухмылку.

– Ты же помнишь, что драконы могут летать, не так ли?

О черт, нет. Я качаю головой.

– Извини, но дерево нашего доверия – это пока только маленький прутик. Я ни за что не позволю тебе поднять меня в небо.

Он смеется.

– Ладно, обломщица. Сегодня мы займемся легкими объектами. Но в ближайшие дни я непременно возьму тебя в полет.

Я вздрагиваю и едва сдерживаюсь, чтобы не напомнить ему, что однажды он уже взял меня в полет – зажав в своих когтях, – но мне не хочется нарушать наше новообретенное перемирие.

– Тебе будет ох как нелегко меня убедить.

– Я живу, чтобы служить тебе, моя госпожа, – говорит он, отвешивая мне изысканный поклон, и я не могу удержаться от смеха. Он такой несурзаный, что мне трудно воспринимать его всерьез.

Я пытаюсь игриво ткнуть его в плечо, но, черт побери, он сам, словно горгулья – жесткий, как камень.

– Ладно, давай мне свой телефон, и начнем, зануда, – шучу я, и Флинт быстро отдает мне свой телефон. Но, повернувшись, я обнаруживаю, что на нас смотрит Джексон и глаза его похожи на черный лед.

Глава 12. #Бойцовский_клуб

– Твой урок уже закончился? – спрашивает Джексон, глядя на меня так, словно ему хочется спросить: «Что за хрень?»

– О нет. – Я делаю большой шаг назад – не потому, что Джексон сказал или сделал что-то такое, отчего мне стало неуютно, а потому, что могу себе представить, как бы себя чувствовала я сама, если бы, прогуливаясь по школе, вдруг увидела, как он прикасается к суперсексуальной и суперчаровательной драконше, каким бы невинным ни было их прикосновение. – Дело в том, что группа сейчас сдает письменный внутрисеместровый экзамен, а Флинт от него освобожден, вот учитель и предложил ему помочь мне с проектом, за который я смогу получить такое же количество баллов.

Флинт непринужденно прислоняется могучим плечом к каменной стене, скрестив руки и лодыжки с таким видом, будто у него нет никаких забот. Джексон продолжает неотрывно смотреть на меня.

– Обалдеть. Лучше всех этих отработок, о которых ты так беспокоилась, верно? – вопрошает Джексон с улыбкой, но глаза его не улыбаются. Впрочем, возможно, с моей стороны это просто паранойя.

– Точно. Надеюсь, что все остальные учителя окажутся такими же классными, как и мистер Дэймасен.

– Дэймасен? – повторяет Джексон с удивленным смешком. – По-моему, сейчас я впервые услышал, как кто-то назвал его классным.

– Ну да, – вставляет Флинт. – Я сказал ей то же самое. Этот малый – настоящий монстр. Джексон не отвечает ему, собственно говоря, он даже не достаивает его взглядом. Что чертовски неловко.

– А мне он понравился. Конечно, говорит он ужасно громко, но что тут такого?

– Он великан.

– Да, знаю. – Мои глаза округляются, когда я представляю себе учителя мистической архитектуры. – Думаю, он самый высокий человек, которого я когда-либо видела.

– Это потому, что он *великан*, – повторяет Джексон, и на этот раз уже нельзя не заметить, что он делает акцент на последнем слове.

– погоди. – Я напрягаюсь, пытаюсь это переварить. – Говоря «великан»... ты имеешь в виду не просто «высокий человек». Ты имеешь в виду...

– Великана. – Остатки льда в его глазах тают и сменяются веселой теплотой, от которой напряжение наконец покидает меня.

– Вроде великанов из сказки «Джек – победитель великанов»? Ты имеешь в виду это?

– Да, вроде тех, кто ест маленьких детей.

– В самом деле? – Я качаю головой, силясь уложить это откровение в голове.

– Точно, Грейс, – подтверждает Флинт. – Дэймасен – великан. У него в апартаментах хранится целая груда костей, оставшихся от проблемных учеников.

Я поворачиваюсь к Флинту.

– *Что?*

– Но ты не беспокойся, – продолжает он. – Фостер не разрешает ему есть хороших учеников, так что тебе ничего не угрожает.

Флинт изо всех сил старается сохранять невозмутимый вид, когда я в ужасе смотрю на него, но, в конце концов, не выдерживает. Он начинает улыбаться, а когда я подозрительно прищуриваюсь, прыскает от смеха.

– О господи, видела бы ты свое лицо. – Он смотрит на Джексона, как будто желает разделить эту шутку с ним, но Джексон по-прежнему не замечает его. Во взгляде Флинта отража-

ется грусть, но он так быстро прячет ее за дурацкой ухмылкой, что я начинаю гадать, видела ли я ее вообще.

– Ты такой противный! – говорю я Флинту и тыкаю его локтем в бок. – Как ты мог так со мной поступить? – Я поворачиваюсь к Джексону. – Так Дэймасен все-таки великан или нет?

– Да, он великан. Но он не ест людей. – Он делает паузу и наконец глядит на Флинта. – Уже нет.

– *Уже нет?* – Я в ужасе отшатываюсь, но тут вижу чуть заметные искорки в глазах Джексона. – О боже! Это было некруто. Почему вы двое разыгрываете меня?

– Я считал, что, как твоему бойфренду, мне положено это делать, – отвечает Джексон, но говорит он это с улыбкой.

– Делать что? Пугать меня?

– Не пугать, а поддразнивать. – Он протягивает руку и накручивает на палец одну из моих кудряшек.

– Уверен, что он просто хочет преподать тебе урок, Грейс. – Флинт непринужденно обвивает рукой мои плечи и устремляет на Джексона чертовски вызывающий взгляд – то, что он вызывающий, понимаю даже я. – Он был очень недоволен, узнав, что ты, возможно, прокаптишься на мне верхом.

– Флинт! – За последние две минуты у меня уже второй раз отваливается челюсть. – Зачем ты так говоришь? – Я поворачиваюсь к Джексону. – Он имел в виду своего дракона!

Флинт шевелит бровями.

– Вот именно.

Я так смущена своей ненамеренной двусмысленностью, что чувствую, как густо краснею.

– Флинт! Перестань!

Но я не успеваю заставить его объясниться, поскольку Джексон с быстротой молнии выбрасывает кулак... и бьет Флинта прямо в зубы.

Глава 13. Вмажь мне еще раз

Несколько бесконечных секунд все происходит словно в замедленной съемке. Голова Флинта резко запрокидывается, и он делает несколько нетвердых шагов назад. Тем временем Джексон опускает руку, немного закидывает голову назад и, прищурившись, глядит на Флинта, ожидая, что сделает его бывший лучший друг.

А я просто стою между ними, вертя головой и тщаюсь понять, что мне надо предпринять. Заорать на Джексона? Заорать на Флинта? Уйти, позволив им убивать друг друга, потому что во всем виноват тестостерон, черт бы его побрал?

Но прежде чем я успеваю что-то решить, Флинт приходит в себя. У меня перехватывает дыхание – я ожидаю, что сейчас он бросится на Джексона прямо здесь, посреди коридора. Но он, как обычно, удивляет меня. Вместо того чтобы пустить в ход кулаки или огонь, он просто поднимает руку и вытирает кровь с нижней губы, уставившись на Джексона с нехорошим блеском в глазах, истолковать значение которого я не могу.

А когда он наконец начинает говорить, слова его так же неожиданны, как и реакция на удар.

– Ты удивляешь меня, Вега. Прежде ты был не из тех, кто наносит своему противнику предательский удар, застающий его врасплох.

Джексон только поднимает бровь.

– Знаешь, Монтгомери, нельзя сказать, что удар застает тебя врасплох, если ты знаешь, что он прилетит. И сам нарочно напрашиваешься на него.

Флинт смеется, но не отводит глаз. И Джексон также продолжает сверлить его взглядом. Между этими двумя здоровенными парнями бушует столько подводных течений, что я опасуюсь, как бы одно из них не подхватило и меня. Я стою, пытаюсь понять, что тут происходит на самом деле и что именно я пропустила. Потому что я определенно что-то пропустила. А потом я решаю, что мне, собственно, все равно. Если им двоим так хочется бить себя в грудь и колошматить друг друга, я не буду им мешать. Но смотреть на это не стану – это точно.

– Знаете, что? Пока вы тут, – я, взмахнув рукой, показываю сначала на одного, потом на другого, – будете выяснять отношения, я наконец сделаю свое задание. Я верну тебе телефон позже, Флинт.

Я поворачиваюсь и иду прочь, так и не сказав Джексону ничего определенного, чем, видимо, и привлекаю его внимание – наконец. Он догоняет меня и останавливает, обхватив одной рукой за талию и притянув к себе. – Тебе больше не надо одалживать у него телефон, – говорит он, касаясь губами моего уха.

Его слова – это совсем не то, что мне сейчас нужно, и я устремляю на него сердитый взгляд.

– Я одалживаю у него телефон, Джексон, а не «катаюсь на нем верхом». – Я произношу последние слова так, чтобы подчеркнуть, как все это нелепо.

Джексон вздыхает.

– Мне по барабану, пользуешься ты телефоном Флинта или нет. Я просто подумал, что ты, возможно, предпочтешь воспользоваться своим собственным. – Он достает из кармана рюкзака мобильный телефон и протягивает его мне.

Я смотрю то на него, то на телефон.

– Это не мой телефон. Мой был в непромокаемом чехле с принтом, и он... – Я осекаюсь, когда до меня доходит, в чем тут суть. – погоди, ты что, хочешь сказать, что купил мне новый телефон?

Он смотрит на меня взглядом, как бы говорящим: «А как же иначе?»

– Когда? Я тут ломала голову, пытаюсь придумать, как раздобыть новый телефон в этой глуши, и вдруг ты ухитряешься не только доставить его мне за час, но и сделать это в то самое время, когда ты должен сдавать внутрисеместровый экзамен. Как такое возможно?

Он пожимает плечами.

– Не знаю. Может, все дело в том, что я поселился тут раньше тебя? И знаю все ходы и выходы?

– Да уж. Но ты мог бы научить этим своим хитростям и меня. Тогда бы я сама смогла раздобыть себе телефон.

– Мне нетрудно купить тебе новый телефон, Грейс. Считай, что это мой подарок в честь твоего возвращения.

– Ты уже преподнес мне подарок в честь моего возвращения. Себя. – Я кладу руку ему на плечо, утыкаюсь носом в его шею и пытаюсь понять, что хочу сказать. От него по-прежнему пахнет апельсинами и снегом, и, вдыхая его запах, я чувствую, как рассеивается беспокойство, о котором я до сих пор даже не подозревала.

– Думаю, мне не хочется, чтобы ты чувствовал себя обязанным что-то мне покупать. Потому что ты вовсе не обязан это делать. – Я слегка отстраняюсь, чтобы заглянуть ему в глаза. – Но ты же и сам это понимаешь, да?

Он качает головой и непонимающе смотрит на меня.

– Ага.

Флинт все еще может слышать наш разговор – и, вероятно, смотрит на нас, – поэтому Джексон толкает меня в нишу, находящуюся в нескольких футах впереди.

– К чему это?

Я пытаюсь подыскать слова и тут опять осознаю, как мало мы знаем друг друга.

– Я воспитана не так, как ты – родители учили меня не разбрасываться деньгами. – Сначала кулон, а теперь... – Я смотрю на смартфон, который он все еще держит в руке. – Новый айфон последней модели. Это куча денег, а я не хочу, чтобы ты думал, будто я с тобой из-за того, что ты можешь мне купить.

– В этом предложении зашифровано слишком многое, так что мне понадобятся пара минут, чтобы понять его смысл. Но сначала... – Он кладет телефон в карман моего блейзера, затем берет из моей податливой руки смартфон Флинта и высовывается из ниши в коридор.

– Эй, Монтгомери! – Он ждет, пока Флинт не оборачивается к нему с выжидающим выражением на лице, после чего кричит: – Не зевай! – и бросает Флинту телефон. Тот описывает в воздухе изящную дугу, и Флинт, поймав его, сразу же показывает Джексону средний палец. Джексон смеется.

Честное слово, мне никогда не понять этих двоих.

Он все еще продолжает смеяться, когда опять поворачивается ко мне, и я невольно вспоминаю, каким он был, когда мы познакомились. Он никогда не смеялся, никогда не улыбался и уж точно никогда не валял дурака. Он прятал свое сердце за напускной мрачностью, а шрам прикрывал длинными волосами – а теперь только посмотрите на него!

Я не так тщеславна, чтобы думать, будто все это целиком моя заслуга, но я рада, что смогла сыграть какую-то роль в том, чтобы выволить его из тьмы. Спасти его, как он спас меня.

– Ну, с этим мы разобрались, так что давай вернемся к тому, о чем говорила ты, – говорит он мне, когда мы оба выходим из ниши и поворачиваем в коридор, ведущий в вестибюль. – Во-первых, пусть это звучит по-идиотски, но так уж обстоят дела: мне редко случается думать о деньгах. Живу я давно, у меня их много, и с этим ничего не поделаешь. И, если честно, хотя тебе, вероятно, так не кажется, но на самом деле я пока здорово умерял свои порывы.

Я сую руку в карман и достаю оттуда тысячедолларовый телефон, который он только что мне подарил.

– По-твоему, это называется «умерял»?

– Ты еще плохо меня знаешь. – Он чуть заметно пожимает плечами, что кажется мне чертовски сексуальным. – Если ты позволишь, я куплю тебе весь мир.

Я хочу пошутить, что он уже это сделал, но вид у него слишком серьезный для шуток. Как и жест, которым он стискивает мою руку так, будто это брошенный ему спасательный трос. Впрочем, сама я держусь за него точно так же, ибо этот парень только и делает, что будит во мне бурю чувств.

– Джексон...

– Что?

– Ничего. – Я качаю головой. – Просто Джексон.

Он улыбается, и, когда наши взгляды встречаются, я словно забываю, как дышать. И не могу прийти в себя, пока он не говорит:

– Пошли, давай сделаем несколько фоток до того, как прозвонит звонок.

– А, ну, да. Фотки.

– Не слышу в твоем голосе энтузиазма. – Когда мы заворачиваем за угол, он искоса смотрит на меня, подняв обе брови. – Ведь эти фотографии важны, не так ли? Я хочу сказать, что ты же только поэтому собиралась проехаться на Флинте верхом, разве не так?

– Что? – Я резко поворачиваю голову, готовая накинуться на него, и вижу, что он беззвучно смеется. – Тьфу. Ты сделал это нарочно.

– Сделал что? – спрашивает он с невинным видом, но его выдает озорной блеск в глазах, которого он даже не пытается скрыть.

– Ты просто... – Я пытаюсь отстраниться от него, но он опять одной рукой обнимает меня за плечи и крепко прижимает к себе. И, поскольку у меня не остается другого выбора, я тыкаю его локтем в живот.

Он, разумеется, даже не морщится, а только хохочет и вопрошает:

– Я просто что?

– Я уже даже не знаю, как тебя назвать. Я просто... – Я качаю головой и всплескиваю руками. – Я вообще не знаю, что мне с тобой делать.

– Знаешь, и еще как.

Он наклоняется ко мне для поцелуя, и это должно быть самой что ни на есть естественной развязкой – ведь я люблю его, он любит меня, и я обожаю его целовать. Но едва его губы приближаются к моим, мое тело непроизвольно деревенеет. Пульс учащается – но не в хорошем смысле этого слова, – и меня начинает мутить.

Я пытаюсь скрыть это, но Джексон всегда видит больше, чем мне хотелось бы. И вместо того, чтобы поцеловать меня в губы, как он наверняка хочет, он легко и нежно целует меня в щеку.

– Прости, – говорю я. Мне тошно от того, что творится у меня внутри, тошно оттого, что мы не можем просто вернуться к тому, что было у нас четыре месяца назад. И еще более тошно оттого, что именно я вбиваю между нами этот клин в то время, как Джексон ведет себя безупречно.

– Не извиняйся. Тебе многое пришлось пережить. Я могу подождать.

– То-то и оно. Так не должно быть – ты вовсе не должен ждать.

– Грейс. – Он кладет ладонь на мою щеку. – Ты провела сто одиннадцать дней, заточенная в холодный камень, чтобы отвести угрозу от всех нас. Если ты думаешь, что я неспособен ждать столько, сколько будет нужно, чтобы тебе снова стало хорошо со мной, то ты и вправду не понимаешь, как сильно я тебя люблю.

Дыхание перехватывает, сердце замирает.

– Джексон. – Я едва могу выговорить его имя из-за огромного кома, который давит на мои голосовые связки.

Но он только качает головой.

– Я ждал тебя целую вечность, Грейс. И вполне могу подождать еще.

Я подаюсь к нему, чтобы поцеловать, но то прекрасное, что связывает нас, вдруг ни с того ни с сего превращается во что-то иное. Нечто такое, отчего мои ладони становятся скользкими от пота, а горло сдавливает страх.

Глава 14. Фигли-мигли

У меня падает сердце, на глаза наворачиваются слезы, дыхание перехватывает. Меня беспокоит мысль не о том, как долго Джексон будет ждать, а о том, буду ли я когда-нибудь готова. Смогу ли когда-нибудь отыскать обратный путь к этому чудесному парню, который так легко похитил мое сердце и смог безраздельно им завладеть.

Что же это такое? Что внутри меня заставляет чувствовать себя так странно? Вообще-то мне и раньше доводилось слышать внутри себя некий голос, предупреждающий об опасности, говорящий мне, что делать в ситуациях, в которых я совершенно терялась. В ситуациях, которые я и представить себе не могла.

В прошлом я была абсолютно уверена, что этот голос – всего лишь выразитель мыслей, которые улавливало мое подсознание, но которые мой разум осмысливал только потом. Но что, если это был голос живущей во мне горгульи? Флинт как-то сказал мне, что его дракон разумен и что мышление этого дракона существует отдельно от его человеческой ипостаси. Не так ли бывает и у горгулий?

Откуда ни возьмись, внутри меня вдруг поднимается иррациональный гнев. Гнев на живущую во мне горгулью. На Лию и Хадсона. На саму судьбу за то, что она сотворила все то, что и привело меня к сегодняшнему дню.

Я хочу сказать что-нибудь, сама не знаю что – что-нибудь такое, что могло бы объяснить те несуразные чувства, которые бушуют во мне сейчас, – но он качает головой прежде, чем я успеваю произнести хотя бы одно слово.

– Это нормально.

– И вовсе это не...

– Это естественно, – твердо говорит он. – Ты же вернулась всего четыре часа назад. Так почему бы тебе не сделать себе поблажку?

Прежде чем я успеваю сказать что-то еще, мелодия звонка звучит опять. Несколько секунд спустя коридоры наполняются толпами учеников, одетых в черно-фиолетовую форму. Они стараются держаться от нас подальше – это обычное дело, когда Джексон рядом со мной, – но это вовсе не значит, что не перешептываются украдкой, глаза на нас двоих, будто на моделей на подиуме.

Джексон неохотно отстраняется от меня.

– Какой у тебя следующий урок? – осведомляется он, отпустив мою руку.

– Изобразительное искусство. Я как раз собиралась забежать в мою комнату и одеться, чтобы пройти туда через кампус.

– Понятно. – Он делает шаг назад, и в его темных глазах отражается понимание. – Дай мне знать, когда ты захочешь воспользоваться коротким путем. Ты не должна ходить там одна. По крайней мере, не в первый раз.

Я хочу сказать ему, что это пустяки, но останавливаю себя. Потому что это *не* пустяки. И потому, что сейчас мне бы очень не хотелось спускаться туда одной, не хотелось идти мимо двери, ведущей в то подземелье, где меня едва не принесли в жертву по милости этой душегубки, Лии, и Хадсона, ее дружка и еще большего душегуба, чем она.

Поэтому, вместо того чтобы возразить, я просто говорю:

– Спасибо, – и встаю на цыпочки, чтобы поцеловать Джексона в щеку.

В нескольких футах от нас внезапно раздается оглушительный визг, и мы в испуге отскакиваем друг от друга.

– ООООООО! ГРЕЕЕЕЕЕЕИИС!

Поскольку этот визг я узнала бы всегда и везде, я смотрю на Джексона с невеселой улыбкой и отхожу на пару шагов назад за мгновение до того, как в бок мне врезается моя кузина Мэйси.

Она заключает меня в цепкие объятия, чуть ли не прыгая от восторга, и верещит:

– Ты и вправду здесь! Я не позволяла себе поверить в это, пока не увидела тебя собственными глазами! Я искала тебя *везде!*

Джексон подмигивает мне и одними губами говорит:

– *Напиши мне потом на телефон.* – После чего вливается в толпу.

Я киваю и, повернувшись, обнимаю Мэйси и даже прыгаю на месте вместе с ней. Чувствуя, как крепко она прижимает меня к себе, радуюсь, что у меня есть такая сестра. И не могу не думать о том, как здорово мне ее не хватало, хотя до этой секунды я этого и не осознавала.

– Как ты? Ты в порядке? Как ты себя чувствуешь? Выглядишь ты хорошо. Какой у тебя сейчас урок? Ты не можешь его прогулять? Я скопила целый галлон вишневого мороженого в морозильнике моего отца – прятала его там понемножку уже много недель, ожидая, когда ты вернешься.

Она отстраняется, улыбается мне и обнимает меня опять – с еще большим энтузиазмом.

– Я так рада, что ты вернулась, Грейс. Мне так тебя не хватало!

– Мне тоже тебя не хватало, Мэйс, – отвечаю я, когда она наконец отпускает меня. И поскольку я понятия не имею, с чего начать, то говорю первое, что приходит мне в голову: – Ты перекрасила волосы.

– Что? О да. – Она улыбается мне и запускает руку в свои короткие розовые волосы, подстриженные в стиле «пикси». – Я сделала это несколько недель назад, когда скучала по тебе. Так сказать, в твою честь.

Разумеется, в мою честь, ведь она все еще считает, что ярко-розовый – это мой любимый цвет...

– Смотрится обалденно, – говорю я ей. Потому что так оно и есть. И потому что она самая лучшая двоюродная сестра и подруга, какую только можно пожелать.

– Так какой же у тебя следующий урок? – спрашивает она, таща меня за собой по вестибюлю к лестнице. – Потому что думаю, тебе надо забить на него и пообщаться со мной у нас в комнате.

– А разве у тебя сейчас нет урока?

– Да, но это всего лишь повторение перед внутрисеместровым экзаменом. – Она машет рукой. – Я могу пропустить его, чтобы пообщаться с моей любимой кузиной.

– Да, но у твоей любимой кузины сейчас урок изобразительного искусства, и думаю, мне не стоит на него забивать. Мне надо выяснить, как нагнать все то, что я пропустила. – Я невесело смотрю на нее. – Я не готова оставаться на второй год в выпускном классе.

– Если хочешь знать мое мнение, ты вовсе не обязана ничего нагонять. После спасения мира ты заслужила самые высокие оценки по всем предметам, заслужила, чтобы тебе ставили их всегда.

Я смеюсь, потому что нельзя не смеяться, когда Мэйси входит в раж. А сейчас она явно разошлась не на шутку.

– Я бы не сказала, что я спасла мир.

– Ты же избавилась от Хадсона, разве нет? А это почти то же самое.

У меня напрягаются мышцы живота. В этом-то и суть. Я не знаю, избавилась я от Хадсона или нет. Не знаю, мертв он или таится неизвестно где, строя планы по установлению мирового господства, или же пребывает где-то между первым и вторым. И пока я не узнаю ответа на этот вопрос, я буду чувствовать себя неудобно, если позволю другим думать, будто сделала что-то такое, что помогло «спасти мир».

Вполне возможно, что я сделала только хуже.

– Я понятия не имею, где сейчас Хадсон, – признаюсь я в конце концов.

У нее округляются глаза, но она спохватывается и опять приклеивает к лицу улыбку.

– Ну, тут у нас его нет, и мне этого достаточно. – Она опять сжимает меня в объятиях, на этот раз с чуть меньшим энтузиазмом. – Так что ты скажешь? Полакомимся мороженым Cherry Garcia у нас в комнате?

Я смотрю на новый телефон, который подарил мне Джексон, и отмечаю про себя, что до моего урока осталось около пятнадцати минут. И я хочу все-таки пойти на него, как бы меня ни соблазняла перспектива зависнуть в нашей комнате и послушать, как Мэйси будет рассказывать мне обо всем том, что случилось за это время.

– Может, пойдем на компромисс? – говорю я, засунув свой телефон обратно в карман. – Я пойду на изобразительное искусство, ты отправишься на свой последний урок, а в пять мы встретимся у нас в комнате и поедим мороженого. Как тебе такое?

Она вскидывает одну бровь.

– И ты придешь на эту встречу, да? Не продинамишь меня ради нашего штатного преподавателя вампиров?

Я опять раздражаюсь смехом, потому что я, конечно же, приду. Как я могу не прийти, когда Мэйси в таком ударе, когда она так бесподобна?

– Я скажу Джексону, что ты его так назвала.

– Валяй. – Она закатывает глаза. – Но сделай это после вишневого мороженого. Мне столько всего нужно тебе рассказать, чтобы ты вошла в курс дела. И я хочу во всех подробностях узнать, каково это – быть горгульей.

Я вздыхаю.

– Я тоже.

– А, ну, да. Папа сказал мне, что у тебя проблемы с памятью. – Ее лицо вытягивается, но через несколько секунд недовольное выражение исчезает. – Ну, тогда ты во всех подробностях расскажешь мне, как воссоединилась со своим суженым, со своей парой. – У нее делается мечтательный вид. – Тебе повезло, что ты встретила Джексона так рано, когда ты еще так молода. Большинству наших приходится ждать этого куда дольше.

Мой суженый, моя пара. Эти слова отдаются во мне, словно удар гонга, проникая в каждый уголок моего существа. С момента моего возвращения я еще об этом не думала, но теперь, когда об этом заговорила Мэйси, у меня возникает масса вопросов. То есть я знаю, что Джексон – моя пара, но до сих пор это было для меня чем-то очень абстрактным. Я только-только узнала, каково это, перед тем как стала горгульей, так что у меня не было времени обдумать это по-настоящему – ведь очень скоро я оказалась заточена в камне.

Поскольку от сознания, что мне так мало об этом известно, я чувствую себя не в своей тарелке, я решаю игнорировать этот факт – а также мое отношение к нему, – пока мне не удастся поговорить об этом с Мэйси и Джексоном. Или, по крайней мере, сходить в библиотеку и поискать информацию самой.

– Мне надо идти, – говорю я Мэйси и на сей раз обнимаю ее сама. – Я и так уже опаздываю на изобразительное искусство.

– Хорошо, хорошо. – Ее ответные объятия, как всегда, полны энтузиазма. – Но я буду ждать тебя в нашей комнате – с мороженым – ровно в четыре сорок девять.

– Честное слово скаута. – Я поднимаю руку, сложив три пальца так, словно даю скаутскую клятву.

Но Мэйси не впечатлена. Она только качает головой и смеется.

– Смотри, не дай Джексону уговорить тебя на какие-нибудь фигли-мигли.

– Фигли-мигли? – повторяю я, потому что, как только начинаю думать, что Мэйси уже не может быть более несурзной – и прекрасной, – как она делает то, что заставляет меня изменить мнение.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. – Она поднимает и опускает брови, намекая на секс. – Но, если хочешь, я могу разложить тебе это по полочкам прямо здесь, посреди вестибюля. Тебе не следует позволять Джексону увести тебя в башню, чтобы он мог заняться с тобой...

– Понятно, понятно, – говорю я, чувствуя, как пылают мои щеки.

Но последние слова она произнесла так громко, что они разнеслись по всему вестибюлю, и теперь вокруг слышатся сдавленные смешки.

– Урок. Я иду на урок.

Но, идя в нашу комнату, чтобы одеться, а затем поспешно выйдя через боковую дверь на стылый мартовский воздух, я не могу не гадать о том, попытается ли Джексон вообще опять заняться со мной этими самыми «фиглями-миглями». А также о том, почему моя горгулья настроена так резко против.

Глава 15. Начнем, пожалуй

Урок изобразительного искусства проходит отлично – мистер Макклири решает не требовать от меня выполнения первых двух заданий семестра и сразу дает третье – написать картину, изобразив на ней мой внутренний мир. А поскольку изобразительное искусство всегда помогало мне познавать мир, это определенно такое задание, с которым я справлюсь.

В обычных обстоятельствах я бы потратила кучу времени, продумывая композицию, но сейчас после часа набросков, на которых возникало только бессмысленное нечто, я решаю: *да пошло оно все на фиг*. И, взяв кисть, в последние полчаса урока даю своему подсознанию полную свободу. В результате получается – во всяком случае, пока что – темно-синий вихрящийся фон, напоминающий нечто среднее между Ван Гогом и Кандинским.

Вообще-то это не в моем стиле, но то же самое можно сказать и о моем романе с вампиром, и о моем превращении в горгулью, так что... надо будет просто принять это как факт.

Пока краски подсыхают, я достаю из рюкзака ноутбук, захожу на сайт моего оператора мобильной связи и регистрирую мой новый телефон. Проходит несколько минут, и экран заполняют *десятки* сообщений.

Я начинаю лихорадочно прокручивать то, что мне написала Хезер, начиная с «Как дела?», следом идут сообщения, полные беспокойства и, наконец, последнее: «Надеюсь, что ты не отвечаешь, потому что слишком занята и без ума от своей новой школы. Просто знай, что я тут, если тебе когда-нибудь понадобится подруга. И отправь мне хоть словечко, чтобы я знала, что ты жива».

Я стала самой худшей подругой всех времен. Мои руки немного дрожат, когда я пишу Хезер долгожданное сообщение.

Я: О боже, прооооости меня.

Я: Это долгая история. Я потеряла телефон, а зимой Аляска закрывается.

Я: Я только что получила новый телефон и умоляю о прощении. Давай на этой неделе созвонимся по видеосвязи.

Не знаю, что еще тут можно сказать. *Я определенно заслужила звание худшей подруги в мире*. Мне тошно оттого, что я не могу сказать ей правду, и еще более тошно от мысли, что я могу потерять ее навсегда. Надеюсь, увидев мое сообщение, она мне ответит.

Я кладу телефон в рюкзак и возвращаюсь к своей картине, изображение на которой, кажется, начинает напоминать какую-то комнату или нечто в этом духе.

Если не считать всего этого, мой урок изобразительного искусства не отмечен событиями, как и мое возвращение в нашу комнату в общежитии. То есть люди по-прежнему пялятся на меня, но в какой-то момент я решила применить подход *«да пошло оно все на фиг»* не только к моей картине, а вообще ко всему. Так что когда я прохожу мимо группы ведьм, которые, говоря обо мне, даже не понижают голоса – это ли не доказательство того, что вредные девицы есть везде? – я просто-напросто улыбаюсь и посылаю им воздушный поцелуй.

С какой стати я вообще должна смущаться?

Я дохожу до нашей комнаты в 4.31 и решаю, что у меня есть десять свободных минут, чтобы начать составлять список текущих дел до того, как вернется Мэйси, но стоит мне открыть дверь, как меня обсыпает конфетти.

Я стряхиваю с себя разноцветные кусочки бумаги, но понимаю, что мне придется доставать их из своих кудрей весь вечер – а может, и дольше. Но я все равно не могу не улыбнуться при виде Мэйси, которая уже переделалась в фиолетовый топик и свои самые любимые пижамные штаны, разумеется, сшитые из радужного узелкового батика. Свой письменный стол она

накрыла простыней (также выкрашенной во все цвета радуги) и поставила на нее мороженое, скиттлз и банки «Доктора Пеппера» с многоцветными силиконовыми соломинками.

– Я решила, что раз мы будем праздновать твое возвращение, надо сделать это с размахом, – подмигнув мне, говорит моя кузина, врубает свой телефон, и комнату оглашают звуки песни Гарри Стайлза «Watermelon Sugar».

– Танцуй! – кричит Мэйси, и я не могу удержаться, потому что моя кузина может заставить меня делать такие вещи, которые я ни за что бы не стала делать ни для кого другого. К тому же песня так напоминает мне мой первый вечер в Кэтмире, что я не могу не исполнить ее желание. Странно осознавать, что это было четыре месяца назад. И еще более странно мое ощущение, будто с тех пор прошло одновременно и куда больше времени и намного, намного меньше.

Когда песня наконец заканчивается, я сбрасываю туфли и плюхаюсь на кровать.

– Ну уж нет. Сейчас время для косметических процедур. У меня тут полно масок, и мне не терпится их испытать, – говорит Мэйси и, схватив меня за руку, пытается стащить с кровати. Когда я отказываюсь сдвинуться с места, она вздыхает, подходит к раковине в ванной и добавляет, оглянувшись через плечо: – Да ладно тебе. Как-никак одна из нас почти четыре месяца пробыла *камнем*.

– Что ты хочешь этим сказать? – спрашиваю я, поскольку в голову мне закрадывается ужасная мысль. – Что, превращение в горгулью плохо влияет на кожу?

Мэйси опускает комплект масок, которые она разглядывала с таким видом, будто это карта пути к Святому Граалю.

– Почему ты так решила?

– В свое время я видела кучу изображений готических соборов, и горгульи на них были отнюдь не красотки.

– Да, но ты сама вовсе не похожа на чудовище. – Если такое возможно, у нее сделался еще более растерянный вид.

– Откуда ты знаешь? Ведь у меня, наверное, были и рога, и когти, и бог знает, что еще. – Я содрогаюсь от этой мысли – и от сознания, что Джексон видел меня такой.

– Да, у тебя есть рожки, но они симпатичные.

Я мигом сажусь.

– погоди. Ты что, видела меня?

Не знаю почему, но это открытие немного шокирует меня. Неужели они выставили меня на всеобщее обозрение где-нибудь в коридоре? У меня перехватывает дыхание, когда в голову приходит еще одна ужасная мысль: неужели теперь у каждой вредной девицы в школе есть в телефоне моя фотка в таком виде?

– Конечно, я видела тебя. Ты несколько месяцев стояла в подсобке библиотеки, а до этого находилась в кабинете моего отца.

Я расслабляюсь. Слава богу.

Я говорю себе, что не стоит задавать этот вопрос, что это неважно. Но, в конце концов, любопытство берет верх, и я ничего не могу с собой поделать.

– Ну, и как я выглядела?

– В каком смысле? Ты выглядела, как гор... – Она обрывает фразу, и ее глаза возмущенно щурятся. – погоди, ты что же, хочешь сказать, что ни Джексон, ни мой отец так и не показали тебе, как ты выглядела, когда была горгульей?

– Конечно, не показали. Как они могли это сделать, если теперь я... – Я вытягиваю руки и верчу ими, чтобы продемонстрировать, что я уже не камень, а человек.

– Ты это серьезно? – Она закатывает глаза. – Ты думаешь, я тебя не фотографировала? Не сделала, по крайней мере, фоток десять моей нереально крутой кухни-горгульи? Я тебя умоляю.

– погоди, погоди. Ты в самом деле *фоткала* меня?

– Само собой. Ты же самое классное существо на земле. Как же мне было тебя не фоткать? – Она достает свой телефон. – Хочешь посмотреть?

У меня замирает сердце. Я понимаю, что мне не стоит огорчаться из-за того, какой вид я имею на этих фотках, ведь по большому счету это совершенно неважно, но я не могу не посмотреть на себя. Ведь у меня, похоже, были *рога*.

– Да. Да, хочу.

Я закрываю глаза и беру телефон. Одновременно я делаю глубокий вдох, считаю до пяти и медленно выдыхаю. Затем опять делаю такой же вдох и такой же выдох. Когда я наконец чувствую, что готова узреть создание, в которое превратилась, – настолько готова, насколько это вообще возможно, – я открываю глаза и смотрю на свою фотографию.

Глава 16. Подумаешь, рога

Мое сердце скачет галопом, едва я вижу фотографию, которую выбрала Мэйси, поскольку – надо же – на ней я горгулья. Думаю, до этого момента какая-то небольшая часть меня не верила, что это правда.

Но это я, горгулья во всей своей красе.

И, хотя я все еще никак не приду в себя от этого открытия, должна признать, что выгляжу я совсем не так ужасно, как опасалась. Слава богу.

По правде говоря, в ипостаси горгульи я не так уж похожа на чудовище. Вообще-то я чертовски похожа... на себя саму. Такие же длинные кудрявые волосы. Такой же маленький острый подбородок. Даже такая же большая грудь и такой же до смешного маленький рост. Это я... только сделанная из светло-серого камня.

То есть, конечно, присутствуют и несколько новых деталей. Например, короткие рожки, немного загнутые назад. И огромные отпадные крылья, почти такие же большие, как я сама. А также сравнительно короткие коготки.

Но, поверьте, я приглядываюсь очень внимательно: у меня *нет* хвоста. Спасибо тебе, вселенная. Я могу смириться с рогами. Без особой радости, но могу, поскольку мне все-таки не придется терпеть еще и хвост.

Мэйси дает мне минуту – на самом деле даже несколько минут, прежде чем наконец говорит:

– Как видишь, ты выглядишь потрясно. Прямо отпад.

– Я выгляжу как статуя. – Я поднимаю одну бровь. – Хотя, думаю, в таком виде не стыдно переждать и таким образом выиграть бой. Хотя это и скукота.

Мэйси пожимает плечами и, взяв банку газировки, начинает пить через соломинку.

– Я уверена, что у горгулий есть куча отпадных талантов. – Она машет рукой, и ко мне через всю комнату летит вторая банка.

– Видишь? – Я беру банку газировки и делаю большой глоток – тоже через соломинку, потому что пусть я и горгулья, но я не животное. – Ты можешь творить всякие классные штуки, например, стоит тебе пошевелить пальцами, как у тебя уже готов макияж. А я только и могу, что...

– Спасать мир?

Я закатываю глаза.

– Уверена, что это преувеличение.

– А я уверена, что ты еще недостаточно знаешь о том, кто ты и что ты, чтобы решить, преувеличение это или нет. Грейс, быть горгульей... – Она делает паузу, делает долгий выдох и ерошит пальцами свои чудные розовые волосы. – Быть горгульей – это самая отпадная штука из всех.

– Откуда тебе знать? Мэриз сказала мне, что такого не было уже тысячу лет.

– То-то и оно! Об этом я и толкую. Ты единственная! Разве это не улет?

Ну нет. Находиться в центре внимания – это не по мне. Но я достаточно хорошо изучила Мэйси и знаю, что значит это выражение на ее лице: спорить с ней сейчас бесполезно.

Однако я все же не могу не сказать:

– Думаю, «улет» – это слишком сильно сказано.

– А вот и нет. Так считают все.

– Под всеми ты разумеешь себя и своего отца?

– Нет, я говорю про *всех*! Они все видели тебя и... – Она осекается и с огромным интересом смотрит на свою газировку.

Это не предвещает ничего хорошего. Похоже, дело – дрянь.

– Сколько же человек видели меня такой, Мэйс? Ты сказала, что я находилась в кабинете твоего отца, а потом меня засунули в подсобку библиотеки.

– Так оно и есть. Но ты должна понять: ведь ты была заключена в камне почти *четыре месяца*! Папа и Джексон чуть с ума не сошли от беспокойства.

– Мне казалось, ты говорила, что быть горгульей – это отпад.

– Да, быть горгульей – это в самом деле отпад. Но застрять в ипостаси горгульи... это совсем не клево. Они перепробовали все, чтобы ты превратилась обратно в человека – приглашали сюда экспертов со всего мира, столько, сколько смогли найти. И все эти эксперты желали увидеть тебя, потому что не верили, что ты горгулья. Они думали, что тебя прокляла ведьма или сирена, или что-то еще в этом духе. И требовали показать им тебя прежде, чем они согласятся дать свои рекомендации.

Я встаю с кровати и начинаю ходить взад и вперед.

– Ты хочешь сказать, что все они просто взяли и прилетели на Аляску, чтобы иметь возможность изучить меня лично?

– Само собой! – Она бросает на меня досадливый взгляд. – Думаю, ты не до конца понимаешь, что ты единственная в своем роде. Эти эксперты полетели бы и на луну, лишь бы увидеть тебя собственными глазами. Не говоря уже о том, что Джексон и мой отец сами отправили бы их на луну, если бы сочли, что это может тебе помочь.

Я могу это понять. Это даже кажется мне логичным – в извращенном смысле этого слова. Но я не могу отделаться от неприятного чувства при мысли о том, что незнакомые люди осматривали меня, пока я была в полной отключке и вообще не могла понять, что к чему. И о том, что Джексон и мой дядя позволяли им это делать.

И дело не в том, что я не понимаю, почему они так поступали. Если бы мои родители выжили в той аварии и впали в кому, если бы им понадобилось лечение и уход, я бы тоже сделала все, что в моих силах, чтобы они получили все необходимое.

Это еще одна вещь, которую я потеряла. Хотя и не должна была терять.

Я перестаю ходить по комнате и, смирившись, опять плюхаюсь на кровать.

– Грейс? – Мэйси садится рядом со мной и впервые с тех пор, как мы столкнулись в вестибюле, на лице ее появляется тревога. – Ты в порядке? Я понимаю, это трудно принять, но клянусь тебе, это здорово. Постарайся это понять.

– А как же моя память? – Я проглатываю стоящий в моем горле ком, потому что не плачу в присутствии других людей, даже если это мои лучшие подруги. – Что, если она ко мне не вернется? Правда, я тогда была камнем, и, возможно, я ничего не помню по той простой причине, что мне нечего помнить.

Мэйси качает головой.

– Я так не думаю.

– То-то и оно. Я тоже. – Я молчу, поскольку все слова, которые приходят мне в голову, кажутся какими-то не такими. Мэйси тоже молчит, затем сжимает мою руку.

– Давай пару дней просто будем жить моментом. Посмотрим, не всплывет ли что-нибудь после того, как твоя жизнь войдет в привычное русло. Уверю тебя, все будет хорошо. – Она улыбается ободряющей улыбкой. – Лады?

Я киваю, чувствуя, как сосущее чувство под ложечкой, которое мучило меня несколько часов, начинает проходить.

– Лады.

– Вот и хорошо. – Она лукаво улыбается. – А теперь давай наложим эти маски. Я расскажу тебе все новости, а ты объяснишь мне, каково это – быть сопряженной, то есть иметь суженого.

Глава 17. Туннельное зрение

Я никак не могу заснуть.

Не знаю, потому ли это, что последние четыре месяца я провела во сне, или из-за всего, что происходило сегодня. А может, дело в сочетании того и другого?

Возможно, в сочетании того и другого.

Это и из-за того, что я потеряла память, и из-за того, что я узнала: парень, которого я люблю, – это мой суженый, моя пара, он со мной сопряжен, и мне предстоит провести с ним всю жизнь.

Мэйси была очень воодушевлена и все повторяла, как мне повезло, что я встретила Джексона теперь, когда мне семнадцать. Так что в ожидании своего суженого мне не нужно иметь дело со всякими придурками вроде Кэма (судя по всему, она и Кэм расстались, и расстались плохо, пока я была статуей) и не нужно беспокоиться о том, что мне так и не удастся найти такого человека (похоже, это случается чаще, чем хотелось бы). У меня есть суженый, и, по мнению Мэйси, это лучшее, чего можно было бы желать – и определенно лучше, чем мое превращение обратно в человека. И даже лучше, чем если бы ко мне вернулась память.

Ведь суженый – это навсегда, чего нельзя сказать почти что ни о чем другом в жизни; именно это она повторяла мне снова и снова.

И я это понимаю. Правда, понимаю. Я люблю Джексона. Любила с самого начала. Но потому ли это, что я полюбила его самого, или из-за нашего сопряжения, которое, по общему мнению, возникло в тот момент, когда мы коснулись друг друга?

Но что это значит? Выходит, в тот первый день у шахматного столика, когда он так ужасно вел себя со мной и когда я накрыла рукой его прочерченную шрамом щеку, мы и стали сопряженными? Прежде чем хотя бы один из нас что-то узнал о другом? До того как мы вообще понравились друг другу? Я сглатываю ком в горле. До того как у меня и у него вообще появился выбор?

Но сейчас я не стану заикливаться на мысли о том, что он знал это с того первого прикосновения, а мне об этом не сказал. Мысленно я помещаю эту деталь в папку, озаглавленную «Дерьмо, которое необязательно разгребать сейчас», – для хранения которой, как мне начинает казаться, скоро может понадобиться целый шкаф.

Я просто пытаюсь осмыслить тот факт, что у меня есть пара. То есть суть этого понятия мне ясна. Я прочла достаточно книг, написанных в жанре фэнтези, и романов для подростков, чтобы понимать, что сопряжение, то есть встреча со своей парой, – это лучшее, что может произойти с двумя людьми. Но перейти от этого к пониманию того, что такое сопряжение существует между Джексонном и мной... это напрягает.

Впрочем, тут напрягает вообще все.

Настолько напрягает, что я не могу заснуть. И, возможно, настолько, что я вообще не смогу этого выдержать. Не знаю, не знаю.

Я беру телефон и вижу сообщение от Хезер. Читая его, я делаю медленный выдох. Она хочет созвониться уже на этой неделе, и я быстро соглашаюсь. Затем в течение нескольких минут просматриваю новости, чтобы узнать все, что произошло за последние четыре месяца в мире и что я пропустила. Оказывается, пропустила я немало. Однако, в конце концов, новости мне надоедают, и я, положив телефон на грудь, смотрю в потолок.

Но не могу же я лежать вот так всю ночь, позволяя мыслям о том, что я горгулья, о том, что у меня провал в памяти, и о том, что я сопряжена, крутиться в моей голове в режиме нон-стоп.

Я бы посмотрела телевизор, но мне не хочется беспокоить Мэйси. Сейчас уже поздно, два часа ночи, а завтра у нее внутрисеместровые экзамены. А значит, мне надо выйти.

Я встаю с кровати, стараясь производить как можно меньше шума, затем достаю из стенового шкафа теплую толстовку с капюшоном – ночью в замке может быть холодно, и везде дуют сквозняки. Надев мои любимые кроссовки Vans с рисунком из ромашек, я беззвучно, на цыпочках, иду к двери.

Прежде чем открыть ее, я колеблюсь – когда я бродила по замку одна среди ночи в прошлый раз, меня чуть не выбросили на снег. И мне *совсем* не хочется, чтобы это случилось снова. Пусть даже Джексон моя пара, я не могу рассчитывать на то, что он будет спасать меня каждый раз, когда я попадаю в беду.

К тому же вряд ли он был бы в восторге от перспективы спасти меня сейчас. Особенно после того, как я отказалась от планов встретиться с ним, сославшись на усталость.

Но теперь ситуация отличается от той, которая была здесь четыре месяца назад. Во-первых, сегодня ни у кого нет причин пытаться убить меня. А во-вторых, даже если бы кто-то того и хотел, никто не посмеет умышленно напасть на суженую Джексона Веги. Особенно после того, как Джексон едва не высосал всю кровь из Коула за то, что тот попытался уронить на меня люстру.

К тому же теперь я горгулья. Если кто-то попытается причинить мне вред, я всегда смогу просто-напросто обратиться в камень. Хотя такая перспектива меня и не прельщает. Правда, я понятия не имею, как именно это сделать. Но это проблема не для сегодняшнего, а для какого-нибудь другого дня.

Чтобы не передумать, я выхожу за дверь и оказываюсь в другой части коридора на пути... Я еще точно не знаю куда. Вот только мои ноги, кажется, знают то, чего не знает мозг, потому что уже очень скоро я стою перед входом в узкий коридор, ведущий к туннелям.

Часть меня считает, что с моей стороны глупо идти туда в одиночку – да и вообще. Я не хотела идти сюда с Флинтом из-за всего того дерьма, которое произошло в подземелье, когда я была здесь в прошлый раз.

Но одета я недостаточно тепло, чтобы выйти на прогулку, а хочется мне сейчас одного: поработать над своей картиной. Но попасть в изостудию я могу, только пройдя по туннелям, а потому... судя по всему, мне предстоит оказаться в том самом месте, где я чуть не умерла.

Решив, что отыскать наилучший путь в туннелях значит просто пройти по ним – никаких отклонений, никаких обходных путей, – я прохожу по сужающемуся коридору как можно быстрее. Сердце колотится в груди, но я не снижаю скорости.

Наконец я дохожу до камер, похожих на средневековые темницы с их скрипучими дверными петлями и древними цепями. Поскольку я здесь одна и меня некому торопить, я останавливаюсь и с минуту осматриваю их. Ночью они выглядят еще более жуткими, чем днем. А они навевали жуть и тогда.

Камер здесь пять, они расположены в ряд и имеют двери из железных решеток. На каждой двери на щеколде висит древний амбарный замок, причем все эти замки заперты (и нигде не видно ключей), так что случайно здесь никого не запрут... как и не случайно.

Стены камер сложены из громадных камней – каждый шириной с лапу дракона (или, по крайней мере, шириной с лапу Флинта, поскольку он единственный дракон, которого я видела). Может, это неспроста? Или же у меня просто разыгралось воображение? Как бы то ни было, эти камни черны, шероховаты и имеют весьма зловещий вид.

Впрочем, в этих камерах все имеет зловещий вид – особенно кандалы, прикрепленные к стенам. Судя по возрасту этого места и состоянию замков, можно было ожидать, что кандалы тоже окажутся старыми и ржавыми.

Но это не так. Они ослепительно блестят, на них не видно ни ржавчины, ни признаков старости. Так что я не могу не гадать, сколько же им лет. А также для чего Кэтмиру – притом во главе с моим дядей – нужно иметь кандалы, да еще такие толстые, что они могли бы сдерживать обезумевшего динозавра. Или, например, дракона, человековолка или вампира...

Но мысли об этом уводят меня на рискованную дорожку, по которой сегодня я не готова идти. Я говорю себе, что должна быть какая-то разумная причина – такая, которая не подразумевает заточения учеников в холодных темницах.

Решив, что если я пробуду здесь еще какое-то время, думая обо всем этом, то потеряю присутствие духа, я делаю глубокий вдох и вхожу в пятую камеру, единственную, в которой есть дверь, ведущая в туннели.

При этом я провожу рукой по амбарному замку, просто затем, чтобы удостовериться в том, что он надежно заперт и ни один человековолк не сможет зайти и закрыть меня в туннелях.

Вот только едва мои пальцы касаются замка, как он, щелкнув, открывается... и падает с щеколды прямо мне в руки. Это определенно не укрепляет моей уверенности в том, что здесь мне ничего не грозит, как я надеялась до сих пор, особенно если учесть, что я знаю – дверь была заперта.

Я это знаю.

Здорово напуганная, я кладу замок в карман толстовки – я ни за что не повешу его на эту дверь, пока не вернусь из студии, благополучно пройдя по туннелям, и не направлюсь обратно в свою кровать. Затем нагибаюсь и тяну за ручные кандалы, чтобы открыть дверь в туннели.

Дверь отворяется, как и раньше, когда я ходила этим путем. Правда, прежде я всегда ходила сюда не одна, и благодаря этому мне было не так жутко. Это если не думать о том, что двое из тех четверых, с которыми я бывала в этих туннелях, пытались убить меня. А если все-таки держать в уме этот факт, то даже хорошо, что сейчас я явилась сюда в одиночестве.

Решив, что мне следует либо перестать пугать себя, либо вернуться в кровать, я прохожу в дверь. И стараюсь не обращать внимания на то, что все свечи в настенных светильниках и люстрах все еще горят.

С другой стороны, это неплохо. Потому что здесь у меня нет возможности просто щелкнуть выключателем и залить все светом, хотя мне бы и хотелось. Костяные люстры навевают на меня куда больше жути, чем прежде, ведь теперь я знаю, что это настоящие человеческие кости, а не пластмасса.

«А может, лучше забить, – думаю я. – Может, вернуться в комнату и к черту эти туннели? Наверняка лучше просто смотреть на потолок над кроватью, чем пробираться по этой версии парижских катакомб».

Но потребность взять в руку кисть и писать нарастала во мне, как снежный ком, с тех самых пор, как я вышла из комнаты, и теперь я почти что чувствую эту кисть в руке. А также резкий запах масляных красок на холсте.

К тому же, если я позволю этим туннелям – и моим воспоминаниям о них – изгнать меня отсюда, то не знаю, смогу ли я когда-нибудь собраться с духом, чтобы вернуться сюда.

Держа эту мысль в голове, я достаю свой телефон и открываю музыкальное приложение, которое скачала сегодня. Выбрав один из моих любимых плей-листов – «Summertime UnSadness», – врубаю песню «I'm Born to Run», и ее звуки заполняют окружающую тишину. Нелегко бояться, когда «American Authors»¹ поют о жажде жизни так, будто им всегда всего мало. Буквально гимн, сочиненный специально для таких ситуаций.

И, в конце концов, я делаю именно то, о чем они поют. Я бегу. И не какой-то там медленной трусцой, а напрягая все силы и не обращая внимания на то, что из-за высоты у меня возникает такое чувство, будто мои легкие вот-вот взорвутся. Не обращая внимания ни на что, кроме отчаянного желания как можно скорее миновать этот фестиваль ужасов.

Я не сбавляю скорость, пока не добираюсь до подъема, ведущего во флигель, в котором расположена студия. Добежав наконец до ее незапертой двери, я толкаю ее и, спотыкаясь от спешки, вваливаюсь внутрь.

---

¹ Американская инди-рок-группа. – Здесь и далее примеч. пер.

И сразу же тянусь к выключателю, находящемуся слева от двери, после чего захлопываю ее и запираю замок. Да, доктор Макклири уверяет, что она никогда не запирает эту дверь на тот случай, если кого-то из ее учеников посетит вдохновение, но, насколько мне известно, ее никто никогда не пробовал принести в жертву. А значит, мне простительно запереть эту дверь.

К тому же если кого-то вдруг ни с того ни с сего охватит странное желание явиться сюда именно сейчас, то он вполне может и постучать. И поскольку я знаю, что он придет сюда не затем, чтобы попытаться меня убить, я охотно впускаю его.

Может, с моей стороны это и паранойя, но ведь четыре месяца назад я повела себя *недостаточно* параноидально и в итоге получила каникулы, которых не помню, а в довершение к ним еще и пару рогов.

И во второй раз я такую ошибку не допущу.

Переведя дух, я беру нужные краски и иду в класс. Я уже решила, каким хочу сделать фон – и что мне надо сделать, чтобы написать его.

Будем надеяться, что чудовища Кэтмира не станут пытаться убить меня до того, как мне удастся воплотить мой замысел. Впрочем, время у меня еще есть.

Глава 18. По-моему, у меня была амнезия раз... или два

– Давай, Грейс, просыпайся. Если ты сейчас не встанешь, то пропустишь завтрак.

– Я хочу спать, – бормочу я, перевернувшись на живот, чтобы оказаться подальше от раздражающе бодрого голоса Мэйси.

– Я знаю, что тебе хочется спать, но ты должна встать. Через сорок минут начнется урок, а ты еще даже не приняла душ.

– К черту душ. – Я хватаю одеяло и натягиваю его на голову, закрыв глаза, чтобы не видеть его ярко-розовый окрас. И не дать повода Мэйси подумать, будто я проснулась. Потому что это не так, точно не так.

– Греееейс, – хнычет она, изо всех сил дергая одеяло. Но я вцепилась в него мертвой хваткой и ни за что его не отпущу. – Ты пообещала Джексону, что через пять минут встретишься с ним в кафетерии. Тебе *придется* встать.

Звук имени Джексона, в конце концов, пробивает мой ступор, и Мэйси удается стащить с меня одеяло. Холодный воздух обдаёт мое лицо, и я тут же снова тяну на себя одеяло, хотя и вполсилы, все так же не открывая глаз.

Мэйси смеется.

– Похоже, мы с тобой поменялись ролями. Обычно это меня бывает трудно растолкать.

Я снова пытаюсь вцепиться в одеяло, и на сей раз мне удается поймать его уголок.

– Дай сюда, – прошу я, чувствуя себя такой уставшей, что даже не могу представить, как мне вообще удастся встать.

– Ну уж нет. У тебя сейчас урок истории ведовства, и ждать тебя никто не будет. Давай, шевелись. – Она дергает одеяло изо всех сил и наконец полностью стаскивает его с кровати.

Я резко сажусь, готовая умолять ее оставить меня в покое. Но прежде чем я успеваю произнести хоть слово, Мэйси хватается за плечи.

– О господи, Грейс! Что с тобой? – Она начинает лихорадочно ощупывать мои плечи, спину, руки.

Паника, явственно звучащая в ее голосе, окончательно изгоняет туман из моей головы. Я открываю глаза и вглядываюсь в ее лицо, на котором написан еще больший ужас, чем тот, который слышится сейчас в ее голосе.

– В чем дело? – спрашиваю я, затем опускаю взгляд и застываю, видя, что передняя часть моей лиловой толстовки залита кровью. Меня парализует ужас, сердце подскакивает к горлу.

– О боже! – Я вскакиваю с кровати. – О боже!

– Не шевелись! Дай мне посмотреть! – Мэйси хватается мою толстовку и резко, одним движением стаскивает ее с меня через голову, так что на мне остается только топик. – Где у тебя болит?

– Не знаю. – Я прислушиваюсь к себе, но у меня ничего не болит. Нет ничего такого, что могло бы вызвать такую кровопотерю. Мой топик остался белоснежным – никакой крови. А значит... – Она не моя.

– Она не твоя, – одновременно со мной говорит Мэйси.

– Тогда чья? – шепчу я, и мы в ужасе смотрим друг на друга.

Она моргает.

– Ну, ты-то ведь должна это знать.

– Должна, – соглашаюсь я, ощупывая свои руки и живот в поисках каких-нибудь ран. –

Но не знаю.

– Ты не знаешь, откуда взялась вся эта *кровь*? – изумленно вопрошает она.

Я с усилием сглатываю.

– Понятия не имею.

Я ломаю голову, пытаюсь вспомнить, как пришла сюда из студии минувшей ночью, но у меня ничего не выходит. Нет даже той огромной стены, которая блокирует остальные мои воспоминания, есть только... пустота. Пустота, где ничего нет.

Жуть.

– И что же нам делать? – чуть слышно шепчет Мэйси.

Я качаю головой.

– То есть ты не знаешь?

Она недоуменно пялится на меня.

– Да откуда мне это знать?

– Ну, не знаю. Наверное... Вообще-то... – Я поднимаю руки, чтобы убрать с лица волосы, и тут до меня доходит, что мои ладони и предплечья тоже в крови. Нельзя паниковать. Нельзя паниковать. – А что вы обычно делаете, когда здесь происходит нечто подобное?

В ее взгляде отражается еще большее недоумение.

– Не хочу тебя пугать, Грейс, но ничего подобного здесь никогда не бывало – во всяком случае, до твоего приезда.

Я прищуриваюсь.

– Фантастика. Спасибо, теперь мне стало куда спокойнее.

Она машет рукой, словно говоря: «А чего ты хотела?»

Прежде чем я успеваю отреагировать, мой телефон гудит – на него пришло несколько сообщений. И мы обе одновременно глядим в ту сторону, где он лежит.

– Тебе надо посмотреть, что там, – шепчет Мэйси.

– Знаю. – Однако я даже не пытаюсь подойти к моему письменному столу, где заряжается телефон.

– Хочешь, я посмотрю, что там? – спрашивает она после того, как раздается еще серия вибраций.

– Не знаю.

Мэйси вздыхает, но ничего не говорит. Возможно, потому, что не меньше моего боится узнать, от кого сообщения. И почему он их прислал.

Но мы не можем прятаться вечно, и когда приходят еще несколько сообщений, я скрепя сердце говорю:

– Хорошо, посмотри. Я не хочу... – Я опять поднимаю руки и опять вижу покрывающую их кровь.

Мне ужасно хочется смыть ее, но в моей голове всплывают сцены из фильмов про полицейских. Если я сейчас смою кровь, не станет ли это уничтожением улики? Признанием вины?

Это кажется ужасным, но я сейчас покрыта чьей-то кровью, а я понятия не имею, как это произошло. Может, я и пессимистка, но, кажется, мне светит тюрьма.

И я знаю, что мне следует беспокоиться о том, кому я могла причинить физический вред, но, черт побери, я вовсе не чувствую себя виноватой, если кто-то напал на меня в туннелях, а я дала отпор. У меня тоже есть права.

Я тяжело вздыхаю. Почему это звучит так, будто я уже готовлю речь в свою защиту?

– О нет, – говорит Мэйси, просмотрев мои сообщения. – Это от Джексона. О нет...

– Что там? – Я сразу же забываю про улики и торопливо подхожу к столу. – Я что, поранила его? Это его кровь?

– Нет, не его.

Я чувствую такое облегчение, что у меня начинает кружиться голова. Но по лицу Мэйси видно, что Джексон сообщил мне нечто ужасное.

– Что там? – наконец шепчу я, когда молчание становится невыносимым. – Что произошло?

Она не смотрит на меня, а вчитывается в сообщения, как будто хочет удостовериться, что все поняла правильно.

– Он извиняется за то, что не встретился с тобой за завтраком. Он сейчас в кабинете моего отца.

– Почему? – Ужас затапливает меня еще до того, как Мэйси отрывает взгляд от телефона и затравленно смотрит на меня.

– Потому что ночью произошло нападение на Коула. Судя по всему, за пару дней в лазарете он оклемается, но... – Она делает глубокий вдох. – Кто-то выкачал из него огромное количество крови, Грейс.

Глава 19. С поличным

– На Коула? – шепчу я, поднеся руку к горлу, когда Мэйси называет имя вожака человековолков.

– Да, – мрачно отвечает она.

– Я не могла этого сделать. – Я смотрю на свои окровавленные руки, ощущая новый прилив ужаса. – Не могла.

Думаю, до этой минуты я надеялась, что дело все-таки в Джексоне, что это *моя* кровь. Что ночью я приходила к нему, и он случайно прокусил мою артерию, а затем запечатал ее, как и прошлый раз, после того как меня посекло осколками стекла.

Но это, конечно же, нелепо, ведь не могу же я не знать, что Джексон *никогда* бы не допустил такого безрассудства, никогда бы не прокусил мою артерию. Он бы ни за что не позволил мне лечь в кровать вот так, в толстовке, пропитанной кровью. И наверняка не погрузил бы меня в такой глубокий сон, что, пытаясь проснуться, я чувствовала бы себя так, будто находилась в коме. Но я бы предпочла именно такой вариант, лишь бы не оказалось, что это чужая кровь и что ее, возможно, пролила я сама.

– Я знаю, что ты бы ничего не сделала Коулу, – успокаивает меня Мэйси, однако ее взгляд говорит об ином.

Как, вероятно, и мой. Потому что, хотя я и не могу представить себе, при каких обстоятельствах я могла решить напасть на здешнего вожака человековолков – да еще и одолеть его, – нельзя не признать, что это странное совпадение: утром я просыпаюсь вся в крови, а ночью кто-то напал на Коула, и он потерял много крови. Еще более странным это совпадение делает тот факт, что это произошло в первую ночь после моего возвращения.

Если бы я попыталась убедить себя, что я тут ни при чем – после того, как Мэйси сказала мне, что в Кэтмире такого не бывает, – это была бы бо-ольшая ложь.

А я совсем не умею лгать.

– Нам надо позвонить твоему отцу, – шепчу я. – И все ему сказать.

Мэйси колеблется, затем говорит на выдохе:

– Знаю. – Однако не пытается позвонить дяде Финну. – Но что мы можем ему сказать? Это серьезно, Грейс.

– Это я понимаю. Поэтому мы и должны ему сказать. – Я хожу по комнате, лихорадочно перебирая возможные сценарии.

– Ты не смогла бы одолеть вожака человековолков. Так что это, по-моему, полная чушь.

– Знаю. С какой стати мне вообще было нападать на Коула? А если я на него все-таки напала, то почему я ничего не помню? – Я подхожу к раковине. Пусть это и уничтожение улики, но теперь, когда я знаю наверняка, что кровь не моя, я больше не могу терпеть ее на себе ни секунды.

– Ладно, давай рассуждать логически, – говорит Мэйси, осторожно зайдя мне за спину. – Что ты все-таки помнишь о минувшей ночи? Ты хотя бы помнишь, как вышла из комнаты?

– Да, конечно, – отвечаю я, намыливаясь и смывая мыло водой. – Я не могла заснуть и вышла отсюда где-то в два часа.

Я смотрю в зеркало и вижу пару капель крови на щеке. И чуть не слетаю с катушек. Чуть не забываю о том, что надо сохранять спокойствие, и испытываю отчаянное желание заорать.

Но если я сейчас заору, то привлеку внимание к этой крови на моих толстовке и руках, внимание, которое совсем ни к чему ни Мэйси, ни мне. А потому я подавляю свой ужас и тру лицо снова и снова, испытывая мерзкое чувство, что больше я никогда не буду ощущать себя чистой.

Я продолжаю отмывать с себя кровь, одновременно рассказывая нетерпеливо ожидающей деталей Мэйси о том, как я ходила по туннелям в изостудию.

– Но клянусь тебе, Мэйс, последнее, что я помню – это как я собирала краски, собираясь поработать над моей картиной. Я находилась в подсобке, где хранятся принадлежности для рисования, и очень ясно видела все то, что хотела сделать на холсте. Так что я взяла серую, зеленую и синюю краски, зашла в класс, начала работать и, как мне кажется, работала несколько часов. погоди. – Я поворачиваюсь к Мэйси, пытаюсь разобраться в том, что случилось. – А Джексон сказал, где именно произошло нападение на Коула? – Если он увидел, как я зашла в изостудию, и решил наброситься на меня, возможно, моя реакция не была хладнокровной атакой, как могло бы показаться.

Возможно, это в самом деле была самозащита.

Пожалуйста, пожалуйста, пусть окажется, что это была самозащита.

Хотя как я вообще могла защитить себя от человековолка, да еще и не получив при этом ни царапины? В настоящее время мой единственный талант – это способность обращаться в камень, и, хотя в случае нападения на меня она может оказаться полезна – если у нападающего нет кувалды, – я понятия не имею, как именно это работает.

И как я вообще могла выкачать из кого-то столько крови в то время, когда сама изображала фигуру садового гнома?

– Нет, об этом он не говорил. – Мэйси отдает мне телефон. – Может, ты спросишь его сама?

– Когда увижу, спрошу. – Я вздрагиваю и беру из шкафа футболку и спортивные штаны. – Мне все равно надо пойти поговорить с твоим отцом. Но сначала я приму душ.

Мэйси мрачно кивает.

– Хорошо, прими душ, а я пока почищу зубы. А потом мы вместе пойдем к моему отцу.

– Ты не обязана это делать, – говорю я ей, хотя, надо признаться, я совсем, совсем не хочу идти к дяде Финну одна.

Она закатывает глаза.

– Как там говорят? Один за всех и все за одного? – Она упирается руками в бедра. – Ты не пойдешь к моему отцу и не станешь признаваться бог знает в чем без меня.

Я начинаю спорить, но она устремляет на меня такой убийственный взгляд, что я просто затыкаюсь. Мэйси покладиста, но под ее добродушно-веселой манерой скрывается стальной стержень.

Когда я выхожу из душа, она еще не готова, и, пока подруга возится, я засовываю окровавленную одежду в пустой пакет. Одно дело сказать дяде Финну, что, как мне кажется, произошло, и совсем другое – продемонстрировать всей школе то, что чертовски похоже на доказательство моей вины. Взяв на всякий случай мой блокнот, я сую его в рюкзак, который перекидываю через плечо.

Выйдя из комнаты, я ожидаю, что Мэйси направится к главной лестнице, но вместо этого она поворачивает налево, проводит меня по двум коридорам общежития и, в конце концов, останавливается перед одной из тех картин, которые мне нравятся здесь меньше остальных – это сюжет на тему судов над салемами ведьмами, на холсте изображено одновременное повешенье всех девятнадцати подсудимых, на заднем плане пламя пожирает деревню.

Однако я совсем не ожидаю того, что происходит следом – Мэйси шепчет несколько слов, взмахивает рукой, и картина исчезает.

Она поворачивается ко мне с тем же мрачным выражением на лице.

– В вестибюле сейчас наверняка переполох. – Она вдруг улыбается. – Так что давай срежем путь.

И через несколько секунд в стене появляется дверь.

Глава 20. Карма – кузина ведьмы²

В отличие от прочих здешних дверей эта имеет ярко-желтый цвет и сплошь обклеена радужными стикерами – так что сразу видно, кому она принадлежит.

Мэйси прикладывает к ней руку и бормочет какой-то речитатив, в котором упоминаются «замки» и «двери». И дверь начинает отворяться.

– Пошли, – говорит она и настойчиво машет рукой, когда проход оказывается свободен. – Пока никто не видит.

Мне не надо повторять дважды. Я следую за ней, даже не пискнув, и дверь с тихим шелестом затворяется за нами. Мы, разумеется, оказываемся в полной темноте, что весьма пугает. С бешено бьющимся сердцем я пытаюсь достать телефон, чтобы включить фонарик.

Но Мэйси опережает меня, и прежде чем я успеваю вынуть из кармана гаджет, бормочет что-то там про «свет» и «жизнь», и слева от нас зажигается длинный ряд свечей.

Выглядит отпадно, такого я еще не видела. Чем дольше я узнаю о способностях своей двоюродной сестры, тем сильнее восхищаюсь ею. Но когда мои глаза привыкают к мягкому свету и моему взору предстает то, что нас окружает, я не могу не ухмыльнуться.

Потому что, *разумеется*, потайной ход Мэйси несколько не похож на те потайные ходы, о которых пишут в ужасниках. Здесь не пахнет плесенью, ход не так чтобы очень узок, и он определенно *не* наводит жуть. Скорее, наоборот. И он нереально крут.

Как и в подземных темницах, стены здесь сложены из больших черных шершавых камней, но среди них красуются расположенные в случайном порядке драгоценные и полудрагоценные камни всех цветов радуги. Полированный розовый кварц блестит рядом с ярко-синими аквамаринами, над великолепным прямоугольным лунным камнем сияет крупный золотистый цитрин.

И их тут много. Ими усеяны все стены. Изумруды и опалы, солнечные камни и турмалины... Они все не кончаются. Как и этот потайной ход.

Кто мог создать этот потайной коридор, полный самоцветов? Я помню, что драконы славятся своей любовью к накоплению сокровищ, но тут это хобби поднято на совершенно новый уровень.

Тут также полно стикеров, как и в здешней библиотеке. Больших, маленьких, цветных и черно-белых. Может, декор библиотеки, который так мне понравился, – это тоже дело рук Мэйси? Или у них со здешней библиотекаршей, Амкой, одинаковые вкусы?

Как-нибудь в другой раз – если меня не выпрут из Кэтмира и не посадят в тюрьму для сверхъестественных существ за покушение на убийство – я хочу вернуться сюда и прочесть тут каждый стикер. Сейчас же, продвигаясь все дальше и дальше, я довольствуюсь прочтением только тех из них, которые находятся на уровне моего лица.

«Я ангел, честно. Просто на метле реально быстрее» – на наклейке остроконечная ведьминская шляпа и метла.

«Karma's a Witch»³ с хрустальным шаром на заднем плане.

«Я только что сделала тест ДНК. Оказывается, я стопроцентная ведьма!» — на фоне цветы и шалфей.

Я смеюсь, и Мэйси улыбается, взяв меня за руку.

– Все будет хорошо, Грейс, – говорит она, когда коридор делает поворот. – Папа во всем разберется.

---

² Игра слов с отсылкой к распространенной английской фразе «Karma is a bitch», которую можно перевести как «судьба-злодейка».

³ Карма – это ведьма (*англ.*).

– Очень на это надеюсь, – отвечаю я, потому что одно дело быть горгульей, и совсем другое – свирепым чудовищем, которое в аффекте набрасывается на людей и пытается их убить, притом таким образом, что из них вытекает чуть ли не вся кровь.

И я впервые начинаю по-настоящему гадать: а что, если Хадсон и вправду мертв? И если это так, то, может быть, его все-таки убила я? Все абсолютно уверены, что я бы не вернулась в Кэтмир, если бы считала, что Хадсон по-прежнему опасен, а потому пока что я исходила из предположения о том, что я либо заперла его в некоем пространстве между мирами, выбраться из которого ему не под силу, либо он смог освободиться, и я вернулась, чтобы помочь найти его.

Но если я способна выкачать из жоака человековолков половину крови, не зная, как сотворила такое, – хотя я не представляю себе, как это возможно, – то почему бы не предположить, что я сделала то же самое с тем, кто пытался убить моего суженого?

Не потому ли я ничего не помню о последних четырех месяцах моей жизни? Может, поняв, что я стала убийцей, я получила такую психологическую травму, что мое сознание заблокировало эту информацию? А теперь снова блокирует нечто подобное?

Мэйси ведет меня по еще одному длинному коридору, затем по узкой винтовой лестнице и наконец шепчет:

– Мы уже почти пришли.

Фантастика.

«Почти пришли» означает, что настало время ответить за то, что случилось с Коулом.

«Почти пришли» означает, что настало время выяснить, действительно ли я стала чудовищем, как опасаясь.

«Почти пришли» означает, что все вот-вот полетит в тартарары.

– Ну все, мы на месте, – говорит Мэйси, когда мы наконец останавливаемся перед дверью, покрытой полосами всех цветов радуги. – Ты готова?

– Нет. Совсем не готова, – отвечаю я, махнув рукой.

– Я знаю. – Она на несколько секунд обнимает меня, затем отстраняется. – Но все равно соберись. Пора наконец выяснить, что происходит.

Она берет за ручку двери и изображает на лице улыбку.

– Да ладно, ведь хуже уже не будет, верно?

Я не знаю, что ей ответить, и это, наверное, хорошо, поскольку в следующую секунду она распахивает дверь – и я лицом к лицу сталкиваюсь с Джексоном и дядей Финном.

Глава 21. Держи своих врагов близко, если только у них не идет кровь

Джексон поворачивается ко мне и хмурит брови.

– Что ты здесь делаешь, Грейс? Я же сказал тебе, где я, чтобы ты не волновалась. У меня все под контролем.

– Не все. – Я качаю головой, пытаюсь придумать, как объяснить, в каком виде я проснулась сегодня.

– Да ладно. – У него делается немного неуверенный вид. – Это не я ранил Коула, и Фостер это знает.

– Я знаю, что это не ты. – Я делаю глубокий вдох. – Потому что я почти уверена, что это сделала я.

Несколько долгих секунд ни Джексон, ни мой дядя ничего не говорят. Они просто смотрят на меня, словно проигрывая мои слова в мозгу и пытаюсь уразуметь их смысл. Но чем дольше они молчат, тем большая растерянность проступает на их лицах – и тем больше напрягаюсь я.

Поэтому я не жду, что они скажут, и вместо этого рассказываю им все, начав с моего похода в изостудию и закончив пропитанной кровью одеждой, которую я достаю из пакета и отдаю дяде Финну.

Видно, что ему не очень-то приятно ее трогать, но кому это вообще может быть приятно? Особенно теперь, когда я выложила на его массивный письменный стол проблему таких колоссальных масштабов.

– Ты в порядке? – спрашивает Джексон, как только я заканчиваю говорить. – А ты уверена, что он тебе ничего не сделал? Что он тебя не укусил?

Его голос так напряжен, в нем звучит такая тревога, что я застываю.

– А что? Что было бы, если бы он укусил меня? Я же не превратилась бы в оборотня или человековолка, не так ли? – Потому что тогда я окажусь в полной жопе.

Горгулья-човековолк? Горгульеволк? Волкогоргулья? Ну нет, я совсем, совсем не хочу быть ни тем, ни другим.

– Нет, – отвечает дядя Финн, явно желая успокоить меня. – Это происходит не так. Ты не превратишься ни в оборотня, ни в человековолка.

– Если это происходит не так, то как? И, раз уж об этом зашла речь, то как я вообще могла победить Коула? Это же невероятно. И почему я этого не помню? И как я могла лечь в кровать залитая кровью, даже не заметив ее?

Дядя Финн вздыхает и запускает пальцы в свои рыжеватые волосы.

– Не знаю.

Я смотрю на него, не веря своим ушам.

– Ты директор школы, в которой полно сверхъестественных существ. Так неужели «не знаю» – это лучший ответ, какой у тебя есть?

– Дело в том, что прежде я никогда такого не наблюдал. Должен сказать, что вся эта история с горгульей для нас такое же открытие, как и для тебя. Разумеется, пока тебя не было, мы старались выяснить все, что только можно, но все равно многого не знаем.

– Еще бы. – Нет, я не собираюсь язвить, правда. Я знаю – он просто хочет помочь. Но что же мне делать? Не могу же я вот так кидаться на людей. Отмазки с провалами в памяти надолго не хватит – для меня самой она не катит уже сейчас.

Между нами встает Мэйси.

– Так что же нам делать, папа? Чтобы не дать этому случиться опять?

Я обхватываю себя руками.

– Ты же не вызовешь полицию, да? Я не хотела причинять ему вред. И, честное слово, до сих пор не понимаю, как мне это вообще удалось. Он...

– Никто здесь не собирается вызывать полицию, Грейс, – твердо говорит Джексон. – Так тут дела не делаются. К тому же ты вообще не можешь отвечать за то, что сделала в бессознательном состоянии. Верно, Фостер?

– Конечно. То есть нам, разумеется, придется взять тебя под наблюдение, чтобы это не повторилось. Нельзя же допустить, чтобы ты нападала на других учеников.

– Даже если они это заслужили, – вставляет Мэйси. – Я понимаю, что так нельзя, но после того, что Коул сделал с Грейс в прошлом семестре, мне трудно относиться к нему с сочувствием.

Джексон фыркает.

– Мне следовало прикончить его, когда у меня была такая возможность. Тогда этого бы не произошло.

– Нет, не следовало, – возражаю я. – Ужасно говорить такие вещи.

– Да, ужасно, – соглашается Мэйси, – но так оно и есть.

Я бросаю на нее полный досады взгляд, но она только пожимает плечами, словно говоря: *А чего ты ожидала?*

Не получив помощи ни у нее, ни у Джексона, я поворачиваюсь к моему дяде.

– А как Коул? Он поправится?

– Да, с ним все будет хорошо. Сегодня утром ему сделали пару переливаний крови, и он, вероятно, полежит сегодня в лазарете, но завтра уже будет здоров. Этим сверхъестественные существа и хороши – мы быстро приходим в норму, особенно с помощью наших целителей.

– Слава богу. – Я прислоняюсь к Джексону, ощущая облегчение.

Одно дело – защищаться от Лии, когда она пыталась меня убить, и совсем другое – намеренно напасть на Коула безо всяких причин. Наверняка так считает и Коул.

– А сам он что-нибудь сказал? – спрашиваю я, продолжая радоваться тому, что я не нанесла ему непоправимых повреждений. – Он же не может не знать, что на него напала я, разве не так?

– Он уверяет, что не знает, – отвечает мой дядя. – Что может быть правдой, а может и не быть.

– Вранье, – твердо говорит Джексон.

– Точно мы этого не знаем, – напоминает ему дядя Финн. – И если он, по его утверждению, не знает, что на него напала именно Грейс, то и я никому ничего не скажу. Во всяком случае, до того, как мы поймем, что с ней происходит.

– Он знает, – возражает Джексон. – Просто не хочет об этом говорить, потому что тогда ему придется признать перед всей школой, что его победила девчонка.

– Эй! – Я смотрю на Джексона и делаю недовольное лицо.

– Так считает он, а не я, – уточняет Джексон, поцеловав меня в макушку. – Я видел, что ты сделала с Лией – и с Хадсоном. Так что сам я не стал бы тебя злить. Но Коул так не думает. Он не может так думать. Потому что если вожак человековолков признает, что его кто-то как следует отделал – кто угодно, – когда он был в сознании, то он может сразу же удалиться на покой. Потому что весь следующий месяц ему придется драться с каждым человековолком в стае, который решит, что он может попытаться сам стать вожаком. – Джексон смотрит на моего дядю. – Верно, Фостер?

Дядя Финн неохотно кивает.

– Верно. После того, что у него было с Джексоном в ноябре... ему надо быть очень осторожным.

– А значит, тебе тоже надо быть осторожной, Грейс. – Мэйси подает голос впервые за последние несколько минут. – Ведь если он знает, что это была ты... что это ты угрожаешь всему тому, чего он добился, то он будет стараться добраться до тебя. Он не станет делать это открыто, поскольку тогда Джексон просто распотрошил бы его, но он что-нибудь придумает. Такой уж он тип.

– Трус, – презрительно бросает Джексон.

Дядя Финн смотрит мне в глаза.

– Но это только делает его еще более опасным, Грейс. Потому что он – это не я. Он хитер и вероломен, и он умеет выжидать. Я мог бы с ним поговорить, но, если я это сделаю, он поймет, что ты рассказала мне правду. И начнет гадать, кто еще это знает. И как скоро вся эта история выйдет ему боком.

– Ты правда думаешь, что он попытается что-то предпринять? – спрашиваю я, глядя то на Джексона, то на моего дядю.

– Нет, если он хотя бы вполовину так умен, как считает Фостер, – говорит Джексон. Но взгляд его говорит об ином.

– О, он наверняка что-нибудь предпримет, – не соглашается дядя Финн. – Вопрос состоит только в одном – когда.

Я не знаю, что можно на это сказать, не знаю даже, что я должна чувствовать. Разве что усталость. Огромную усталость.

Я только-только справилась с одной маньячкой, пытавшейся меня убить, а теперь ей на смену пришел еще один маньяк. То есть да, кажется, я что-то сделала, чтобы спровоцировать его, но, с другой стороны, это кажется мне бессмысленным. С какой стати моей горгулье было пытаться убить Коула, когда у меня самой не было для этого никаких причин? Я хочу сказать, что я стараюсь не думать о том, что происходило в прошлом семестре, я выкинула это из головы. Во всяком случае, так мне казалось. Все это очень, очень пугает.

Когда же эта моя новая жизнь станет нормальной? Когда она перестанет быть так похожей на «Голодные игры» и начнет больше напоминать то, что бывает в обычной старшей школе? У меня начинает болеть запястье, я тру его и тут осознаю, что потираю шрамы, оставшиеся от веревок Лии. И что Джексон, Мэйси и мой дядя видят, что я делаю.

Я опускаю руку, но уже слишком поздно. Джексон обнимает меня сзади, кладет свои руки на мои, и его большой палец нежно гладит мое запястье.

– Он уже доказал, что ради достижения своих целей он готов убивать, – говорит Мэйси после неловкого молчания, от которого мне становится еще хуже. – А это было до того, как на кон была поставлена его репутация. Теперь же он может потерять то, что для него важнее всего. Да, он попытается что-то предпринять. Мы должны быть к этому готовы.

– Мы *будем* готовы, – отвечает Джексон, не переставая смотреть мне в глаза. – Если он и впрямь попытается тебя убить, то я...

– Предоставьте это мне, – перебивает мой дядя. – Я дал ему еще один шанс после всего, что случилось с тобой, поскольку учел смягчающие обстоятельства. Но если он начнет опять, ему конец.

– А как насчет меня? – спрашиваю я наконец, чувствуя, что у меня раскалывается голова.

– Что насчет тебя? – отвечает он.

– Эту проблему вызвала я. Это я попыталась убить Коула без всяких видимых причин. Ты сказал, что, если он откроет охоту на меня, ты его исключишь. А как насчет того, что сделала я? Что будет со мной?

Глава 22. Мое любимое слово на букву «с» – это «семья»

– Ничего, – сжав зубы, говорит Джексон. – С тобой не произойдет ничего. Это не твоя вина.

– Этого мы не знаем. – Я высвобождаюсь из его объятий. – Мы понятия не имеем, почему я напала на Коула.

– Да, мы этого не знаем, – соглашается дядя Финн. – И никто ничего не сделает, пока мы не поймем, что именно с тобой происходит.

Он обнимает меня за плечи и ободряюще сжимает их.

– Я не имею привычки исключать учеников, которые еще не вполне овладели своей магической силой и из-за этого становятся источником проблем. Или тех, кто использует свою магическую силу не лучшим образом, если у них есть на то причины. Именно поэтому Флинт все еще здесь, несмотря на все, что произошло в прошлом семестре. И Джексон тоже. И именно поэтому Кэтмир имеет лучших врачей. Это нужно для того, чтобы, если ошибки происходят, их можно было исправить.

– Мы не знаем, было ли это ошибкой...

– Ты хотела напасть на Коула, когда выходила из своей комнаты?

– Нет.

– Ты составляла план, имеющий целью ранить его или убить, пока тебя не было в твоей комнате?

– Конечно, нет. – Я замолкаю и задумываюсь. – То есть я не *помню*, чтобы делала что-нибудь такое.

– Что ж, тогда я буду исходить из предположения о том, что инцидент с Коулом был чем-то вроде случайного косяка, произошедшего, когда ты использовала свою новообетенную магическую силу. И относиться к нему мы будем именно так. Я уже позвонил паре экспертов по горгульям, которые консультировали нас по твоему случаю, в надежде, что они смогут дать мне какие-то советы относительно твоих провалов в памяти. Но после этого инцидента я попробую уговорить одного из них прибыть в Кэтмир уже на этой неделе и поработать с тобой. – Он ободряюще улыбается. – Обещаю тебе, Грейс, мы во всем разберемся.

Я чувствую подступившие к глазам слезы, вызванные этим новым доказательством того, что дядя Финн с самого начала прикрывал меня, делая все возможное, чтобы отыскать наилучший способ мне помочь.

Нет, это не то же самое, как если бы я вернула себе родителей – их мне не заменит никто, – но это хоть какой-то луч света в навалившей на меня тьме. И это куда лучше, чем то сиротливое чувство, которое владело мною, когда я прибыла в Кэтмир четыре месяца назад.

– Спасибо, – бормочу я, когда мне наконец удастся выдавить из себя что-то, несмотря на огромный ком, застрявший у меня в горле. – Я так вам всем благодарна. Не знаю, что бы я делала без вас.

– Вот и хорошо, раз уж тебе все равно никуда от нас не деться, – резюмирует Мэйси, обняв меня как раз в тот момент, когда звенит предупредительный звонок на первый урок.

– Да, я от вас никуда, – отвечаю я, тоже обняв ее.

– Ладно, ладно, – говорит дядя Финн, и, хотя я могу ошибаться, мне кажется, что у него тоже стоит ком в горле. – Идите на уроки. И ради всего святого, постарайтесь не попасть в неприятности.

– А какой в этом кайф? – шепчет Джексон мне на ухо, выводя меня в коридор. На сей раз мы выходим через нормальную дверь, а не через потайной ход.

– Кайф в том, что мне больше не придется просыпаться в крови какого-нибудь человека, – отвечаю я, и по моему телу пробегает дрожь. – А это выигрыш для всех, тебе так не кажется?

– По-моему, ты забываешь, что говоришь с вампиром, – прикалывается он, все так же говоря в самое мое ухо, так что всю меня охватывает сладкий трепет. Я прислоняюсь к нему, и несколько мгновений мы просто упиваемся соприкосновением наших тел.

Но затем он шевелится, наклоняется, будто для того, чтобы поцеловать меня, и я опять застываю. И опять пытаюсь скрыть это, но Джексон замечает – еще бы. Сколько же времени понадобится моей горгулье, чтобы принять тот факт, что ее парой является вампир? И почему ей вообще могут не нравиться вампиры?

На этот раз я не пытаюсь придумать отговорку, а просто уныло улыбаюсь и одними губами произношу: *Прости меня*. Он не отвечает, а только качает головой, словно говоря: «Не бери в голову». Но я вижу, что это задевает его, хотя он сразу же поднимает голову и целует меня в лоб.

– Можно, я провожу тебя на твой урок? – спрашивает он, отстранившись.

– Само собой. – Я обвиваю рукой его талию и изо всех сил сжимаю ее, затем иду в толпе учеников ярко-розовые волосы Мэйси. Мне совсем не хочется, чтобы она почувствовала себя лишней.

Но она, как всегда, уже успела пройти вперед и занята оживленной беседой с Гвен и еще одной ведьмой по пути на уроки.

Мы с Джексоном тоже идем, я беру его за руку и переплетаю его пальцы с моими. Пусть я не могу поцеловать его, но это вовсе не значит, что я не люблю его. Это не значит, что я не хочу быть с ним.

Джексон ничего не говорит, но и не возражает. И, когда я смотрю на него, до меня доходит, что сейчас на его лице играет донельзя глупая улыбка. Из-за меня.

Я та самая девушка, из-за которой принц вампиров Джексон Вега становится глуповато-смешным. Не стану врать, это приятное чувство.

– Так куда же мне тебя проводить? – осведомляется Джексон, когда мы выходим в другой коридор.

– Не знаю. Меня вдруг перевели с базового курса химии на физику полетов, и я не понимаю почему.

– В самом деле не понимаешь? – Джексон поднимает одну бровь, глядя на меня с задорным блеском в глазах.

– Нет, не понимаю. – Я пожимаю плечами. – А ты?

– Точно не скажу, но думаю, это как-то связано с теми большими, красивыми крыльями, которыми обладает твое альтер эго.

– Мое альтер... Ооооо. – У меня округляются глаза. – Ты хочешь сказать, что физика полетов имеет отношение к способности летать?

– Да. – Он удивленно смотрит на меня. – А о чем подумала ты?

– Ну, не знаю. Наверное, о самолетах. Поэтому-то я так и недоумевала.

– Нет, Грейс, в Кэтмире на уроках по предметам, имеющим отношение к полетам, *действительно* учат летать.

– Я просто... Это же... То есть... – В конце концов, я просто качаю головой. Что тут можно сказать? И что мне с этим делать?

– Вообще-то крылья – это необходимое предварительное условие для того, чтобы летать, – замечает Джексон, когда мы делаем еще один поворот. – Как и умение пользоваться ими.

– Да ну? – Теперь уже я поднимаю бровь. – А разве *ты сам* не летаешь без них?

Он смеется.

– Да, кстати, у меня для тебя есть новая шутка.

– Новая шутка? – Я расплываюсь в улыбке. – Класс. Давай, жарь.

Он смотрит на меня так страстно, что становится ясно, в каком смысле ему хочется «жарить», и что это не имеет ничего общего с теми дурацкими шутками, которые люблю я.

Какой-то части меня хочется отвести взгляд, ей неловко от интимности этого момента. Но это было бы нечестно по отношению к нему – по отношению к нам обоим, – так что я продолжаю смотреть ему в глаза, хотя и чувствую, как меня затопляют одновременно и жаркое смущение и волна неуверенности в себе.

Несколько мгновений мне кажется, что сейчас Джексон отдастся тем же чувствам, которые сама я даже не пытаюсь скрыть, ибо его похожие на полночное небо глаза становятся беззвездно черными, челюсть напрягается.

Но затем момент проходит, и я вижу, что он сделал выбор не в пользу этих чувств. Не знаю, что я сейчас испытываю: облегчение или разочарование. Возможно, понемногу и того и другого. Но когда Джексон подчеркнуто отступает назад, я не могу не признать, что так будет честнее – для нас обоих.

– Шутка такая. – Он ухмыляется. – Зачем просить подаяние у горгульи?

– Ого, шутка про горгулью? Уже?

Он смеется.

– А что, слишком быстро?

Он выглядит сейчас таким довольным, что я ни в чем не смогла бы ему отказать.

– Да нет, давай. Так зачем просить подаяние у горгульи?

– Затем, чтобы приучить себя к отказам.

– О боже. Жуть.

Он ухмыляется.

– Знаю. Хочешь еще одну?

– Не знаю, выдержи ли я еще одну. – В моем голосе звучит скепсис.

– Выдержишь. – Он сжимает мою руку. – Почему горгулью нельзя задолбать?

– Я не хочу это знать.

– Потому что она и так долбаный камень.

– О господи. – Я строю рожу. – Это было ужасно.

– Да уж.

– Тебе явно нравятся подобные шутки. Я создала чудовище, – дразню я его, одновременно изображая на лице ужас и прижимаясь к нему.

Но глаза Джексона мрачнеют, и из них уходит весь смех.

– Я всегда был чудовищем, Грейс. Это ты сделала меня еще и человеком.

Внутри у меня все обрывается. Потому что в то время, как Джексон становится все более человечным... меня мучает страх, что настоящим чудовищем Кэтмира становлюсь я сама.

Глава 23. К такому мультики меня не готовили

Слова Джексона остаются со мной весь день, трогая меня всякий раз, когда я их вспоминаю. Когда думаю о нем. Все это укрепляет мою решимость найти способ снова быть вместе с ним – во всем.

Поэтому я решаю пропустить обед – тем более что и Мэйси, и Джексон собирались вместо обеда пойти на самостоятельные групповые занятия – и направляюсь напрямик в библиотеку, где у меня будет пара часов на то, чтобы без помех почитать про горгулий.

Про меня саму.

Это мне совершенно необходимо, поскольку мои знания о них весьма ограничены. А когда я погуглила горгулий накануне, то получила только собрание текстов по архитектуре, и это в то время, когда мне нужно выяснить, почему я могу быть склонна к кровопролитию и амнезии.

Возможно, мне следовало бы договориться о встрече с мистером Дэймасеном и послушать, какой информацией о горгулях владеет он, поскольку мне совсем ни к чему читать многостраничные рассуждения о том, какие это хорошие водостоки.

Вообще-то, прибыв сюда, я мало что знала и про вампиров, драконов и ведьм, но о них у меня имелось хоть какое-то представление – хотя Джексон, Мэйси и Флинт все равно несколько раз взрывали мне мозг.

Но горгульи? Про них у меня в голове вообще ничего нет. Только подозрение, что им не очень-то нравятся вампиры.

Так что мои знания обо *мне самой* в основном сводятся к сведениям о соборе Парижской Богородицы, почерпнутым на уроках изобразительного искусства, и к тому, что я запомнила из мультсериала «Горгульи», который не раз смотрела, когда была маленькой девочкой. Мама всегда немного волновалась, когда заставляла меня за просмотром этого мультика... Может, это потому, что они с отцом знали, кто я.

Это ужасно – подозревать, что мои родители всю жизнь скрывали от меня, кто я на самом деле, и я пытаюсь выбросить эту мысль из головы. Скверно сознавать, что я – горгулья. А догадываться, что мои родители еще и не подготовили меня к этому открытию, – это вообще жуть. Это непростительно.

Вернее, было бы непростительно, если бы они были живы. Но теперь, когда они мертвы... не знаю. Это тоже надо положить в папку под названием «Дерьмо, которое необязательно разгребать сейчас». Потому что от размышлений на эту тему явно не будет никакого толку.

И вместо этого я приклеиваю к лицу веселую улыбку – хотя мне сейчас совсем не до веселья – и иду напрямик к столу библиотекаря. К счастью, Амка на месте, и она улыбается мне так же широко, как я улыбаюсь ей – но ее улыбка, похоже, искренна, что мило с ее стороны.

– Грейс! Как хорошо, что ты вернулась. – Она сжимает мою руку. – Как ты?

Я хочу ответить как положено: «*Спасибо, хорошо*», – но теплота и участие в ее глазах пронимают меня, хотя я этого и не хочу. Так что вместо того, чтобы соврать, я просто пожимаю плечами и говорю:

– Да вот, пришла сюда. – Эти слова не могут вполне выразить моих чувств, но, в общем, достаточно близко передают их суть.

В ее улыбке отражается сочувствие.

– Да, ты пришла. И я этому рада.

И все встает на свои места.

– Я тоже. – Я наконец вспоминаю про правила хорошего тона. – А как дела у тебя?

– Хорошо. Вот, готовлю библиотеку к турниру Лударес⁴. Командам нравится собираться здесь, чтобы выработать стратегию.

– Турнир Лударес? А что это такое? Это все для него, да? – Я показываю на стол, стоящий теперь в центре библиотечного зала. Я особо не рассматривала его, когда шла сюда, решив сделать это потом, когда решу отдохнуть от моих изысканий. Судя по всему, разложенные на нем предметы имеют отношение к магии.

– Первоначально этот турнир был Испытанием, предназначенным для выявления претендентов на освободившиеся места в Круге – так называется орган управления для сверхъестественных существ – но... поскольку среди наших уже тысячу лет никто не умирал, в нем давно не было вакансий. Так что теперь это просто спортивное состязание.

Разумеется, когда турнир Лударес еще был Испытанием, он был намного опаснее, чем теперь – и все в нем было направлено против претендента, препятствовало его успеху. Теперь же он служит для развлечения, а также для развития межвидовых связей, поскольку команды состоят из представителей всех четырех кланов, к которым принадлежат здешние ученики.

– А как проходит этот турнир?

– Если тебе это расскажу я, ты мне не поверишь. Чтобы понять, как это бывает, тебе надо будет выяснить это самой.

– Класс. Мне не терпится на это посмотреть.

– Посмотреть? – Амка смеется. – Тебе надо будет участвовать в этом турнире.

– Мне? – Я ошеломлена. – Как это? Не могу же я состязаться с кучей вампиров и драконов. Что мне вообще там делать? Обратиться в камень? Вряд ли в состязании от этого может быть какой-то толк.

– Не будь такой пессимисткой. Горгульи способны на куда большее, чем превращение в камень, Грейс.

– В самом деле? – радуюсь я. – А что они умеют?

– Очень скоро ты поймешь это сама.

Я немного раздражена – мне не нравится такой ответ, – и мои плечи разочарованно опускаются, но тут она поворачивается и показывает мне на один из массивных деревянных столов, стоящих в углу. Там высятся стопки книг – наверное, штук сорок – плюс ноутбук, поставленный перед креслом с разноцветной обивкой.

– Я достала с полки все имеющиеся у нас книги про горгулий. В стопках справа и слева от ноутбука сложены те из них, с которых, по моему мнению, тебе надо начать – они дадут тебе общее представление о предмете. В тех стопках, которые стоят за ноутбуком, содержатся подробности, необходимые для более глубокого изучения темы – они помогут тебе найти ответы на более конкретные вопросы, которые, возможно, возникнут у тебя по ходу дела. А сам ноутбук уже подключен к трем самым информативным и популярным магическим базам данных в мире. Если у тебя будут вопросы относительно того, как пользоваться ими для поиска нужной информации, дай мне знать. Но вообще-то там все достаточно прозрачно. И думаю, ты все поймешь.

Хотя я и не из тех, кто чуть что плачет – и никогда не была плаксой, – я в который раз за сегодняшний день чувствую, что к горлу моему подкатил ком. Мне это неприятно, но я ничего не могу с собой поделать. В голове царит хаос, и когда я думаю о том, сколько человек поддерживают меня... это слегка ошарашивает.

А может, и не слегка – я еще не решила.

– Спасибо, – благодарю ее я, когда мое горло наконец достаточно расслабляется, чтобы начать говорить. – Я... я очень тебе благодарна.

---

⁴ От *lat. ludare* – играть.

– О чем речь, Грейс. Обращайся. – Она улыбается. – Мы, библиофилы, должны поддерживать друг друга.

Я улыбаюсь ей в ответ.

– Это точно.

– Хорошо. – Она поворачивается к маленькому, обклеенному стикерами холодильнику, стоящему у нее за спиной, достает из него банку минеральной воды с лимоном «La Croix» и банку «Доктора Пеппера» и протягивает их мне. – Поиск данных вызывает жажду.

– Ничего себе. – Я беру у нее банки, заметив вдруг, что у меня дрожат руки. – Огромное спасибо. Я просто не знаю, что сказать.

– Не говори ничего. Просто начинай работать. – Она подмигивает мне.

– Да, мэ. – Я улыбаюсь ей опять и иду к столу в углу.

Мне не терпится добраться до этих книг, но сначала надо освоиться. Я достаю блокнот, предназначенный специально для моих изысканий, и мои любимые ручки.

Вставив в уши наушники, я врубаю свой любимый плейлист, после чего достаю пакетик «M&M's», купленный в автомате в комнате отдыха для учеников. Затем устраиваюсь в кресле, которое кажется мне самым удобным на земле... и наконец беру одну из книг.

Надеюсь, что в ней найдутся ответы, которые я хочу получить. А еще мне не помешало бы какое-нибудь действенное заклинание, восстанавливающее память.

Глава 24. Пожги немного благовоний

– Гре-ейс. Давай, просыпайся. – Сквозь окутывающую меня туманную пелену сна проникает какой-то знакомый голос. – Давай, Грейс. Вставай. – Кто-то похлопывает меня по плечу.

Я провожу рукой по лицу. Затем поворачиваюсь на бок и сворачиваюсь в клубок.

– Я не знаю, что делать. – На сей раз я уже достаточно пришла в себя, чтобы понять, что это голос Мэйси, хотя я не знаю, с кем она говорит и о чем. И не хочу знать. Я так устала и хочу только одного – спать.

– Давай, попробую я. – На сей раз это голос дяди Финна – он наклоняется надо мной и говорит: – Грейс, проснись. Открой глаза. Давай.

Я игнорирую его, подтянув колени ближе к груди, а когда он гладит меня по макушке, издаю стон и пытаюсь закрыть лицо подушкой. Но подушки под моей головой нет, как нет и одеяла, чтобы спрятаться под ним.

Я уже настолько пришла в себя, что почти что понимаю странность их отсутствия – почти, – и когда кто-то трясет меня за плечо, умудряюсь немного разлепить глаза и вижу Мэйси, моего дядю и Амку, глядящих на меня с тревогой.

Я понятия не имею, что в нашей комнате делают дядя Финн или Амка, и мне все равно. Мне сейчас хочется только одного: чтобы они ушли и я смогла снова заснуть.

– Ну вот, Грейс, наконец-то ты проснулась, – говорит мой дядя. – Ты можешь сесть? Давай, посмотри на нас, дай нам заглянуть тебе в глаза. Давай, Грейс. Приходи в себя.

– Я устала, – хнычу я, зная, что потом мне будет за это стыдно. – Я просто хочу... – Я замолкаю, почувствовав боль. У меня так пересохло в горле, что каждое слово, точно бритва, царапает мою гортань.

Черт бы побрал все утра. Черт бы побрал эти визиты с целью разбудить меня.

Я снова закрываю глаза, желая погрузиться в сон, но, похоже, с дяди довольно фокусов. Он начинает осторожно трясти меня за плечо, так что теперь я не могу даже спокойно свернуться в клубок.

– Давай, Грейс. – Его голос звучит тверже и жестче, чем когда-либо прежде. – Возьми же себя в руки. Давай.

Я тяжело вздыхаю, но наконец ухитряюсь повернуться к нему лицом.

– В чем дело? – сиплю я, заставив себя заговорить и сглотнуть, несмотря на боль. – Чего ты хочешь?

Я слышу, как открывается дверь, затем звук быстрых шагов.

– Что случилось? Она в порядке? Я пришел сразу, как только получил сообщение от Мэйси.

Голос Джексона наконец делает то, чего не смогли сделать ни уговоры, ни толчки. Я с трудом сажусь и на сей раз все-таки ухитряюсь полностью открыть глаза.

– Дайте мне воды, – прошу я, произнося слова пересохшими по непонятной причине губами – ведь я же не бродила по Сахаре.

– Да, само собой. – Мэйси достает что-то из своего рюкзака и протягивает мне – это сосуд из нержавеющей стали с отвинченной крышкой. Я делаю большой глоток, затем еще два, и мое горло наконец-то приходит в норму.

Как и все остальное.

От холодной воды мозг начинает снова работать, и, утолив жажду, я поворачиваюсь к Джексону и смотрю на него сонными глазами.

– Что случилось? – спрашиваю я. – Почему вы все здесь, в нашей комнате с Мэйси?

Повисает странное молчание, и все четверо сначала переглядываются, затем уставляют на меня.

– Что? – опять вопрошаю я.

Мэйси вздыхает.

– Не хочу тебя расстраивать, Грейс, но это не наша комната.

– А чья? – спрашиваю я, оглядываясь по сторонам. И тут меня захлестывает паника, потому что я вижу, что Мэйси права. Это не наша комната. И не комната Джексона. И вообще не спальня, если только тот, кто обставил это помещение, не фанат «Scary Dungeons» от «R' Us»⁵.

– Где мы находимся? – спрашиваю я, вновь обретая дар речи.

Прежде чем Джексон или мои родные успевают что-то сказать, в разговор вступает Амка. Опустившись на корточки рядом со мной, – и тут до меня впервые доходит, что я сижу на полу, – она говорит:

– А ты как думаешь?

– Я не знаю. – Я опять оглядываюсь по сторонам, надеясь понять, где же я очутилась. Во мне нарастает возбуждение, потому что я не только не знаю, где я, но и понятия не имею, как я сюда попала.

Как же мне все это надоело.

Последнее, что я помню, – это как я уселась в библиотеке, чтобы начать работу, с газировкой и пакетом «M&M's». А после этого... ничего. Провал. Опять.

– Кто-то пострадал? – спрашиваю я, охваченная паникой. – Я сделала это опять? Я на кого-то напала?

– Нет, Грейс. Все хорошо. – Амка кладет руку мне на плечо, пытаюсь успокоить меня, но у нее ничего не выходит. Это только пугает меня еще больше, как и ее негромкий голос и успокаивающий тон.

– Не надо. Не успокаивай меня. – Я отшатываюсь от нее, вскакиваю на ноги и поворачиваюсь к Джексону. – Прошу – не лгите мне. Я кого-то поранила? Я...

– Нет! – Джексон говорит это куда более горячо и категорично и не отрывая своих глаз от моих. – Ты никому ничего не сделала, честное слово. Сейчас мы беспокоимся только о тебе.

– Почему? Что произошло? – Я верю Джексону, правда, верю, но память о том, как я проснулась сегодня утром, залитая кровью, все еще так свежа, что я не могу не опустить взгляд на мои руки и одежду, чтобы убедиться, что все в порядке. Просто на всякий случай.

Слава богу, крови нет. Но рукав моего блейзера разорван в клочья. Почему?

Теперь я куда лучше понимаю их тревогу. Они беспокоятся не о том, что я кого-то поранила – на сей раз они опасаются, что поранилась я сама.

Я подавляю страх, который взрывается внутри меня, как граната, и пытаюсь глубоко дышать. Я *должна* с этим разобраться. Хватит с меня и того, что я уже потеряла четыре месяца своей жизни непонятно на что. Нет уж, я не смирюсь с тем, что все это последовало за мной и сюда. Не допущу, чтобы это стало нормой.

– Где я? – повторяю я вопрос, потому что совершенно точно никогда прежде не бывала в комнате с хрустальным шаром – ни в Кэтмире, ни где бы то ни было еще. И определенно никогда не видела подобной коллекции свечей, ей позавидовали бы «Bath & Body Works»⁶ – если бы «Bath & Body Works» занимались продажей резных ритуальных свечей и имели в своем распоряжении столько благовоний, что они могли бы покрыть всю территорию Аляски.

– Ты в заклинательной башне, – отвечает Мэйси.

– В заклинательной башне? – А я и не подозревала, что существует такое место.

---

⁵ 'R' Us – Toys 'R' Us – обанкротившаяся в 2018 году американская компания, торговавшая игрушками, видеоиграми, одеждой для детей и другими товарами.

⁶ Американский интернет-магазин косметики и ароматов, продающий также ароматические свечи.

– Она находится в противоположном от моей башни конце замка, – добавляет Джексон, похоже, пытаясь помочь мне сориентироваться.

– А, понятно. Меньшая из башен на стороне, где расположены бельведеры. – Я запускаю дрожащую руку в кудри. – Я всегда думала, что в этой башне живет какой-то ученик.

– Нет. – Мэйси смотрит на меня с улыбкой, но глаза ее не улыбаются. – Целая башня тут есть только у твоего бойфренда. А здешняя принадлежит всем ведьмам и ведьмакам.

А, ну да, ведьмам и ведьмакам. Это что, должно меня успокоить? Ну уж нет, дудки – тем более что я только что поняла, что нахожусь в самом центре громадной пентаграммы.

И не просто пентаграммы, а такой, которая вписана в огромный магический круг.

О черт, нет. После того, что творила Лия, мне никогда не захочется быть объектом чьих-то чар. *Никогда.*

Я делаю несколько больших шагов назад – не потому, что мне хочется отойти от Джексона, или Мэйси, или от остальных, а потому, что мне надо убраться из этого чертова магического круга. Сейчас же.

Можете назвать это чрезмерной осторожностью, можете назвать это посттравматическим стрессовым расстройством, можете назвать это как угодно – мне все равно. Я больше ни секунды не проведу внутри магического круга в окружении красных и черных свечей.

Благодарю покорно.

Остальные следуют за мной – а куда им деваться? Каждый из них делает один шаг вперед на каждый мой шаг назад. На лицах моего дяди и Амки написана тревога, на лице Мэйси – любопытство, а Джексон... На лице Джексона играет невеселая улыбка, говорящая мне о том, что он понимает, что именно так пугает меня. Но он тут единственный, кто был со мной в том подземелье.

И если вспомнить, что в тот день случилось с ним самим, удивительно, что он не бежит отсюда сломя голову. Видит бог, сейчас мне хочется сделать именно это.

– Грейс? Куда это ты? – спрашивает Мэйси.

– Я хочу выйти из... э-ээ... – Я с досадой замолкаю, осознав, что *все еще* нахожусь внутри этого чертова круга. – Какого размера эта штука?

– Круг занимает большую часть зала, – растерянно отвечает дядя Финн. – У нас тут много ведьм и ведьмаков, которым бывает необходимо поместиться внутри. А что?

До Мэйси, похоже, наконец-то доходит, что к чему.

– О, Грейс, сейчас здесь не проходит никаких ритуалов. И тебе ничто не может причинить вред. К тому же в этой башне мы вершим такое волшебство, которое никому не наносит урон. Тут нечего бояться.

– Разумеется. Я это понимаю. Я просто хочу... – Я большим пальцем тыкаю назад через плечо.

– Тебе станет легче, если мы уйдем отсюда? – осведомляется Амка.

Я смотрю на нее, испытывая облегчение.

– Еще как.

– Тогда пошли, – сразу же соглашается дядя Финн и жестом призывает всех выйти. – Тебе все равно надо пройти в библиотеку, чтобы увидеть кое-что.

– В библиотеку? – Ничего не понимаю. – Ты имеешь в виду книги по горгульям, которые для меня приготовила Амка? Я их уже видела и собираюсь их изучить.

– Нет, я толкую о другом. Мы поговорим об этом, когда доберемся туда.

Это звучит зловеще. Я хочу расспросить дядю Финна, но вид у него слишком уж мрачный, и мне становится страшно.

До приезда в Кэтмир я не могла себе представить, что мне может быть страшно войти в библиотеку. Впрочем, до приезда в Кэтмир я много чего не могла себе представить.

Глава 25. Провал за провалом

Как только мы выходим из заклинательного зала, Джексон останавливает меня, положив руку на мое запястье.

– В чем дело? – спрашиваю я, желая потратить как можно больше времени на путь в библиотеку, которая начинает вызывать у меня все больший и больший страх. – Тебе что-то нужно?

– Нет, не мне, а тебе.

Я жду разъяснений, но их нет. Он только склоняет голову набок – и прислушивается, как будто чего-то ждет. Минуту спустя передо мной уже стоит Мекай с большой черной курткой в руках – курткой Джексона.

Ухмыльнувшись и отвесив поклон, он протягивает куртку мне так церемонно, будто я королева.

– Возьми, моя госпожа.

И впервые после того, как я очнулась внутри огромного магического круга, мне начинает казаться, что все еще может закончиться хорошо. В том, как Мекай ведет себя со мной, нет ничего странного. Он улыбается мне, как делает всегда. И я не могу не улыбнуться в ответ.

Я приседаю в реверансе и забираю куртку из его рук.

– Благодарю тебя, мой вассал.

– Потом вы расскажете мне все детали, но сейчас мне надо на урок. Пока, Грейс! – И он исчезает. Наверное, я никогда не привыкну к тому, как быстро могут передвигаться вампиры.

– Тебе вовсе необязательно было просить Мекаю делать это. – Я снимаю свой порванный блейзер и надеваю куртку Джексона, вдыхая его запах.

– Я знаю. – Он не сводит с меня глаз. – Но мне нравится заботиться о тебе.

У меня щемит сердце от этих слов и этого его взгляда. Хоть бы знать, как ответить на его заботу. Большая часть меня хочет прислониться к нему и поцеловать его в губы, но я также знаю, что моя горгулья не позволит мне это сделать, во всяком случае, пока – что чертовски раздражает.

Почему она позволила мне поцеловать его в тот первый раз, когда я только что вернулась, но затем делала так, чтобы я больше не подпускала его к себе? Это напрягает меня, и я могу себе представить, как это напрягает Джексона, хотя он ничего и не говорит. И, в конце концов, я делаю то единственное, что могу сделать, – смотрю ему в глаза, надеясь, что по моим глазам он поймет, как много значит для меня его забота.

– Пойдем, – говорит он наконец, и его голос звучит сипло, чего прежде за ним не водилось. Он протягивает мне руку.

Я беру ее, и мы начинаем вместе спускаться по винтовой лестнице.

– Тебе известно, что дядя Финн хочет показать мне в библиотеке? – спрашиваю я, когда мы спускаемся на нужный этаж.

– Нет. – Он качает головой. – Мэйси прислала мне отчаянное сообщение, в котором написала, что ты пропала, и мы – я, мои ребята, она и Финн – начали тебя искать. А потом они написали мне, что нашли тебя в этой башне. Больше я ничего не знаю.

– Ничего не понимаю, – говорю я, когда мы входим в коридор, в который выходит дверь библиотеки, и по спине у меня начинают бегать мурашки. – Я пришла в библиотеку, чтобы почитать о горгульях, около полудня, но я не помню, чтобы я что-то читала. Не помню вообще ничего после того, как села, чтобы начать работу.

– Сейчас пять часов вечера, Грейс.

– Но я была в библиотеке. А Амка знает, когда я ушла?

– Можно предположить, что да, но точно я не знаю. Она позвонила твоему дяде и Мэйси, но не мне. – Тон у него недовольный.

Похоже, по его мнению, его должны извещать обо всем, что имеет отношение ко мне. Что раздражает меня, ведь он мне не хозяин. Но тут я представляю себе, каково бы мне было, если бы что-то случилось с ним... Да, мне бы тоже хотелось, чтобы меня извещали.

Он открывает передо мной дверь библиотеки, мы заходим, и я вижу перед собой открытую стеклянную витрину. Похоже, что-то из того, что было выставлено в ней на лиловом бархате, исчезло.

– Ты хотел показать мне это? – спрашиваю я моего дядю. – Я не знаю, что тут произошло. Когда я была здесь, к этой витрине никто не подходил.

Если бы кто-то попытался похитить что-то из-под стекла, когда я была тут, я бы это заметила. Как и Амка. Ведь витрина стоит наискосок от меня и прямо перед столом библиотекаря.

– А что ты *помнишь* о том, что ты делала, когда была тут, Грейс? – Теперь вопросы мне задает уже Амка, а мой дядя слушает и молчит.

– По правде говоря, немного. Я помню наш разговор и как я села за стол, чтобы начать работать, но это все. А что, было что-то еще?

– Ты не помнишь, как работала?

– Нет. Я помню, как приготовилась начать работу, но не помню, как открывала книгу или делала какие-то заметки. А что, я это делала?

– Ты сделала очень подробные заметки. – Амка берет мой блокнот со своего стола и протягивает его мне.

Я листаю его и вижу, что она права. Блокнот уже наполовину исписан сведениями о горгульях, которых я совершенно не помню, но которые мне очень хочется прочесть.

– Я сделала все это за пять часов? – спрашиваю я, удивляясь подробности этих записей, поскольку обыкновенно я записываю только основные моменты, а в остальном полагаюсь на память (нынешняя ситуация, само собой, не в счет).

– Вообще-то ты сделала все это за полчаса. В час тридцать я на несколько минут закрыла библиотеку, чтобы сбегать в свой флигель за лекарством от вдруг напавшей на меня головной боли. Ты сказала, что у тебя все хорошо, но когда я вернулась, тебя тут не было. А Атаме⁷ Морригана был украден.

Меня пронзает ужас, потому что фрагменты начинают складываться в единую картину, и все становится очевидным.

– Вы думаете, это сделала я? Думаете, это я ukrала этот самый... – Я машу рукой.

– Атаме, – подсказывает Мэйси. – Это обоюдоострый ритуальный магический клинок. Этот атаме принадлежит нашей семье уже несколько веков.

Мне хочется возмутиться тем, что они подозревают меня. Но, по правде говоря, у них есть на это право. Тем более что я вообще не помню, что делала в то время, когда Амка ходила по своим делам.

– Мы вовсе не думаем, что ты ukrала его, – уверяет меня дядя Финн, говоря подчеркнуто успокаивающим тоном. – Но мы считаем, что внутри тебя происходит нечто такое, что заставляет тебя делать эти вещи, и мы хотим попытаться выяснить, что это, чтобы помочь тебе.

– А вы в этом уверены? – спрашиваю я, и мой голос звучит выше и громче, чем я того хочу. – Вы уверены, что это сделала я? – И дело не в том, что я в них сомневаюсь, просто я *не хочу* им верить. На что вообще способна эта горгулья, живущая внутри меня? И почему она использует меня, чтобы творить эти ужасные вещи?

Джексон обвивает рукой мою талию и, положив подбородок мне на плечо, шепчет:

– Все в порядке. У нас все под контролем.

---

⁷ Магический ритуальный нож.

Я рада, что он так думает, потому что у меня сейчас такое чувство, будто я полностью потеряла контроль.

– Поэтому мы и хотели, чтобы ты пришла сюда. Здесь мы можем еще раз посмотреть кадры видеосъемки, на сей раз вместе. И попытаться понять, что происходит на самом деле. – Мой дядя заходит за стол библиотекаря.

– Никто ни в чем не винит тебя, Грейс, – говорит Мэйси с ободряющей улыбкой. – Мы понимаем, что здесь что-то не так.

У меня подгибаются колени, когда я слышу слова «*кадры видеосъемки*» и вижу, как мрачно лицо моего дяди. Потому что, раз они уже просмотрели эти кадры, значит, им известно наверняка, что атаме украла я.

Это как удар под дых.

Я знаю, что это наивно, но, похоже, до сих пор у меня еще оставалась надежда. Надежда на то, что есть какое-то другое объяснение той крови на моей одежде. Надежда на то, что на Коула напала не я, а кто-то другой, а теперь еще и надежда на то, что кто-то другой украл этот самый атаме.

Потому что если все это сделала я, но ничего об этом не помню, то это так ужасно, что нет слов. Ужасно не только то, что я ничего не могу вспомнить, но и то, что в таком состоянии я совершенно не контролирую своих действий.

Я могла бы даже убить кого-нибудь и ничего об этом не знать.

Во мне нарастает паника, дыхание становится поверхностным и частым. Я досчитываю до десяти... потом до двадцати. Сердце мое бьется так быстро, что начинает кружиться голова. Я не свожу глаз с дяди, который возится с компьютером на столе библиотекаря, затем поворачивает монитор ко мне.

– Все в порядке, – повторяет Джексон, хотя это далеко не так. – Обещаю тебе, Грейс, мы во всем разберемся.

– Очень на это надеюсь, – отвечаю я, и мы все обращаем взгляды на монитор. – Потому что как долго это может продолжаться прежде, чем я попаду в тюрьму... или того хуже?

У меня падает сердце, когда я вижу на мониторе себя – делающую вещи, которых не помню.

Согласно времени, указанному внизу, я встала из-за стола, за которым читала и делала заметки, ровно в час тридцать, подошла к Амке и что-то ей сказала. Она кивнула со странным выражением на лице и через минуту встала. Но вместо того чтобы выйти, как она сказала ранее, она подошла к стеклянной витрине, в которой хранились атаме и несколько других ценных магических предметов, находившихся, по словам дяди, под действием защитного заклятия. А в 1:37 она как ни в чем не бывало открыла витрину, после чего ушла и не вернулась.

– Что это было? – спрашиваю я и смотрю то на Джексона, то на Амку, то на моего дядю. – Я что, использовала какой-то вид магии, доступный только горгульям?

Амка качает головой, и я вижу на мониторе, как беру атаме из витрины и, вытаскивая из нее руку, рву рукав моего блейзера.

– Я совершенно не помню, как отпирала эту витрину, – говорит она.

– Хадсон. – Джексон произносит это тихо, его тон полон ярости и, возможно... страха? Это неприятно поражает меня, потому что такого с Джексоном не бывает почти никогда.

– Что? – удивляется мой дядя. – При чем тут Хадсон?

– Он часто творил такое, когда мы с ним были детьми. Ему нужно поговорить с человеком напрямую, но он может убедить любого сделать что угодно, и для этого достаточно всего одного – его голоса.

– Творил что? – спрашиваю я, чувствуя, как страх запускает в меня свои когти. – Что творил Хадсон?

Джексон наконец отрывает взгляд от видео на мониторе.

– Он использовал свой дар убеждения, чтобы склонять людей делать то, чего ему хочется.

Глава 26. Владеешь, значит, имеешь

Слова Джексона повисают между нами и висят несколько секунд, их ужас становится осязаемым, и мое тело напрягается, мороз бежит по спине.

– Что это значит? – шепчу я наконец. – Хадсон здесь? Я привела его с собой? Он что, склоняет меня творить все эти вещи?

– Да, он определенно здесь, – соглашается дядя Финн. – И вопрос заключается только в том, что нам теперь делать.

– Но где же он? – спрашиваю я. – Почему мы не увидели его?

Я перевожу взгляд с унылого лица моего дяди на разъяренное лицо Джексона, затем вижу сочувствие, написанное на лице Амки, и огорчение, которое Мэйси пытается скрыть, но тщетно, и мне становится все тяжелее и тяжелее.

Потому что на меня всей своей тяжестью обрушивается правда.

– Нет, – говорю я, качая головой, мучимая одновременно паникой, отвращением и ужасом. – Нет, нет, нет. Не может быть.

– Грейс, все в порядке. – Джексон делает шаг вперед и кладет ладонь на мое предплечье.

– *Ничего* не в порядке! – Я почти что кричу на него. – Все ровно наоборот.

– Дыши, – говорит мой дядя. – Мы можем кое-что предпринять, чтобы попытаться это исправить.

– Чтобы попытаться это исправить? – переспрашиваю я со смехом, в котором слышу истеричные нотки. – Да ведь внутри меня живет чудовище. *Внутри*.

– Есть варианты, – нарочито спокойным тоном говорит Амка. – Есть несколько вариантов, которые мы можем испробовать прежде, чем начинать паниковать...

– Не хочу показаться грубой, Амка, но думаю, ты хочешь сказать: прежде чем *ты* начнешь паниковать. Потому что лично я уже паникую.

Паника душит меня, и, кажется, на сей раз мне уже не удастся избежать панической атаки. На этот раз меня не спас бы даже целый самосвал транквилизаторов. Потому что у меня уже сейчас вовсю кружится голова и бешено колотится сердце.

– Грейс, все в порядке. – Мэйси тянет ко мне руку, но я отступаю на шаг и скидываю ладонь жестом, как бы говорящим: *дайте мне секунду*.

К счастью, все так и делают. Собственно говоря, они дают мне больше секунды. И, в конце концов, включаются мои защитные механизмы, которые теперь уже так хорошо мне знакомы.

Я далеко не в порядке, более того, сейчас я даже не могу себе представить, каково это – быть в порядке, – но я давя в себе панику, запикиваю ее глубоко-глубоко и изо всех сил стараюсь сохранить ясность ума.

Мне надо подумать.

Мне надо придумать, что делать.

То есть не мне, а нам надо придумать, что делать, потому что, уставившись на четырех встревоженных людей, глядящих на меня, я понимаю: хотя мне кажется, что я одинока – еще более одинока, чем в день гибели моих родителей, – на самом деле это не так.

Джексон, Мэйси, дядя Финн и даже Амка не позволят мне сделать это в одиночку, даже если бы я этого хотела. А я совсем, совсем этого не хочу. Я бы даже не смогла придумать, с чего начать.

– Итак, – выдавливаю я из себя после нескольких попыток прочистить горло. – Мне надо попросить вас об одолжении.

– Все, что угодно, – отвечает мне Джексон и берет меня за руку. И, только когда его ладонь касается моей, я понимаю, как я от всего этого замерзла. И ладонь Джексона кажется мне обжигающе горячей.

– Вы можете это сказать? – спрашиваю я.

Рука Джексона сжимает мою.

– Сказать что? – говорит он, но по лицу его видно, что он уже знает ответ.

– Мне просто нужно, чтобы ты это сказал, чтобы я не чувствовала, что со мной что-то очень не так. Пожалуйста.

Вид у Джексона измученный, я никогда не видела его таким. В обычных обстоятельствах это я бы его утешала, но сейчас я не могу. У меня нет на это сил. Не теперь.

– Джексон, – шепчу я, поскольку не знаю, что еще можно сказать. – Пожалуйста.

Он отрывисто кивает, и меня обжигает взгляд его обсидиановых глаз.

– Мы не смогли выяснить, что произошло с Хадсоном, – говорит он, и в голосе его звучит надрыв, – не смогли найти его там, где его оставила ты, или там, куда он ушел, потому что все это время он был здесь.

Я напрягаю колени, чтобы они не подогнулись, и жду, чтобы он сообщил ту ошеломляющую вест, которая брезжит в моем сознании последние несколько минут, которую я не хочу слышать – не хочу знать – и которую я просила его мне сообщить.

– Мы не смогли выяснить, где именно в Кэтмире прячется Хадсон, потому что он все это время прятался внутри тебя.

Глава 27. Когда зло, таящееся внутри, должно убраться вон, вон, вон

Его слова – ожидаемые, но все равно потрясшие меня – взрываются внутри меня, как бомба. Как атомный реактор, когда в нем расплавляется активная зона. Потому что этого не может быть. Этого просто не может быть.

Я не могу таить внутри себя гнусного брата Джексона.

Не могу допустить, чтобы он захватывал контроль надо мной всякий раз, когда захочет.

Не могу допустить, чтобы он стирал мои воспоминания.

Просто не могу.

Однако получается, что могу. Потому что так оно и есть.

– Ничего, – говорит мне мой дядя. – Вернувшись в кабинет, я сейчас же сделаю несколько звонков, найду кого-нибудь, кто знает, как справиться с этой проблемой, и приглашу его в Кэтмир.

– А я начну изучать эту тему, – добавляет Мэйси. – Есть кое-какие чары, которые могли бы сработать, так что мы с Амкой свяжемся с несколькими ковенами ведьм и ведьмаков и посмотрим, что у них можно узнать.

Ее слова отдаются эхом и крутятся в моей голове, пока я пытаюсь справиться с этим новым кошмаром. Пытаюсь понять, ощущаю ли я Хадсона внутри меня, ощущаю ли его солевые пальцы на моем сердце, на моем разуме.

Но, как я ни стараюсь, у меня ничего не выходит – я ничего не могу найти. Никаких чужих мыслей. Никаких чужих чувств. Ничего необычного, однако это не мешает ему продолжать паразитировать на мне.

Пока я пытаюсь приспособиться к этому кошмару, к этому чудовищному надругательству, вокруг меня продолжается дискуссия. Джексон, дядя Финн, Мэйси и Амка предлагают каждый свое решение вопроса о том, как разобраться с этим делом.

Как разобраться со мной.

Для меня это самая личная проблема во всей моей жизни. Более личной проблемы просто не бывает – кто-то живет в тебе, под твоей кожей, завладевает твоим сознанием, когда этого хочет, и заставляет тебя совершать ужасные поступки, которых ты никогда бы не совершила по своей воле.

– А что насчет меня? – вопрошаю я, когда чувствую, что больше не могу выносить их перепалку.

– Обещаю, мы с этим разберемся, – говорит дядя Финн. – Мы вытащим его из тебя.

– Я не об этом. Я хотела сказать: а что же теперь делать *мне самой*? Пока вы четверо будете прилагать усилия, стараясь придумать, как меня спасти, что могу предпринять *я сама*?

Они переглядываются, будто пытаясь понять, о чем я. Что только доказывает наличие проблемы, не так ли?

– Грейс, дорогая, сейчас сама ты ничего не можешь с этим поделать. – Мой дядя говорит это нарочито спокойным тоном человека, который подозревает, что та, к кому он обращается, вот-вот впадет в истерику.

Но угроза истерики отступила. Не навсегда – она наверняка еще вернется до того, как этому кошмару придет конец. Ее место заняла решимость что-то сделать и не дать Хадсону опять захватить контроль надо мной.

– Думаю, лучше нам все же придумать мне какое-то занятие. Потому что, если вы правы, если Хадсон в самом деле живет внутри меня, как какой-то паразит, я ни за что не соглашусь

просто сидеть сложа руки и ждать, чтобы вы что-то надумали. Именно такая тактика привела меня к тем ужасным переделкам, в которые я попадала с тех пор, как прибыла на Аляску.

Эти слова резки, и в иной ситуации, в иной реальности я бы никогда их не сказала. Но в этой ситуации, в *этой* реальности их надо было сказать.

И людям, с которыми я говорю, надо было услышать их... и меня. Потому что я ни за что не соглашусь самоустраниться. Не соглашусь сидеть без дела, позволяя им произносить уклончивые речи, кормить меня полуправдой и скрывать все якобы для того, чтобы защитить меня. Больше я этого не допущу.

– Да, я хочу знать, что я сама могу сделать, чтобы заставить Хадсона убраться из меня. Но, поскольку для этого, похоже, понадобится время, мне нужно иметь возможность предпринять какие-то временные меры, которые могли бы помочь. Нечто такое, что я могу сделать сейчас, чтобы он не смог заставить меня причинить вред кому-то еще. Не что можете сделать *вы*, а что смогу сделать *я*, *я сама*.

Потому что я не могу позволить ему опять завладеть моим телом, когда он того захочет, пока эксперты будут ломать голову над тем, как можно выдворить его из меня. Он больше не сможет использовать меня как оружие – ни против Коула, ни против Амки, ни, разумеется, против Джексона.

– Хадсон не может использовать тебя против меня... – перебивает меня Джексон, но я жестом делаю ему знак замолчать.

– Он уже использовал меня таким образом, – говорю я, быстро проигрывая в уме различные сценарии и чувствуя, как все становится на свои места. – Иначе почему, по-твоему, когда я с тобой, я чувствую себя не в своей тарелке? Почему отстраняюсь всякий раз, когда ты пытаешься меня поцеловать? Может, ты еще этого и не понял, но лично мне все предельно ясно.

По взгляду Джексона я вижу, что это доходит и до него, что он прокручивает в уме наше общение за последние два дня, пытаюсь разобраться, где в этом общении была я, а где Хадсон. И я его не виню – я только что сделала то же самое... и мне совсем не нравится вывод, к которому я пришла.

– С меня хватит, Джексон. С меня хватит, дядя Финн. Я не хочу опять проснуться в чьей-то крови. Или в центре магического круга в разорванной одежде. Я не хочу опять позволить убийце хотя бы на одну секунду завладеть моим телом или моей головой.

Я чувствую стеснение в груди, мои руки дрожат, но мой разум ясен, и я знаю – *знаю*, – что я делаю то, что должна.

– Либо вы сейчас поможете мне понять, что я могу сделать, либо клянусь, я сейчас вернусь к этой стопке книг и прочитаю их все, пока не пойму, как мне опять превратиться в горгулью. И на сей раз я останусь ею до тех пор, пока Хадсон не потеряет возможность причинять людям вред.

Джексон открывает рот, чтобы что-то сказать, но я качаю головой. Я еще не закончила.

– И если мне придется остаться горгульей *навсегда*, то так тому и быть. Я этого не *хочу*, но я это сделаю, потому что никто – *никто* – больше не сможет сделать меня своей марионеткой. Никогда.

Именно поэтому, прибыв в Кэтмир, я чуть не погибла, и Джексон и Флинт тоже. Если бы я узнала правду тогда, то в первые мои дни в Кэтмире не совершала бы глупых ошибок, безуспешно пытаюсь разобраться, что к чему, не шла бы напрямик в ловушку, когда столько людей пытались убить меня. И не доверяла бы тем, кто того не заслуживал. И, возможно, я не оказалась бы в том подземелье вместе с Лией, и Джексон бы не оказался на волосок от смерти, и мы бы сейчас не стояли тут с этим психопатом Хадсоном *в моем чертовом теле*.

От одной мысли об этом мне становится тошно и хочется плакать. Хочется орать.

Я хочу, чтобы он убрался из меня, убрался сейчас же.

А если это невозможно, мне надо выяснить, как от него уберечь саму себя и тех, кто меня окружает – притом любой ценой.

Я перевожу взгляд на Джексона, на Мэйси, на моего дядю, на Амку и вижу, что все они смотрят на меня с невольным уважением в глазах. Значит, пора задать им главный вопрос, вопрос, который жжет меня изнутри.

– Должна ли я снова превратиться в горгулью или же есть иной способ заблокировать его?

Внезапно я чувствую внутри какой-то трепет – чертовски похожий на внутренний вопль, вопль ярости, ужаса или муки – не знаю, чего именно. Но это определенно вопль... И он определенно принадлежит не мне.

Глава 28. Иногда девушки просто хотят взять дело в свои руки⁸

Не успеваю я толком понять, в чем дело, как Джексон говорит:

– Я доставлю тебя к Кровопускательнице.

– К Кровопускательнице? – повторяю я, потому что прежде я никогда ничего о ней не слышала. И потому, что это прозвище не из тех, которые звучат... дружелюбно. Ведь если ты живешь в мире сверхъестественных существ, которые и ухом не ведут ни от потери крови, ни от дыхания смерти, то каким же чудовищем надо быть, чтобы тебя прозвали Кровопускательницей?

Да, это чертовски странно.

– К Кровопускательнице? – повторяет дядя Финн, и в голосе его звучит такой же скептицизм, как тот, который сейчас испытываю я сама. – Ты уверен, что это хорошая мысль?

– Нет, – отвечает Джексон. – Наверняка это ужасная идея. Но то же самое можно сказать о перспективе превращения Грейс в горгулью на неопределенное время. – Он смотрит на меня, и на его лице отражаются тревога, любовь и чуть заметный страх, который он всеми силами старается скрыть. – Не знаю, сможет ли Кровопускательница найти способ заблокировать Хадсона, пока он находится в твоей голове, но уверен: если кто-то и способен это сделать, то это она.

– А кто она такая? – спрашиваю я, потому что чувствую, что должна иметь хоть какое-то представление о том, что мне предстоит.

– Она принадлежит к когорте Древних, – говорит Джексон. – Она вампир, который живет с незапамятных времен. И она... *обитает*... в ледяной пещере, добираться до которой надо не так уж долго.

Я обдумываю эти слова, пытаюсь отыскать в них скрытый смысл. Я знаю, он есть – это видно по тому, как многозначительно переглядываются мой дядя и Амка. Мэйси, похоже, ничего не замечает, но, по-видимому, это объясняется тем, что она не осведомлена о предмете разговора, как и я сама.

– Она безжалостна, – говорит наконец Амка. – И внушает ужас. Но если кто-то и сможет понять, как тебе помочь, то это она.

Должна признаться, что определение «безжалостная» не совсем то слово, которое может придать мне уверенности в себе. Как и слова «внушает ужас». А ведь сейчас я нахожусь в комнате с одним из самых сильных вампиров на земле, однако никто здесь нисколько не боится его. Я содрогаюсь от одной мысли о том, какой может оказаться эта самая Кровопускательница.

Тем более что даже Джексон, похоже, нервничает от перспективы встречи с ней.

– А ты знаешь ее? – спрашиваю я, чувствуя, как меня охватывает страх. – Я хочу сказать, попытается ли она убить нас сразу или, по крайней мере, выслушает то, что мы хотим сказать?

– Она безжалостна, но не безумна, – отвечает Джексон. – И да, я знаю ее. Она воспитала меня.

Больше он ничего не говорит, просто оставляет эту тему, как будто быть воспитанным самым жутким вампиром на земле – это в порядке вещей. Прямо что-то вроде пародии на «Южный парк»⁹: *Давайте, расходитесь. Не на что здесь смотреть.*

---

⁸ Отсылка к популярной американской песне 1979 года «Girls just wanna have fun», в переводе с английского название звучит как «Девчонки просто хотят веселья».

⁹ Американский мультсериал, жестко высмеивающий реалии современной жизни в США и мире. Героиня делает отсылку к постоянной фразе персонажа офицера Барбреди, который пользуется ею в абсурдных ситуациях.

Что еще больше убеждает меня в том, что он определенно чего-то недоговаривает. И, судя по всему, то, о чем он умолчал, очень, очень скверно.

Но если встреча с этой самой Кровопускательницей изгонит Хадсона из моей головы и, может статься, даже даст мне какое-то представление о том, каким было детство Джексона, то я обеими руками «за».

– А сколько времени нужно, чтобы добраться туда? – осведомляюсь я. – И когда мы отправимся?

– Несколько часов, – отвечает Джексон. – И, если хочешь, мы можем отправиться прямо сейчас.

– Сейчас? – недовольно переспрашивает дядя Финн. – Почему бы тебе не подождать хотя бы до утра, когда станет светло?

– И дать Хадсону еще одну возможность завладеть моим телом? – говорю я, и мне не надо притворяться, чтобы показать, как мне тошно от этой мысли. – Ну уж нет.

Не говоря уже о том, что мне слишком страшно, чтобы лечь спать сегодня вечером – а может быть, и вообще. Сознать, что Хадсон находится внутри меня, так жутко, странно и противно. Может ли он читать мои мысли? Слышать все, о чем я думаю? Или же его таланты ограничиваются всего лишь способностью завладеть моим телом? *Всего лишь*. Я вас умоляю.

Как же я дошла до такого? Пять месяцев назад я жила в Сан-Диего, и самым важным вопросом был выбор университета. Мне все еще нужно решить эту проблему – во всяком случае, так мне кажется (но учатся ли горгульи в университетах?), – но сейчас на меня к тому же охотится гнусный человековолк, а в моей голове обитает вампир-психопат.

Если бы не Джексон, можно было бы с уверенностью сказать, что по сравнению с моей жизнью в Сан-Диего моя жизнь здесь – это просто жуть.

Решив, что наилучший способ обойти возражения дяди Финна – это просто вести себя так, будто все уже решено, я поворачиваюсь к Джексону:

– Нам надо будет позвонить и дать ей знать, что мы скоро прибудем? Я хочу сказать, есть ли телефон в этой ее, – поверить не могу, что говорю такое, – ледяной пещере?

– Ей не нужен телефон. Если она еще не прознала, что мы скоро будем у нее, то узнает задолго до того, как мы окажемся на месте.

Просто жуть.

– Класс. – Я улыбаюсь ему. – Я пойду переоденусь и встречусь с тобой перед главным входом через пятнадцать минут.

Джексон кивает.

– Хорошенько утеплись. Какое-то время нам придется пробыть на холоде.

Надо полагать, «какое-то время» – это долго, если учесть, что Кровопускательница живет в ледяной пещере. Это еще одна чертовски странная подробность – как и вопрос о том, вырос ли Джексон в ледяной пещере, которую мы собираемся посетить, или где-то еще. Потому что если эта вампирша выбрала своим домом такую пещеру посреди Аляски, то, может быть, она желает уединения?

– Дай ей хотя бы полчаса, Джексон, – говорит мой дядя с видом человека, смирившегося с неизбежным.

– Я бы предпочла отправиться как можно скорее, – возражаю я.

– А я бы предпочел, чтобы ты сначала поела. – Он смотрит на меня с таким видом, что я понимаю: он не отступит. – Ресторанов там нет, и у Кровопускательницы точно не найдется ничего такого, что захотела бы съесть *ты*. Так что перед выходом зайти в кафетерий. Ты могла бы съесть сэндвич, и я скажу им, чтобы они дали тебе еды, которую ты возьмешь с собой – поскольку полагаю, что ты останешься там на ночь.

Я не заглядывала так далеко – я не могла думать ни о чем, кроме изгнания Хадсона, – и сейчас я благодарна дяде Финну за то, что он подумал о еде. Тем более что я не обедала, и теперь мой желудок недвусмысленно напоминает о себе.

– Спасибо, дядя Финн. – Я встаю на цыпочки и целую его в щеку.

Он в ответ неловко гладит меня по спине и предупреждает:

– Будь осторожна. И пусть разговор с Кровопускательницей начнет Джексон, а не ты. Он знает ее лучше, чем кто-либо другой.

Я киваю, гадая, что он хочет этим сказать – и что нас ждет, если учесть, что вампирша, воспитавшая Джексона, та, кого он знает лучше, чем все остальные, известна своим жестоким нравом.

– Пойдем, Грейс. Я помогу тебе выбрать, что надеть, – говорит Мэйси, спеша к двери.

Я иду с ней и оглядываюсь только затем, чтобы помахать Джексону рукой и беззвучно произнести:

– *Через полчаса.*

Он кивает, но я вижу, что ему не по себе. И немудрено. Я изо всех сил стараюсь не психовать из-за Хадсона, но мне это не очень-то удается. Надо думать, Джексон чувствует сейчас то же самое, но он еще и ощущает себя в ответе за то, что происходит, потому что такой уж он есть, и именно так он подходит к любой ситуации – и тем более к такой, в которой замешана я.

– Ты готова? – спрашивает Мэйси, когда я отворачиваюсь от Джексона, чтобы направиться в нашу комнату.

– Нет, – отвечаю я. Но продолжаю идти вперед. Потому что иногда то, что ты хочешь сделать, и то, что ты должна сделать, – это совсем не одно и то же.

Глава 29. Я слишком сексуальна для моей куртки... и все остальные тоже¹⁰

– Классная куртка, – замечает Джексон, увидев меня тридцать минут спустя, и его плотно сжатые губы трогает улыбка.

На мне надето шесть слоев одежды, призванных защитить меня от стужи, царящей в той глуши, куда мы держим путь – включая ярко-розовый пуховик, который хищники, вероятно, могут заметить с расстояния в пятьдесят миль – но, когда Мэйси с гордым видом положила его на мою кровать, мне не хватило духу сказать «нет».

– Не начинай, – отвечаю я и окидываю его взглядом в поисках чего-нибудь такого, над чем тоже можно было бы посмеяться. Но, разумеется, ничего не нахожу. Он с ног до головы одет во все черное и выглядит великолепно. А не как комок сахарной ваты.

Когда мы начинаем спускаться с крыльца, я ожидаю увидеть припаркованный снегоход, но его нет – и я растерянно смотрю на Джексона, кутаясь в шерстяной шарф, закрывающий мои лицо и шею.

– В следующие два часа температура упадет еще на двадцать градусов¹¹, – говорит Джексон, притянув меня к себе. – Я не хочу, чтобы ты мерзла дольше, чем необходимо.

– Само собой, но разве для этого не нужен снегоход? – удивляюсь я. – Ведь это лучше, чем идти пешком, не так ли?

Но Джексон только смеется.

– Снегоход нам бы только помешал.

– В каком смысле?

– В таком, что будем переноситься.

– Будем переноситься? – Я понятия не имею, что это значит, но это не кажется мне чем-то таким уж приятным. Впрочем, всю эту ситуацию нельзя назвать приятной. Что может быть приятного в том, чтобы явиться к древней вампирше, надеясь, что она нас не убьет? Или в том, чтобы жить с психопатом, поселившимся у тебя в голове? И не помнить последних четырех месяцев своей жизни?

Да пошло оно все на фиг. Что бы ни означало это самое «перенесемся», что бы Джексон ни задумал, это наверняка лучше, чем вся та хрень, с которой мы имеем дело сейчас.

А потому я просто киваю, когда Джексон объясняет, что так делают вампиры и что это означает двигаться очень, очень быстро, перемещаясь с места на место.

Я хочу спросить, насколько быстро, но не все ли равно? Если мы доберемся до Кровопускательницы и выясним, как справиться с Хадсоном до того, как он завладеет мной опять, мы можем хоть плыть в ее пещеру – мне фиолетово.

– И что же я должна делать? – спрашиваю я, когда Джексон встает передо мной.

– Я возьму тебя на руки, – отвечает он, – и тебе надо будет крепко держаться за меня.

Что ж, неплохо. И даже почти романтично.

Джексон подается вперед и поднимает меня, держа одну руку под моими плечами, а другую – под коленями. Затем смотрит на меня и подмигивает.

– Готова?

Даже близко нет. Я показываю ему большой палец.

– Да, полностью.

¹⁰ Отсылка к песне группы «Right Said Fred» «I'm too sexy», в ней есть строчка, которую можно перевести как «Я слишком сексуален для своей футболки».

¹¹ На 20 градусов по Фаренгейту = на 11,1 градуса по Цельсию.

– Тогда держись! – предупреждает он и ждет, пока я обеими руками не обнимаю его за шею так крепко, как только могу.

Он улыбается – и пускается бежать.

Вот только это не похоже на бег. Вообще не похоже. Скорее, мы *исчезаем* с одного места и оказываемся в другом с такой быстротой, что я ничего не успеваю рассмотреть до того, как мы *исчезаем* опять.

Это странно, жутко и опьяняюще – все одновременно, – и я стараюсь держаться так крепко, как только могу, боясь того, что может произойти, если я разожму руки, хотя Джексон и прижимает меня к своей груди.

Пока он переносится с места на место, я пытаюсь думать, пытаюсь сосредоточиться на мыслях о том, что я хочу сказать Кровопускательнице, или о том, как выдворить Хадсона из моего сознания, но мы движемся так быстро, что мыслить по-настоящему просто невозможно. Остаются только инстинкты и самые простые обрывки мыслей.

Это самое странное чувство в мире. И оно очень раскрепощает.

Не знаю, сколько времени мы находимся в пути, когда Джексон наконец делает остановку на вершине какой-то горы. И ставит меня на землю – медленно, чему я рада, потому что ноги у меня стали ватными.

– Мы уже на месте? – спрашиваю я, ища глазами вход в пещеру.

Джексон улыбается, и я в который раз думаю о том, как здорово, что ему не надо кутаться, как мне, когда мы находимся на открытом воздухе в такую стужу. Мне нравится, что я могу видеть его лицо, и еще больше нравится, что я могу оценить его реакцию на мои слова.

– Я хотел показать тебе здешний вид и еще подумал, что тебе, возможно, не помешал бы отдых.

– Отдых? Но мы же движемся всего несколько минут.

Его улыбка переходит в смех.

– Мы в пути уже около полутора часов. И преодолели почти триста миль.

– Триста миль? То есть мы двигались со скоростью...

– Да, двести миль в час. Перенос – это больше, чем движение. Не знаю, как его можно описать; это немного похоже на полет – но не во плоти. Каждый вампир умеет делать это с раннего возраста, но мне это всегда удавалось особенно хорошо. – Он выглядит сейчас как ребенок, до смешного гордый собой.

– Это... невероятно. – Неудивительно, что я ни на чем не могла сосредоточиться, пока Джексон переносился. Мы не столько двигались, сколько меняли реальность.

Проигрывая все это в голове, я не могу не думать о книге, которую я читала в седьмом классе – «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. В ней говорилось об автомобилях, которые движутся по дорогам на огромных скоростях – 130 миль в час, и правительство это одобряет, поскольку это не дает людям думать. Им приходится сосредоточиваться на том, чтобы вести машину и не разбиться насмерть, что исключает все прочие мысли.

Это было немного похоже на то, что происходило со мной, когда Джексон переносился. Все остальное в моей жизни, включая самое плохое, просто исчезло, остались только самые примитивные инстинкты, например, инстинкт самосохранения. Я знаю, Брэдбери писал свою книгу как предостережение, но переноситься – это так здорово, что я не могу не гадать, что об этом думает сам Джексон.

Интересно, как он чувствует себя, переносясь – так же, как я, или же иначе, поскольку вампиры устроены таким образом, чтобы без проблем двигаться на таких скоростях? Я едва не спрашиваю его об этом, но он выглядит счастливым – по-настоящему счастливым, – и я не хочу портить ему настроение, задавая вопросы, на которые ему, возможно, было бы трудно ответить.

Поэтому я вообще ничего не говорю, во всяком случае, до тех пор, пока Джексон не поворачивает меня и передо мной не открывается вид с вершины этой высокой горы. От него захватывает дух. Кругом, насколько хватает глаз, высятся громадные пики и снежные пустоши простираются на много миль вокруг – замерзшая страна чудес, ставшая еще более драгоценной благодаря тому, что мы, вероятно, единственные люди, которые когда-либо стояли на этой вершине.

Это повергает в трепет и учит смирению, и это чувство только возрастает, когда нас окутывают сумерки, заволакивающие окрестности фиолетовой мглой.

Северного сияния еще не видно, но некоторые звезды уже появились, и их вид над этим великолепным безбрежным горизонтом заставляет меня переосмыслить то, что происходит со мной сейчас. Я не могу не сопоставлять жизнь одного человека – проблемы одного человека – со всем этим, как не могу не гадать, каково это – быть бессмертным. Я знаю, что чувствую *я сама*, когда стою здесь. Я ощущаю себя маленькой, ничтожной, смертной. Но как же чувствует себя Джексон – зная, что он не только может взобраться на эту гору за несколько минут, но и то, что *будет жить столько же времени, сколько и эта гора?*

Я даже представить себе не могу, каково это.

Не знаю, как долго мы здесь стоим, глядя в темнеющее пространство. Джексон обвивает меня руками, и я, расслабившись, прислоняюсь к нему.

Последний маленький кусочек солнца погружается за горы.

И меня начинает пробирать холод.

Джексон замечает, что я дрожу, и нехотя отстраняется от меня. Сейчас я была бы не прочь провести с ним вечность здесь, на этой горе, только он, я и это невероятное чувство мира и покоя. Я не испытывала ничего подобного со времени, предшествовавшего гибели моих родителей. А может быть, такого со мной не бывало даже тогда.

Мир долго не продлится, пока внутри тебя Хадсон, говорит голос в моей голове и вдребезги разбивает овладевшее мной чувство умиротворения. Может, меня опять предостерегает голос моей горгульи? Ведь совершенно ясно, что Хадсон не стал бы предостерегать меня против себя самого.

«Это еще один вопрос, который я должна изучить, – решаю я, – если моя жизнь когда-нибудь войдет в такую колею, чтобы я смогла реально начать поиск нужных мне данных». Это напоминает мне о том, что по возвращении в Кэтмир мне нужно будет выкроить время, чтобы изучить записи по горгульям, которые за меня, видимо, сделал Хадсон. Меня опять пробирает дрожь, когда я начинаю гадать, какую информацию он искал обо мне.

– Нам пора, – говорит Джексон и, расстегнув молнию на моем рюкзаке, достает флягу из нержавеющей стали. – Тебе надо попить воды до того, как мы продолжим путь. Здешняя высота бывает безжалостной.

– Даже к горгульям? – прикалываюсь я, снова прислоняясь к нему, поскольку чувствую, что так надо.

– Особенно к горгульям. – Он ухмыляется, протягивая мне флягу.

Я пью скорее потому, что Джексон смотрит на меня, чем потому, что мне действительно хочется пить. Это мелочь, и спорить о ней не стоит, тем более что здешний климат он знает куда лучше меня. Чего мне совсем не нужно, так это прибавить ко всем моим проблемам еще и обезвоживание.

– Я могу съесть батончик мюсли? – осведомляюсь я, вернув ему флягу.

– Само собой, – отвечает он, роясь в рюкзаке.

Прожевав несколько кусков, я спрашиваю:

– Сколько времени нам еще добираться до пещеры Кровопускательницы?

Джексон снова берет меня на руки и думает.

– Это зависит от обстоятельств.

– От каких?
– От того, встретятся ли нам медведи.
– Медведи? – верещу я, поскольку мне никто ничего не говорил о медведях. – Разве они не в спячке?
– Сейчас март, – отвечает он.
– И что это значит?
Когда он не отвечает, я тыкаю его в плечо.
– Джексон! Что это значит?
Он лукаво улыбается.
– А то, что посмотрим.
Я тыкаю его еще раз.
– На что...
Он срывается с места еще до того, как я успеваю закончить вопрос, и мы переносимся по склону горы: Джексон и я. Вернее, Джексон, я и, по-видимому, несколько медведей.
Я на это не подписывалась.

Глава 30. Ужин кровопускательницы

У меня такое чувство, будто до следующей нашей остановки проходит всего несколько минут, но, посмотрев на мобильник, я вижу, что прошел еще час. Значит, если мы переносились с той же скоростью, что и прежде, то сейчас от нас до Кэтмира примерно пятьсот миль.

– Это здесь, – говорит Джексон, но это я уже поняла – по его сжавшимся губам, по напряженным плечам.

Я озираюсь, ища глазами вход в ледяную пещеру, где мы должны встретиться с Кровопускательницей, но везде вижу одну только гору. Гору и снег. Впрочем, я не знаток ледяных пещер.

– Мне надо знать что-то еще? – спрашиваю я, когда он берет меня за руку и ведет к подножию горы.

– По правде говоря, тебе столько всего надо узнать, что я даже не знаю, с чего начать.

Поначалу я смеюсь, поскольку думаю, что он шутит, но, быстро взглянув на его лицо, понимаю, что это не так. И напрягаюсь.

– Может, ты выдашь мне сокращенную версию? – предлагаю я, когда мы вдруг останавливаемся опять, на сей раз перед двумя гигантскими кучами снега.

– Не знаю, какой от этого будет толк, но попробую. – Он качает головой и рукой в перчатке трет бедро таким нервным жестом, какого я не видела у него никогда; повисшее между нами молчание длится, длится и длится. Мне уже кажется, что он передумал и так ничего мне и не скажет, но тут Джексон шепчет, еле слышно произнося слова:

– Не подходи к ней слишком близко. Не пытайся пожать ей руку, когда будешь знакомиться с ней. Не...

Он осекается, и на сей раз проводит ладонью уже не по своему бедру, а по лицу и, когда говорит опять, его слова сливаются с волчьим воем, но я все же слышу их:

– Из этого ничего не выйдет.

– Ты не можешь этого знать, – отвечаю я.

Он вскидывает голову и устремляет на меня такой взгляд, какого я не замечала у него прежде. В его темных обсидиановых глазах пляшут серебряные огоньки и отражаются отчаяние и множество других чувств, понять и истолковать которые я не могу.

– Ты же понимаешь, что она вампир, верно?

– Конечно. – Я никак не пойму, к чему он клонит, но в библиотеке они все говорили достаточно ясно.

– Если она какое-то время не ела, – говорит Джексон, кривя рот в гримасе, которой я не могу не заметить, – то у нее, вероятно, будет там источник пищи.

– Источник пищи? – повторяю я. – Ты хочешь сказать, человек?

– Да. – Он с усилием сглатывает. – Я хочу, чтобы ты знала – я не делаю того, что делает она. Я не питаюсь людьми, как она. Я не...

– Понятно, – говорю я, поняв, что по поводу моего мнения о его воспитании и женщине, которая его воспитала, он тревожится не меньше, чем о моей безопасности и том факте, что где-то внутри меня сейчас ошивается его брат.

Это ошеломительное открытие, ведь прежде этот парень всегда был воплощением уверенности в себе, что одновременно и согревает мою душу и вызывает нервозность.

Джексон кивает.

– Иногда она заманивает к себе туристов. Иногда другие сверхъестественные существа приносят ей «подарки» за ее помощь. – Он смотрит мне в глаза. – Но не я.

– Что бы там ни происходило, все будет нормально, я все пойму, – говорю, обвив руками его талию и уткнувшись подбородком ему в грудь. – Я тебе обещаю.

– Нормально – это слишком сильно сказано, – говорит он. – Но ей десятки тысяч лет, так что какая она есть, такая и есть. – Он обнимает меня, затем отступает назад. – Когда мы придем к ней, тебе надо будет по большей части молчать, говорить буду я. Если она задаст тебе вопрос, ты, конечно, отвечай, но она не любит чужаков. Да, вот еще что – не дотрагивайся до нее и не давай ей дотрагиваться до тебя.

Странные предостережения.

– А зачем мне вообще ее трогать?

– Просто держись от нее на расстоянии. Она не очень-то любит людей.

– Да ну? Ни за что бы не догадалась, учитывая тот факт, что она живет в ледяной пещере в одном из самых отдаленных районов Аляски.

– Вообще-то многие живут там, где живут, по множеству разных причин. И это не всегда их собственный выбор.

Я начинаю спрашивать, что он имеет в виду, но, судя по всему, он не желает отвечать на этот вопрос. И я не настаиваю. А просто киваю и осведомляюсь:

– Есть что-нибудь еще, что мне надо знать?

– Ничего такого, что можно было бы объяснить за пару минут. К тому же становится холоднее. Надо пойти в пещеру до того, как ты совсем зачленеешь.

Мне холодно, я едва ли не стучу зубами, несмотря на многочисленные слои одежды, так что я не спорю. А просто отступаю и жду, чтобы Джексон пошел вперед.

И, хотя я, как мне кажется, готова ко всему, должна признать, что удивляюсь, когда Джексон взмахивает рукой и груды снега поднимаются на несколько футов от земли. В подножии горы открывается небольшое отверстие – вход в пещеру.

Джексон опускает снег за нашими спинами, затем делает руками в воздухе какие-то сложные фигуры. Я пытаюсь за ним наблюдать, но он двигает руками так быстро, что за ними невозможно уследить. Я начинаю спрашивать, но он так сосредоточен, что, в конце концов, решаю просто дать ему закончить.

– Надо было снять защитные заклятия, – говорит он, взяв меня за руку и войдя в пещеру.

– Они здесь, чтобы не дать людям случайно забрести внутрь? – спрашиваю я.

Он качает головой.

– Чтобы мой отец не смог войти.

Джексон сжимает зубы, и я чувствую, что он не хочет, чтобы я задавала ему вопросы. И я прекращаю их задавать.

К тому же мне приходится целиком сосредоточиться на том, чтобы не поскользнуться и не заскользить вниз по самой крутой и узкой ледяной тропе, которую я когда-либо видела. Пока мы спускаемся, Джексон крепко держит меня за руку и несколько раз не дает мне упасть.

В левой руке у него телефон с включенным фонариком, чтобы освещать наш путь и чтобы я видела, куда лучше ступать. Только ставя ногу в одно из таких менее скользких мест, я и могу рассмотреть пещеру, по которой мы идем... и она великолепна. Везде виднеются красивые образования из скальных пород и льда.

Мы доходим до развилки и продолжаем идти по правому ответвлению пути.

В конце спуска нас ждет еще одна развилка, и на сей раз Джексон берет влево. Мы преодолеваем еще несколько защитных заклятий, затем пол под нашими ногами вдруг становится горизонтальным, без уклона. Мы находимся в огромном зале, в котором горят столько свечей, что мне приходится несколько раз моргнуть, чтобы глаза привыкли к свету.

– Что это? – шепчу я, потому что в таком месте невольно хочется перейти на шепот. Зал огромный, с высоченным потолком, и везде сверкают пласты скальных пород и льда – это самое потрясающее чудо природы, которое когда-либо видели мои глаза.

Это похоже на сон... до тех пор, пока я не замечаю в одном из углов вделанные в потолок цепи с кандалами – прямо над парой заляпанных кровью ведер. Сейчас кандалы пусты,

но оттого, что я вижу их, благоговейный трепет, вызванный красотой этого зала, сразу же проходит.

Джексон замечает, на что я смотрю – мне сразу становится понятно, что здесь подвешивают людей, чтобы из них вытекла кровь, – и встает передо мной, чтобы загородить от меня кандалы и ведра. Я не спору, поскольку мне ясно, что эта картина еще долго будет являться мне в кошмарных снах, так что мне совсем необязательно снова видеть ее наяву.

Похоже, Джексон считает так же, потому что он быстро тянет меня за собой к самой большой арке, хотя пол здесь тоже скользок и бугрист.

– Готова? – спрашивает он, когда мы добираемся до арки.

Я киваю, а что мне остается делать? И, чувствуя руку Джексона, крепко обхватывающую мои плечи, вхожу в ледяную арку, чтобы встретиться с Кровопускательницей.

Глава 31. Добро пожаловать в ледниковый период

Не знаю, что именно я ожидаю увидеть по ту сторону ледяной арки, но определенно не то, что предстает моим глазам.

А предстает им роскошная гостиная с потолком и стенами, украшенными такими же сверкающими пластами скальных пород и льда... а также очень большая, защищенная стеклом картина, написанная в стиле импрессионизма, на которой изображен луг с маками и на которой полно оттенков красного, синего, зеленого и золотистого цветов.

При виде картины я столбенею точно так же, как остолбенела, увидев в комнатах Джексона рисунок Климта. Картина прекрасна, и чем ближе к ней я подхожу, тем меньше у меня остается сомнений, что это оригинал, принадлежащий кисти Моне.

Впрочем, если вы живете не одну тысячу лет, вам, надо полагать, нетрудно раздобыть произведения всемирно известных мастеров – и вполне возможно, что вы купили их еще до того, как к этим мастерам пришла слава.

Остальная часть комнаты напоминает гостиную – но не обыкновенную, а такую, которая повергает в шок. В одной из боковых стен красуется вырубленный в скале гигантский камин, другие стены уставлены шкафами, полными книг в переплетах из разноцветной потрескавшейся кожи, а пол устлан громадным ковром с рисунком, похожим на взорвавшийся букет цветов.

Посреди комнаты спинками к огню стоят два больших каминных кресла с подлокотниками, обитые материей того же оттенка красного, что и маки на картине. Напротив, отделенный от них длинным прямоугольным журнальным столиком из стекла, стоит удобный диван цвета соломы.

А на диване, поджав под себя ноги, сидит прелестного вида старушка, одетая в синее платье в восточном стиле. У нее короткие седые кудри, смуглая кожа, очки в цветной оправе, и она читает книгу.

Положив книгу на столик, она поднимает взгляд и смотрит на нас с мягкой улыбкой.

– За четыре месяца четыре визита, – говорит она. – Осторожнее, Джексон, ты меня разбалуешь.

Голос у нее под стать виду – приятный, спокойный, с правильным выговором, – и у меня возникает такое чувство, будто меня разыграли. И это самый опасный вампир на земле? Та, кого Джексон называет *Кровопускательницей*? Выглядит она так, словно ей привычнее вязать и играть со своими внучатами, чем подвешивать людей вниз головами, чтобы выпустить из них всю кровь.

Но Джексон приближается к ней, смиренно опустив голову, – такого я не замечала за ним никогда, – так что это наверняка она, несмотря на пушистые тапочки и безобидный вид.

– Ты не из тех, кого можно разбаловать, – отвечает он, когда мы останавливаемся прямо перед ней. Вернее, там останавливается Джексон, а я остаюсь в нескольких футах позади, причем он становится между мною и ею. – Мне нравится твоя новая цветовая гамма.

– Давно было пора ее поменять. Ведь весна как-никак – это время обновления. – Она улыбается невеселой улыбкой. – Если только ты не старая вампириша вроде меня.

– Древность – это не то же самое, что старость, – возражает Джексон, и по его тону понятно, что он говорит всерьез. И что он здорово восхищается ею, несмотря на то, что не вполне ей доверяет.

– Ты всегда такой очаровашка. – Она встает и впервые смотрит мне в глаза. – Но полагаю, ты уже это знаешь.

Я киваю, хорошо помня предостережение Джексона о том, что разговор с ней должен быть вести он сам. Потому что, хотя Кровопускательница и похожа на милейшую бабулю, взор

ее зеленых глаз пронизателен и жаден, когда она оглядывает меня с головы до ног. К тому же в свете пламени я вижу блеск ее клыков, касающихся нижней губы, и начинаю чувствовать себя как муха, явившаяся в гости к пауку.

– Ты привел с собой свою суженую, – говорит она ему с лукавством, красноречиво говорящим о чем-то таком, что мне невдомек.

– Да, – отвечает он.

– Что ж, тогда дай мне на нее посмотреть. – Она идет вперед и, прижав ладонь к бицепсу Джексона, пытается заставить его отойти.

Но он не двигается с места, что вызывает у Кровопускательницы смех, – веселый, звучный, отдающийся от потолка и стен.

– Молодец, – говорит она. – Как всегда. Но уверяю тебя, на сей раз нет нужды остерегаться.

Она опять нажимает на его бицепс, явно желая, чтобы он отошел, но он опять не сдвигается ни на дюйм. Веселость в ее ярко-зеленых глазах сменяется досадой, и она устремляет на него взгляд, который вызывает у меня некоторую оторопь. Уверенная, что она чует запах моего страха, я подавляю его и смотрю ей в глаза.

Я вижу, что ей это нравится, и замечаю, что ее раздражает нежелание Джексона подчиниться ее воле. Решив взять дело в свои руки, я выхожу вперед и улыбаюсь ей.

– Я Грейс, – представляюсь я, и, хотя вежливость требует, чтобы я протянула ей руку, мне слишком памятно предостережение Джексона. – Очень рада познакомиться с вами.

Она приветливо улыбается мне, но тоже не пытается дотронуться до меня – даже до того, как Джексон хмыкает, показывая свое недовольство.

– А мне очень приятно познакомиться с тобой. Я рада, что все... закончилось для тебя хорошо.

Удивленная ее словами, я перевожу взгляд на Джексона. Он по-прежнему не сводит глаз с женщины, вырастившей его, но отвечает на мой немой вопрос.

– Она знает, что ты горгулья. Я дважды приходил к ней, когда ты была заключена в камне.

– Он испробовал все, пытаясь освободить тебя. Но, увы, я не знаток горгулий. – У нее делается отрешенный взгляд, и она продолжает: – Когда-то я надеялась это изменить, но этому не суждено было случиться.

Хотя я и так уже знаю, что Джексон прилагал все силы, пытаясь помочь мне после того, как я превратилась в горгулью, мне все же приятно услышать это еще раз – особенно от женщины, которую он явно уважает.

– Спасибо, что пытались мне помочь, – говорю я. – Я очень вам благодарна.

– Пытаться вызволить тебя было бы бесполезно, – отвечает она. – К большой досаде твоего суженого. Но, если бы это было в моих силах, я бы тебе помогла. Собственно говоря, я предложила ему доставить тебя сюда. Я рада, что он наконец последовал моему совету.

Она делает несколько шагов назад и, показав на два красных кресла, опять устраивается на диване.

– Я всегда планировал привести сюда Грейс и познакомить ее с тобой, – говорит Джексон.

Ее взгляд становится немного мягче, и я впервые вижу на ее лице неподдельную симпатию, когда она глядит на Джексона. Я чуть-чуть расслабляюсь – нет, я не начинаю думать, что она не причинит мне вреда, просто мне становится ясно, что она не сделает ничего такого, что огорчило бы Джексона.

– Я знаю. – Она подается вперед и хлопывает его по руке. Выражение лица Джексона тоже смягчается, и он слегка расслабляется, глядя на эту женщину, которую он явно любит, но которой так же явно не доверяет.

Их отношения кажутся мне такими странными, что я не могу не испытывать сочувствия к ним обоим, одновременно гадая, как так вышло. Пока мои родители были живы, я безоговорочно им доверяла – мне никогда не приходило в голову им не доверять.

И хотя после их смерти я кое-что узнала о них – что мой отец был ведьмаком и что они, возможно, всегда знали, что я горгулья, – я по-прежнему уверена, что даже если они и лгали мне, они бы ни за что не причинили мне вреда.

А мать Джексона сделала так, что на его лице появился шрам. Его брат пытался убить его. Что же до этой женщины, которая определенно оказала огромное влияние на его жизнь и определенно любит его, то она внушает ему такие опасения, что он напряжен, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Воцаряется неловкое молчание, затем Джексон наконец прерывает его:

– Мне жаль, что приходится делать это в первый же день вашего знакомства с Грейс, но нам нужна твоя помощь.

– Я знаю. – Она смотрит на него, на меня и опять на него. – И сделаю все, что смогу. Но у этой проблемы нет легких решений. И очень, очень возможно, что все пойдет не так.

Глава 32. Что для одного реальность, для другого взрыв мозга

Это звучит... ужасно.

Я испуганно поворачиваюсь к Джексону, но он только ободряюще смотрит на меня и гладит большим пальцем тыльную сторону моей ладони, затем опять переводит взгляд на Кровопускательницу.

Он очень четко излагает все события, произошедшие после моего возвращения, и во время его рассказа глаза Кровопускательницы стекленеют всего один раз. Затем она обращает взор на меня и приглашает меня прогуляться.

Я перевожу взгляд на Джексона – не столько для того, чтобы получить добро, сколько для того, чтобы он заверил меня, что она не заведет меня в какую-нибудь глубокую пещеру, чтобы выпустить всю кровь. Он чуть заметно кивает, и, хотя делает он это неохотно, кивок есть кивок.

Это отнюдь не вселяет в меня уверенность в безопасности, но выбора у меня нет.

Кровопускательница улыбается, когда я встаю с кресла, и манит меня к себе унизанной кольцами рукой.

– Не беспокойся, Грейс, – мы не пойдем далеко. Мне лучше всего думается, когда я хожу.

Древняя вампирша проводит меня через еще одну арку в другую комнату, которая не освещена. Но едва мы входим в нее, все вокруг оживает. Сияет солнце, под моими сапогами сверкает песок, а в отдалении синеют и режут волны океана.

– Как... – Я останавливаюсь как вкопанная и смотрю на знакомую синеву Тихого океана. И это не абы какое место, а мой любимый район Ла-Хойя. Я узнаю этот сравнительно небольшой пляж с озерцами, оставшимися после прилива – здесь океан накатывает на песок и камни в ритме, который мне так же знаком, как мое собственное дыхание.

– Как вы это сделали? – спрашиваю я, смагивая слезы, вызванные внезапно охватившей меня тоской по дому. Кровопускательница преподнесла мне бесценный дар, и я не стану тратить время на слезы. – Как вы узнали?

– Я много чего знаю, Грейс, и много чего могу сделать. – Она едва заметно пожимает плечами. – Пойдем. Прогуляемся у воды.

– Хорошо, – соглашаюсь я, хотя и знаю, что эта вода ненастоящая. Хотя и понимаю, что все это иллюзия. Мне достаточно и того, что это кажется реальным.

Мы не разговариваем, пока идем по пляжу к медленно катящимся волнам.

– Если ты хочешь вернуть себе свой разум и свое тело, моя дорогая... – Она останавливается, глядит на безбрежный океан так долго, что, кажется, проходит целая вечность, затем наконец поворачивается ко мне. Ее зеленые глаза сейчас кажутся особенно яркими. – Это потребует от тебя жертв. И, возможно, больших, чем те, которые ты готова принести.

Я сглатываю.

– Что именно вы имеете в виду?

Но она только хлопывает меня по руке и говорит:

– Это ты узнаешь не сегодня. А пока что воспользуйся моментом и потрогай воду.

Я опускаю взгляд и вижу, что мы стоим рядом с океаном – если я сдвинусь на несколько дюймов вбок, он лизнет мои сапоги.

– Но она же ненастоящая, – говорю я. – Здесь ничего нет.

– Все в глазах смотрящего, – отвечает она. – Потрогай воду.

– Как вы это делаете? – потрясенно выговариваю я, пропуская воду между пальцами. Прикосновение влаги пронимает меня до самого нутра, хотя я этому и сопротивляюсь. Но

ничего не могу с собой поделаться, ведь оно напоминает мне обо всех тех временах, когда я приезжала на этот пляж с моими родителями или Хезер.

– Хорошая иллюзия охватывает все, – говорит она. – *А великая иллюзия* такова, что становится невозможно различить, где заканчивается реальность и начинается обман чувств.

Она машет рукой, и вот мы уже стоим посреди пустыни, простирающейся там, где только что был океан. Я подавляю свой инстинктивный протест, желание попросить ее вернуть океан. Вернуть мои родные места. И вместо этого погружаю руку в песок.

Как я и ожидала, у меня в руке оказывается горсть этого песка, и когда я выпускаю его из кулака, к моим мокрым пальцам прилипают песчинки, и мне приходится стереть их, потерев ладонь о лыжные штаны.

– Я не понимаю, что здесь происходит.

– Это потому, что ты не веришь тому, что видишь, – резко бросает она.

– Но я не могу в это поверить. Все это *ненастоящее, это нереально*.

– Это настолько реально, насколько ты сама того хочешь, Грейс. – Она опять машет рукой, и вмиг начинается сильная песчаная буря. Потоки песчинок хлещут меня по лицу, заполняют мой нос, проникают в рот, пока мне не становится трудно дышать.

– Хватит, – выдавливаю я из себя между приступами кашля.

– Хватит? – вопрошает Кровопускательница, и голос ее так же холоден, как эта аляскинская глушь, в которой она живет. – Ты поняла то, что я пытаюсь тебе сказать?

Нет, не поняла. Вообще не поняла. Но я боюсь, что, если я так скажу, она похоронит меня под тонной песка, и потому просто киваю. В то же время я пытаюсь сосредоточиться – не только на том, что она говорит, а на глубинном смысле того, что она хочет дать мне понять.

Ее зеленые глаза прикованы к моим, они призывают меня заглянуть глубже и осознать, что в некоторые вещи надо поверить, чтобы их понять, а не наоборот.

Это прыжок в неизвестность, и я совсем не уверена, что смогу его совершить после всего того, что уже произошло. Но какой у меня выбор? Я либо поверю, либо буду сметена – не только этой песчаной бурей, но и злой, неукротимой волей Хадсона.

Я сглатываю, понимая, что альтернативы у меня нет. А потому я закрываю глаза, немного расслабляюсь и позволяю ее словам проникнуть в мой мозг, осесть в костях, стать моей реальностью.

Как только это происходит, иллюзия превращается в нечто иное, такое, что у меня возникает чувство, будто я вернулась домой. И внезапно в моей голове звучит голос – не тот, к которому я привыкла и который предупреждает меня о том, что впереди неприятности. Нет, этот голос тих и полон сарказма. И он мне знаком – очень, очень знаком.

– *Не прошло и года*.

– О черт. – У меня обрывается сердце. – Вы его слышали? – спрашиваю я Кровопускательницу. – Скажите мне, что слышали.

– Ничего страшного, Грейс, – отвечает она. Возможно, она говорит что-то еще, но я не слышу, потому что мир вокруг меня вдруг погружается в непроглядную черноту.

Глава 33. Трудно выбирать сражения, когда они выбирают тебя

Что-то не так.

Это первая мысль, которая приходит мне в голову, когда я медленно открываю глаза. Голова болит, к горлу подступает тошнота. Я лежу на кровати в помещении, которое, судя по всему, является собой тускло освещенную спальню. Это странно, ведь последнее, что я помню, это мой разговор с Кровопускательницей, продолжавшийся до тех пор, пока я не услышала в своей голове какой-то голос с британским акцентом.

Я вспоминаю о Хадсоне и резко сажусь, о чем сразу же жалею, поскольку комната тотчас начинает кружиться. Я пытаюсь глубоко дышать и сосредоточиваюсь на том, чтобы вспомнить то, что важно. А именно Хадсона и что он делал.

Он что, снова завладел моим телом?

Не ранил ли он Джексона или Кровопускательницу? Не поэтому ли их тут нет?

Или – того хуже – не ранила ли их я сама?

Я опускаю взгляд, чтобы посмотреть, нет ли на мне крови – наверное, я буду делать это до конца жизни после того, как Хадсон напал на вожака человековолков.

– Извини, я не думал, что из этого мудака вытечет столько крови. Это был всего лишь небольшой укус.

О боже, это не просто плод моего воображения. Черт. Я закрываю глаза и ложусь опять, молясь о том, чтобы все это было дурным сном.

– Перестань со мной говорить! – приказываю я.

– С какой стати мне делать это теперь, когда ты наконец можешь слышать меня? Ты хоть представляешь, как тут скучно? Тем более что ты проводишь столько времени, мечтая об этом лузере, моем братце. Это так тошнотворно.

– Ну так можешь убраться, когда захочешь, не стесняйся, давай, – предлагаю я.

– А что я, по-твоему, пытаюсь сделать? – В его тоне звучит раздражение. – Но тебя разозлило и это, несмотря на то, что идея твоя. Не обижайся, Грейс, но ты эсеница, которой нелегко угодить.

Не может быть. Достаточно скверно и то, что он паразитирует на моем теле, а теперь еще и этот бестелесный голос в моей голове. И не просто бестелесный голос, а такой, который принадлежит психопату, говорящему с выраженным британским акцентом. *Как же я дошла до жизни такой?*

– Эй, послушай, мне это не нравится. Я не бестелесен. Во всяком случае, не совсем.

– Вижу, ты не собираешься спорить с тем, что ты психопат. – Я ошеломленно качаю головой.

– Это называется «выбирать свои сражения», то есть ограничивать круг проблем, которые собираешься решать. Попробуй как-нибудь последовать этому правилу, и тебе не придется так часто оказываться в лазарете. Шучу.

То, что он, возможно, прав, только усугубляет мое раздражение.

– Какой смысл в этом разговоре?

– Грейс, – тихо говорит он, – *открой глаза.*

Я не хочу этого делать. Не знаю почему, но ужасно не хочу. Но в то же время это как навязчивая тяга, которая, я знаю, выйдет мне боком – такое было со мной, когда я в седьмом классе сломала зуб и потом меня неудержимо тянуло все время трогать его языком, хотя я и знала, что он такой острый, что я порежусь. То же самое я испытываю и сейчас, слушая, как Хадсон говорит мне открыть глаза.

– *Ничего себе, значит, я, по-твоему, что-то вроде зубной боли?* – Он задет. – *Ну спааа-асибо.*

– Будь ты зубной болью, я бы пошла к стоматологу, и пусть бы он высверлил тебя из моей головы, – говорю я ему, слыша звучащую в моем голосе бессильную злость. – Притом без новокаина.

– *У тебя стержневой характер, Грейс. Интересно, меня можно будет счесть мазохистом, если я признаюсь, что мне это нравится?*

Тьфу. Ладно, я могу стерпеть этот голос в моей голове. И, быть может, даже смириться с тем, что он принадлежит Хадсону. Но от этого сексуального подтекста мне хочется плевать.

В конце концов, я перестаю бороться с собой и решаю открыть глаза, если это значит, что он наконец заткнется. И очень об этом жалею, потому что...

Вот черт. Он здесь, стоит рядом с лампой, прислонившись одним широким плечом к ледяной стене и скрестив длинные ноги, и на его до нелепости смазливом лице играет мерзкая ухмылка. У него, как и у Джексона, высокие скулы и волевой подбородок, но на этом их сходство кончается. Если глаза Джексона темны, как беззвездная ночь, то у Хадсона они, как голубое небо. Его густые брови, такого же темно-шоколадного цвета, как и короткие волосы, сходятся над переносицей, красивые глаза шурятся, улавливая каждую деталь моей реакции. И тут я понимаю, что, хотя от каждого движения Джексона веет опасностью и силой, бояться надо не его, а его брата. Джексон был тупым клинком, не то что его брат, который, похоже, с хирургической точностью подмечает каждую мою слабость, каждую эмоцию. Этот малый узнает, как причинить тебе максимальную боль, причем тогда, когда ты вообще этого не ожидаешь.

Меня продурает мороз.

Я бы не удивилась, если бы оказалось, что на спине его серебристо-серой рубашки красуется огромная черная надпись: «ЗЛОДЕЙ».

Вот как великолепно у него получается выглядеть плохим. *Быть* плохим. И это даже до того, как я замечаю, что одна рука небрежно засунута в карман дорогих черных классических брюк.

Ну еще бы. Похоже, дьявол на самом деле носит «Гуччи», а не то, что вы подумали.

– *Это «Версаче»,* – возмущенно отвечает он.

– Не все ли равно? – говорю я, когда мой разум наконец начинает поспевать за наблюдениями. – Ты что, все время стоял там?

– *Да, Грейс, я все время был здесь,* – с терпеливым вздохом отвечает он. – *Не обижайся, но где еще мне быть? Мы же с тобой в каком-то смысле связаны, если ты не заметила.*

– Поверь, я заметила, и еще как.

– *Тогда зачем этот глупый вопрос?*

Я закатываю глаза.

– Ах, извини. Я перестану задавать глупые вопросы, если ты перестанешь – о, не знаю – похищать мое тело, чтобы убивать людей.

– *Я тебе уже сказал, что это должен был быть просто маленький укус. Не моя вина, что у человековолок такой дурной нрав.* – Он приподнимает одну идеально очерченную бровь. – *Но должен сказать, что ты девушка с характером. Ты правда думаешь, что Джексон может справиться с тобой?*

– Не твое дело, с чем Джексон может справиться, а с чем нет.

– *Стало быть, твой ответ – твердое «нет»?* – На этот раз он улыбается хитрой улыбкой, которая должна бы быть мерзкой, но почему-то только делает его и без того идеальное лицо еще более идеальным. – *Ого-о, ты считаешь, что у меня идеальное лицо?* – Он поворачивается так, чтобы мне был виден его профиль с высоченной скулой и чеканной линией подбородка. – *Какая из моих черт нравится тебе больше всего?*

– Ты не должен был этого слышать.

– *Я в твоей голове, Грейс. Я слышу все.*

– Но я же вижу тебя вон там, и ты шевелишь губами. – До меня вдруг доходят его слова. – *Все?*

Он поднимает один палец.

– *Во-первых, меня можешь видеть только ты одна. Твое сознание делает меня зримым. А во-вторых...* – Его улыбка делается еще более хитрой. – *Все.*

Я опускаю голову, чтобы он не смог увидеть краску смущения на моих щеках. – Не знаю, что можно на это сказать.

– *Не переживай.* – Хадсон подмигивает мне. – *Я привык к тому, что рядом со мной девушки теряют дар речи.*

Я тяжело вздыхаю.

– Я и не переживала. – *Ты действительно собираешься это продолжать?*

– *Продолжать что?* – Он приклеивает к лицу выражение притворной невинности.

– Комментировать мои мысли, хотя я с тобой и не говорю. – Я опять испускаю тяжелый вздох.

Он ухмыляется.

– *Считай, что так я тебя мотивирую.*

– Мотивируешь на что? – вопрошаю я.

– *Ну, не знаю.* – Он делает вид, будто рассматривает свои ногти. – *Может, на доставание меня из твоей головы?*

– Поверь, для этого мне не нужна дополнительная мотивация. Ведь чем скорее ты уберешься, тем скорее я смогу увериться, что мне больше никогда не придется тебя видеть.

Я готовлюсь к его следующему саркастическому замечанию, полагая, что это будет нечто исключительное, но текут секунды, а он так ничего и не говорит. Вместо этого он достает из воздуха мяч и начинает подбрасывать его и ловить по кругу.

Один раз, другой, еще и еще. Сначала я радуюсь тому, что он молчит, но чем дольше длится это молчание, тем сильнее я нервничаю. Потому что хуже, чем знать все, что думает Хадсон, может быть только одно – не знать *ничего*. Очень может быть, что он сейчас прикидывает, как убить меня, точно как я прикидываю, каким образом убить его.

Однако, в конце концов, он все же переключает свое внимание с мяча обратно на меня.

– *Так оно и есть,* – невозмутимо говорит он. – *Как я и говорил, у тебя стержневой характер.*

И опять подбрасывает мяч.

– Лучше уж быть стержневой, чем говнистой.

– *Говнистыми бывают все, Грейс.* – Говоря это, он смотрит мне прямо в глаза, и его слова впервые кажутся мне искренними. Как и *он сам*. – *Вопрос заключается только в том, достаточно ли они честны, чтобы позволить тебе увидеть их говнистость. И если нет, то именно таких людей и надо опасаться.*

– Интересно, почему это похоже на острастку? – спрашиваю я.

– *Потому что ты больше не какой-то там слабый, жалкий человек. Ты горгулья, а когда речь идет о том, как прочие относятся к горгульям – к знакомству с горгульей, к обладанию ею – все становятся не тем, чем кажутся.*

– В том числе и ты? – осведомляюсь я, чувствуя, как мороз пробегает по коже.

– *Разумеется.* – Тон у него скучающий и раздраженный. – *Но не только я, другие тоже.*

Я не знаю, что на это можно ответить, не знаю, пудрит ли он мне мозги или в его словах есть крупица правды. Но прежде чем я прихожу к какому-то выводу, он отступает назад и скрывается в сумраке.

Вот один такой, – шепчет он где-то в глубине моего сознания.

– Что ты хочешь этим сказать? – так же тихо спрашиваю я.

Он качает головой и больше ничего не говорит.

И только когда я отворачиваюсь, только когда Кровопускательница зовет меня по имени, до меня доходит, что подброшенный Хадсоном мяч так и не упал.

Глава 34. Здесь нет места для нас обоих

– Грейс, ты уже пришла в себя? – Голос Кровопускательницы звучит так, словно от меня до нее дальше, чем я ожидала.

– Да, пришла, – говорю я, сев и откинувшись на подушки. – Простите. Хадсон...

– Что Хадсон? – спрашивает Кровопускательница, подавшись вперед и пристально глядя на меня.

И тут до меня доходит, что в сумраке виднеется решетка, которая разделяет нас.

Я резко вскакиваю, шарю глазами и рядом с Кровопускательницей обнаруживаю Джексона.

– В чем дело? – спрашиваю я голосом, ставшим визгливым от страха. – Почему я в клетке?

– Все в порядке, – уверяет меня он.

– Ничего не в порядке. Я не животное в зоопарке. Сейчас же выпустите меня.

Я протягиваю к решетке руку, но тут же передумываю касаться ее, потому что она светится странным светом, как будто по ней пропустили электричество, и я не могу не думать, что это может значить... и что будет со мной, если я дотронусь до нее.

– Мы не можем этого сделать, Грейс, – отвечает Кровопускательница. – Пока.

– Почему? – А что, если Хадсон был прав? Что, если, говоря все это, он не пудрил мне мозги?

– *Как бы мне ни нравилось пудрить тебе мозги, Грейс, я не имею привычки предостерегать других без причины, просто так,* – из сумрака убеждает меня Хадсон.

– Перестань болтать со мной! – почти кричу я. – Разве ты не видишь, что я в беде?

Джексона и Кровопускательница удивленно переглядываются.

– *Они меня не слышат,* – напоминает мне Хадсон, и я сжимаю зубы.

– Понятно, – говорит Кровопускательница. – Я знаю, что Хадсон здесь, с тобой. Это я усыпила тебя, когда поняла, насколько крепко он тебя держит.

Часть меня хочет спросить ее, откуда она это знает, но потом я думаю: почему нет? Ведь какой смысл стареть, если при этом ты не узнаешь многое о многом?

– *О, я вас умоляю.* – Хадсон выпускает длинный вздох и, выйдя из сумрака, начинает ходить туда-сюда по узкому пространству возле моей кровати. – *Послушать ее, так можно подумать, будто я руковожу какой-то сектой. Я не принуждал тебя делать ничего такого, чего ты не хотела сделать сама.*

Я потрясенно поворачиваюсь к нему.

– Ты говоришь о краже атаме и покушении на убийство Коула? И о том, что за три дня я вырубалась уже *три раза*?

– *Если честно, Коул это заслужил. И мы не пытались его убить.*

Кровопускательница хватается Джексона за руку и, оттащив его от решетки, что-то говорит ему. Что за жизнь. Опять секреты.

Я пользуюсь этой передышкой, чтобы прошептать:

– Ты прав. Это делали не *мы*. Это сделал *ты*.

Он вздыхает и снова прислоняется к ледяной стене.

– *Те же яйца, вид сбоку. Но вернемся к нынешнему положению вещей. Я ведь предупреждал тебя, чтобы ты ей не доверяла.*

– Ты предупредил меня *после* того, как она посадила меня в клетку. Так какой мне от этого толк? К тому же в клетке я нахожусь из-за тебя, так что виноват в этом ты.

– *Ага. Опять та же песня.* – Он небрежно машет рукой.

– О чем ты?

– О том, что и куда более сильным людям, чем ты, случалось лезть из кожи вон, лишь бы отмазать моего братца. Не знаю, почему меня вообще удивляет, что ты оказалась такой же, как и все остальные.

– Я не пытаюсь отмазать Джексона! – шиплю я. – Я просто хочу выбраться из этой чертовой клетки. Как вообще ты смог вернуться, не имея тела, и оказался в моей голове?

– Я вернулся, имея тело. – Он качает головой и смотрит на Джексона, который все еще разговаривает с Кровопускательницей. – Да, вернувшись, я не очень-то понимал, что к чему, но это я знаю точно. Последнее, что я помню, – как мой брат пытался убить меня, и я двинулся, повинувшись инстинкту, – развоплотился и переносился в его сторону, чтобы защитить себя. Обратившись в камень, ты – я в этом уверен – забрала с собой мое развоплотившееся для переноса тело в то самое мгновение, когда оно воплощалось вновь. И теперь, – он разводит руками, – мы имеем то, что имеем.

Это имеет какой-то смысл, пусть и извращенный – хотя мне и не хочется, чтобы это было правдой. Но как еще это можно объяснить? Я не нарочно перешла в другую ипостась, превратившись в горгулью – я даже не знала, что такое возможно. Быть может, из-за этого мое превращение пошло наперекосяк – из-за того, что как раз в то мгновение Хадсон, развоплотившись, перенесся в меня. Или же из-за моего перехода в другую ипостась его перенос пошел наперекосяк. И в том, и в другом случае вполне может быть, что он заточен в моей голове по моей же вине. Тьфу. Не к такому выводу я хотела прийти.

Эта мысль бьется в моем мозгу, когда я поворачиваюсь к Кровопускательнице.

– Что я должна сделать, чтобы вы выпустили меня?

Кровопускательница и Джексон опять подходят к решетке. На лице Джексона написана отчаянная тревога, и мне вдруг хочется обнять его и уверить, что все будет хорошо.

– Это ты сидишь в клетке, но тебе хочется облегчить его страдания. Что и требовалось доказать, – рычит Хадсон, но я игнорирую его и вместо этого смотрю в глаза Джексона.

Кровопускательница прерывает наш разговор:

– Ты должна дать мне научить тебя, как построить стену, чтобы отгородиться от Хадсона, заблокировать его. Ты должна воздвигнуть преграду между ним и собой. Хадсону нельзя доверять.

– Я знаю.

– Ой ли? Потому что вряд ли ты сможешь до конца осознать это, пока не узнаешь его. Пока по-настоящему не поймешь, как он действует. Ты можешь мне не верить, но придет время, когда тебе захочется ему сопереживать.

– Я бы никогда...

– Да-да, так и будет. Но ты не должна этого делать. Тебе надо оставаться сильной, постоянно быть настороже. В твоём мире нет никого более опасного, чем Хадсон. Никто не может творить того, что способен творить он. Он будет говорить тебе именно то, в чем ты ощущаешь нужду, именно то, что ты хочешь услышать. Он будет лгать тебе, запутывать тебя, а когда ты ослабишь бдительность, он убьет тебя. Или того хуже – убьет всех, кого ты любишь, просто потому, что может.

Хадсон перестает ходить туда-сюда и делает каменное лицо, ожидая моей реакции. Живут только его ярко-голубые глаза, проницающие меня до самого сердца.

– Я этого не допущу, – говорю я, чувствуя, как меня захлестывает паника. – Как я могу отгородиться от него?

– Именно этому я и хочу тебя научить. Если ты мне позволишь.

– Конечно, позволю. Ведь мы явились сюда именно за этим – чтобы вы научили меня, как избавиться от него. Но я не понимаю, почему вы решили, что надо запереть меня. – Я поворачиваюсь к Джексону. – И почему ты решил, что должен ей это позволить.

Он меняется в лице.

– Я не...

– У него нет выбора. И у тебя тоже. Плохо уже одно то, что Хадсону удавалось завладевать твоим телом. Но теперь, когда он начал говорить с тобой, нам надо найти способ воздвигнуть перегородку между вами прежде, чем станет слишком поздно. И эта клетка развязывает нам руки, поскольку за решеткой остается также и он.

Я замечаю, что она не говорит, что решетка защищает от него также и меня, находящуюся за ней, – но не упрекаю ее, потому что мне надо задать ей куда более важный вопрос:

– Пока не станет слишком поздно?

– Да, пока не станет слишком поздно, – повторяет она. – Чем дольше мы ждем, тем больше шансы на то, что, когда он завладеет тобой в следующий раз... – Она делает паузу, смотрит на Джексона, затем опять переводит взгляд на меня. – В следующий раз тебе, возможно, не удастся отыскать дорогу назад.

Ее голос зловеще отражается эхом от свода и стен пещеры, ее предостережение бьет меня, словно молния.

– Разве такое может быть? – шепчу я, чувствуя, как мое горло сжимает ужас.

– Конечно, не может! – Хадсон опять начинает ходить туда-сюда. – *Без дураков, разве кто-то может предпочесть провести свою жизнь в шкуре фанатки Джексона Веги?*

Я не устаиваю его вниманием.

– Да, может, это вполне возможно, – подтверждает Кровопускательница. – И чем дольше он будет оставаться в тебе, тем труднее тебе будет выдворить его – особенно если он решит, что не желает уходить.

Хадсон запускает руку в волосы.

– *Поверь мне, Грейс, с этим у тебя не будет проблем. Я хочу убраться из тебя не меньше, чем ты хочешь, чтобы я ушел.*

– А что будет, если он решит остаться? – спрашиваю я.

Несколько секунд Кровопускательница пристально смотрит на меня, как будто прикидывая, что мне можно сказать, а что нет.

– Сначала он станет завладевать тобой чаще – и на более длительные периоды. Тебе всякий раз будет труднее вспоминать, кто ты, труднее будет вернуться в свою повседневную жизнь – в конце концов, тебе станет проще отдавать ему контроль. В один прекрасный день ты просто сдашься.

– Я никогда так с тобой не поступлю, Грейс. Ты должна мне доверять. – В его голосе звучит почти такое же отчаяние, какое испытываю сейчас я сама. – Не строй стену. Не дай ей запереть меня.

Я поворачиваюсь и смотрю ему в глаза. Он перестал ходить взад-вперед, и мы сцепляемся взглядами, как мне кажется, на несколько минут. Я не могу сказать, что думает он, а он может слышать каждую мою мысль. Он доказал это мне. *Мне бы хотелось иметь возможность тебе доверять, но это невозможно.*

Его плечи опускаются, но он кивает. *Я понимаю.* На сей раз я слышу не то, что он говорит, а то, что думает, поскольку его губы не шевелятся, но я слышу каждое слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.